

„БЫЛОЕ“

II.

(Новая серія)

СБОРНИКИ

ПО НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

подъ редакціей

В. Л. БУРЦЕВА.

**ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ**

**ПАРИЖЪ
1933**

Мой прїѣздъ въ Россію въ 1914 г.

*(Изъ моихъ воспоминаній *).*

1917 годъ.

У большевиковъ въ Петропавловской крѣпости. — Большевики и антибольшевики среди тюремной стражи. — Комендантъ взяточникъ. — Бывшій министръ въ карцеръ. — Заключенные пишутъ духовныя завѣщанія.

Большевики арестовали меня въ первый же день прихода ихъ къ власти, и я былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость вечеромъ 25-го же октября 1917 г.

Прежней тюремной дисциплины въ Петропавловской крѣпости не было.

Мы могли получать съ воли газеты, пищу, имѣли болѣе частыя, чѣмъ раньше это бывало, свиданія, сидѣли въ своемъ платьѣ, у насъ были общія прогулки по часу каждый день и т. д. Но въ Петропавловской крѣпости тогда намъ пришлось познакомиться со многимъ, чего тамъ не было даже и при старомъ режимѣ.

Мы прекрасно знали, что наша тюремная стража раздѣлилась, какъ и всѣ въ Россіи, на два лагеря: на большевиковъ и меньшевиковъ. Между ними изъ-за насъ происходили не только споры съ крѣпкими словами, съ угрозами оружіемъ, но часто дѣло доходило до драки.

Комендантомъ всей крѣпости, въ рукахъ котораго была наша жизнь, былъ назначенъ большевиками взяточникъ, грубый, вѣчно пьяный, наглый солдатъ Павловъ. До ре-

*) См. № 1 «Былое».

волюціи онъ былъ обыкновеннымъ безличнымъ солдатомъ и служилъ гдѣ-то въ канцеляріи. Теперь въ немъ проснулись дикіе инстинкты самодура, желавшаго пожить и показать свою власть.

Однажды у насъ произошелъ инцидентъ, который могъ очень печально кончиться. Вмѣстѣ съ нами въ тюрьмѣ сидѣлъ министръ исповѣданій А. В. Карташевъ, членъ временнаго правительства, выбранный въ Учредительное Собраніе, к.-д., человѣкъ глубокой науки, одинъ изъ самыхъ мягкихъ и гуманныхъ людей. Въ его письмѣ къ сестрѣ солдатъ Павловъ, однажды, увидѣлъ фразу, о Смольномъ, не понравившуюся ему, — фразу совершенно безобидную. Но Павловъ, благодаря своей безграмотности, не понялъ ироніи Карташева и за оскорбленіе большевиковъ засадилъ его немедленно въ карцеръ. Карцеръ представлялъ собою небольшую, совершенно темную, грязную комнату, безъ постели, гдѣ недавно сидѣлъ, по приказу Керенскаго, Бѣлецкій.

О томъ, что Карташевъ посаженъ въ карцеръ, мы ничего не знали въ тотъ день. Только на слѣдующій день во время общей прогулки обратили вниманіе на то, что между нами нѣтъ Карташева.

Отъ сочувствующихъ намъ солдатъ мы на прогулкѣ узнали, въ чемъ дѣло. Мы немедленно потребовали освобожденія Карташева, и когда намъ въ этомъ отказали, мы, въ видѣ протеста, прекратили прогулку и объявили голодовку.

Послѣ прогулки мы задержались въ коридорѣ и совѣщались, что намъ дѣлать. Солдаты большевики, караулившіе у насъ въ коридорѣ, стали требовать отъ насъ, чтобы мы сейчасъ же вошли въ камеры и угрожали намъ прикладами. Комендантъ Павловъ ругался, грозилъ расправиться съ нами, но мы стали расходиться по камерамъ только тогда, когда успѣли выработать общій планъ дѣйствій.

Бывшій министръ Терещенко-первый вынесъ изъ своей камеры все съѣстное. За нимъ то же сдѣлали всѣ мы остальные. Когда намъ принесли обѣдъ, мы отказались взять его. Въ это время пришелъ нашъ симпатичный тюремный докторъ И. И. Манухинъ, и мы попросили его сообщить обо всемъ происшедшемъ на волю.

Въ Смольномъ большевики скоро узнали о нашемъ протестѣ. Они поняли, что готовится огромный скандалъ, и вечеромъ въ тотъ же день Карташевъ былъ освобожденъ изъ карцера, и наша тюремная жизнь пошла своимъ чередомъ.

Такими эпизодами наша тюремная жизнь была полна все время. Сидя въ камерахъ, мы черезъ запертыя двери постоянно слышали угрозы солдатъ-большевиковъ перебить насъ. Эти угрозы и ругань по нашему адресу повторялись изо дня въ день.

Часто они громко ругались именно для того, чтобы мы слышали ихъ угрозы.

Временами, когда на волѣ особенно обострялась борьба большевиковъ съ другими партіями, угрозы нашихъ солдатъ дѣлались еще болѣе злобными. Въ 10-родѣ, среди нашихъ друзей тревога за насъ никогда не прекращалась.

Мы оставались цѣлы только потому, что среди нашей стражи большинство было не изъ большевиковъ. Расположенные къ намъ солдаты берегли насъ. Они иногда ночами не спали, когда насъ караулили большевики, для того, чтобы спасти насъ въ нужную минуту.

Наши солдаты часто по собственной инициативѣ обращались къ высшему начальству съ просьбой принять мѣры противъ готовящихся избиеній насъ. Нѣкоторые изъ сидѣвшихъ отчаялись выйти живыми изъ тюрьмы, и поэтому написали свои духовныя завѣщанія. Никто изъ насъ ни одного дня не былъ увѣренъ въ томъ, что солдаты не расправятся съ нами. Больше чѣмъ на самихъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, эти угрозы дѣйствовали на ихъ женъ и ихъ близкихъ друзей, приходившихъ на свиданія. Прощаясь, они никогда не были увѣрены, что еще разъ увидятъ дорогихъ для нихъ людей.

Такой тревоги и такихъ ожиданій ежедневныхъ самосудовъ стражи надъ заключенными никогда не было въ Петропавловской крѣпости во время царскаго режима. Это возможнымъ сдѣлалось сначала при Керенскомъ, а потомъ при Ленинѣ и Троцкомъ.

У этихъ темныхъ солдатъ, развращенныхъ большевистскою агитаціей, злоба противъ насъ была часто бессмысленна, они сами не разбирались въ своихъ словахъ,

которыя произносили. Однажды, солдатъ, стоявшій на часахъ около камеры Терещенко, сказалъ:

— Убить его надо. Онъ... (непечатное слово) шпіонъ: не хочетъ мира съ нѣмцами!

Какъ ни трагично было положеніе Терещенко въ данную минуту, но эта брань часового заставила его отъ души расхохотаться.

Эти слова наивнаго солдата долго забавляли насъ всѣхъ, и мы часто смѣялись, повторяя ихъ.

Наши совмѣстныя прогулки продолжались съ конца октября по конецъ декабря, когда однихъ (и меня въ томъ числѣ) отправили въ другую тюрьму — въ Кресты, а другихъ, какъ больныхъ, стали развозить по больницамъ. Шингарева и Кокошкина изъ Петропавловской крѣпости въ больницу отправлялъ тотъ самый «комендантъ», о которомъ я говорилъ, — солдатъ Павловъ. Онъ далъ какія-то спеціальныя указанія для тѣхъ конвойныхъ, которые перевели заключенныхъ изъ крѣпости въ больницу. Ихъ отвезли въ больницу поздно вечеромъ, а ночью туда, по указанію крѣпостныхъ конвойныхъ, пришли 15 человекъ матросовъ и солдатъ, хорошо знавшіе, гдѣ помѣщены Шингаревъ и Кокошкинъ. Шингаревъ и Кокошкинъ были ими звѣрски убиты.

Выпускъ въ тюрьмѣ журнала „Досуги“.

Агитація противъ большевиковъ. — Свиданія съ корреспондентами. — «Власть въ рукахъ немецкихъ агентовъ».

За все время сидѣнія въ Петропавловской крѣпости мы получили только два раза право собраться всѣмъ вмѣстѣ въ одной камерѣ.

Въ первый разъ было въ день Рождества. Прямо съ прогулки мы пришли въ камеру доктора Кишкина, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, который устроилъ для насъ сюрпризъ. Мы нашли у него небольшую елку, увѣшанную разными подарками для насъ.

Онъ прочиталъ свое стихотвореніе по поводу нашего «совмѣстнаго сидѣнія, гдѣ каждому изъ насъ отдѣльно было удѣлено по нѣскольکو строкъ».

Второй разъ мы собрались въ той же камерѣ Кишкина вечеромъ 31 декабря, когда узнали, что меня увозятъ изъ Петропавловской крѣпости въ другую тюрьму. Мы горячо простились другъ съ другомъ и едва ли кто-либо изъ насъ когда-нибудь забудетъ это наше пятиминутное свиданіе.

До этого на волѣ мы другъ о другѣ слышали, кое-кто изъ насъ другъ съ другомъ даже встрѣчались, нѣкоторые были даже близки, но тогда насъ многое разъединяло: разногласіе въ политическихъ вопросахъ, разница въ занятіяхъ и въ характерѣ общественной дѣятельности. Совмѣстныя прогулки въ Петропавловской крѣпости, разговоры, переживанія въ одинаковыхъ условіяхъ того, что мы узнавали изъ за стѣнъ тюрьмы, сама тюремная жизнь съ ея острыми мелочами, съ ея повседневной тяготой, а главное — общее горе, общее несчастье, которое переживала въ эти мѣсяцы родина, насъ особенно тѣсно сблизили.

То многое общее, которое у насъ было, особенно рельефно выдѣлялось. Все, что насъ разъединяло, казалось мелкимъ и говорило намъ о томъ, что мы члены одной и той же семьи, что у насъ несравненно больше общаго дѣла, чѣмъ это казалось раньше, когда мы только что вошли въ стѣны Петропавловской крѣпости. Мы разстались съ вѣрой, что Россія не погибла, и, пройдя черезъ всѣ испытанія, которыя ей устроилъ большевизмъ, выйти обновленной, сильной. О мартовской революціи 1917 г. мы сохраняли теплое воспоминаніе.

Какъ полагается въ тюрьмѣ, мы общими силами, подъ редакціей Кишкина, выпустили первый номеръ журнала «Досуги». На Новый Годъ всѣ въ запечатанныхъ конвертахъ передали свои предсказанія на этотъ годъ одному товарищу по сидѣнію съ правомъ распечатать ихъ 31 декабря 1918 г.

Мои друзья съ первыхъ же дней моего ареста настаивали на томъ, чтобы я по возможности скорѣй старался выбраться изъ тюрьмы, уѣхать за границу и ничѣмъ не осложнять своего освобожденія.

Хотя фактически можно было обойти тюремныя правила и попытаться тайно начать вести литературную агитацию изъ стѣнъ тюрьмы подъ псевдонимомъ или анонимно, или даже рискнуть выступить подъ своимъ именемъ, но я не хотѣлъ подавать повода къ тюремнымъ репрессіямъ противъ сидѣвшихъ вмѣстѣ со мной. Поэтому я не рѣшался изъ тюрьмы же начать систематическую кампанію противъ большевиковъ. Но, тѣмъ не менѣе, я и изъ стѣнъ Петропавловской крѣпости имѣлъ возможность время отъ времени протестовать противъ нихъ.

Кромѣ близкихъ лицъ, которыя получали разрѣшеніе видѣть насъ въ присутствіи большевицкихъ комиссаровъ, насъ иногда посѣщали корреспонденты русскихъ, американскихъ, французскихъ, англійскихъ и другихъ газетъ. Съ ними я говорилъ всегда на современные темы. Такимъ образомъ, бесѣдуя съ многими корреспондентами, я успѣвалъ, еще будучи въ крѣпости, высказаться въ прессѣ противъ большевиковъ.

Особенно осталось въ памяти у меня свиданіе съ корреспондентомъ парижской газеты «Пти Паризьенъ».

Мы сидѣли съ нимъ въ небольшой комнатѣ Петропавловской крѣпости, окна которой выходили на тюремный дворъ. Между нами за столомъ сидѣлъ большевицкій комиссаръ, и, повидимому, дѣлалъ замѣтки для своего начальства — мы говорили по русски — о томъ, что я говорилъ съ корреспондентомъ. Въ началѣ моей бесѣды я изложилъ то, что мнѣ было нужно, но что не могло вызвать протеста со стороны комиссара. Я, между прочимъ, показалъ изъ окна этому корреспонденту деревья, растущія во дворѣ и сказалъ:

— Лѣтъ тридцать тому назадъ я былъ при Александрѣ III за революціонную пропаганду посаженъ въ этотъ самый рavelинъ — вотъ эти деревья тогда были немногимъ больше человѣческаго роста, а теперь, смотрите, какія они стали большія.

Когда все главное было мною сказано и оставалось всего нѣсколько минутъ свиданія, я скороговоркой, чтобы меня не могли прервать, обратился къ корреспонденту съ слѣдующими словами.

«Передайте во Франціи всѣмъ нашимъ друзьямъ, что въ Петроградѣ вся власть находится въ рукахъ нѣмецкихъ агентовъ. Мы всѣ преданы и проданы...»

Тутъ комиссаръ вскочилъ и закричалъ:

«Я не могу разрѣшить говорить такія вещи. Если вы будете говорить такія вещи, я лишу васъ свиданія!»

Я перемѣнилъ тему и сталъ говорить о томъ, что не могло вызвать протеста со стороны комиссара.

20 минутъ, данныя намъ для свиданія, кончились, и я, прощаясь съ французскимъ корреспондентомъ, какъ бы вдогонку ему, когда комиссаръ уже не могъ ничего сдѣлать, еще разъ сказалъ:

«Помните, что я сказалъ... Самое главное, передайте во Франціи всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, что въ Петроградѣ вся власть — въ рукахъ нѣмецкихъ агентовъ. Мы всѣ преданы и проданы».

Когда я еще сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, тамъ до меня дошелъ номеръ одной петроградской газеты, гдѣ былъ помѣщенъ переводъ этого моего интервью. Моей фразы о томъ, что власть въ Петроградѣ вся въ рукахъ нѣмецкихъ агентовъ, помѣщено не было. Она, очевидно, застряла въ цензурѣ. Въ интервью «Пти Паризьенъ» эта фраза была помѣщена.

Въ Крестахъ при большевикахъ.

Съ бывшими министрами. — Встрѣча съ Сухомлиновымъ. — Ночныя бестыды съ Бѣлецкимъ. — Къ старому Россія никогда не вернется.

Въ Крестахъ я очутился сразу въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Петропавловской крѣпости, и въ совершенно иной средѣ. Меня помѣстили не въ обычной тюрьмѣ, а вмѣстѣ съ другими политическими въ больницѣ. Тамъ было шесть камеръ, въ каждой по 4-5 человекъ. Днемъ двери камеры не запирались и заключенные могли свободно сноситься другъ съ другомъ. Свиданія со знакомыми тоже были легче, чѣмъ въ крѣпости.

Среди заключенныхъ я встрѣтилъ бывшаго директора Департамента Полиціи Бѣлецкаго, бывшаго министра Внутреннихъ Дѣлъ Хвостова, человекъ пять монар-

хистовъ, осужденныхъ по дѣлу Пуришкевича, имена нѣкоторыхъ изъ нихъ — полк. Винберга, Шабельскаго и др. впоследствии печально прогремѣли за границей. Вскорѣ къ намъ изъ Петропавловской крѣпости привезли бывш. Министра Юстиціи Щегловитова, бывшаго Военнаго Министра Сухомлинова, затѣмъ участниковъ Временнаго Правительства Коновалова, Авксентьева, Смирнова, Третьякова, Рутенберга, Пальчинскаго, Терещенко. Впоследствии прибыли къ намъ ген. Болдыревъ, Пуришкевичъ и другіе.

Какое поразительное разнообразіе въ біографіяхъ, въ характерахъ, во взглядахъ у всѣхъ этихъ лицъ, помещенныхъ въ однѣ и тѣ же камеры большевиками!

Когда меня привезли въ Кресты, — было вечеромъ, — сидѣвшіе задавали вопросъ, какъ я встрѣчусь съ Бѣлецкимъ, Хвостовымъ и др. Но я напередъ зналъ, что надо встрѣтиться безъ вражды и, что прошлое есть прошлое, а что у всѣхъ насъ мрачное настоящее, что теперь есть много, о чемъ поговорить намъ всѣмъ, какъ о чемъ-то общемъ. Я встрѣтился съ ними безъ какой-либо вражды, и мы скоро заговорили съ полнымъ довѣріемъ другъ къ другу.

Затѣмъ въ Кресты привезли Сухомлинова. Онъ сильно волновался, какъ его встрѣтятъ и специально какъ встрѣчу я его. Я понималъ трудность его положенія и зналъ, что остальные заключенные хотѣли встрѣтить его очень холодно. А нѣкоторые рѣшили съ нимъ даже не разговаривать. Поэтому, когда Сухомлиновъ вошелъ къ намъ въ камеру, я первый пошелъ къ нему навстрѣчу и сразу старался установить прямые, невразлюбимыя отношенія, чтобы не создавать въ тюрьмѣ для человѣка еще новой тюрьмы. Также мы потомъ встрѣтили и Щегловитова.

Внутри камеръ у насъ былъ общій внѣшній миръ, а у нѣкоторыхъ между старыми враждующими между собою лицами установились вполне довѣрчивыя и близкія отношенія.

Бѣлецкій былъ директоромъ Департамента Полиціи въ 1910—14 г. г. Въ эти годы я былъ за границей и занимался разоблаченіями провокаторовъ. Всѣ эти годы мы вели между собою систематическую борьбу. Я разоблачалъ и опубликовывалъ его агентовъ, а онъ старался ихъ

спасать и боролся со мной. И вот теперь мы вмѣстѣ встрѣтились въ тюрьмѣ въ одной и той же камерѣ. Наши кровати стояли рядомъ. Мы могли говорить о чемъ угодно, и когда въ камерѣ ночью наступала тишина, и всѣ засыпали, я съ Бѣлецкимъ садился рядомъ и вспоминали то, что у него въ Петроградѣ было въ Департаментѣ Полиціи, а у меня въ Парижѣ въ редакціи «Будущаго».

О прошломъ мы говорили, какъ о чемъ-то такомъ, что умерло и должно быть похоронено, т. е. съ спокойствіемъ изслѣдователей-историковъ.

Эти мои тюремныя бесѣды съ Бѣлецкимъ доставляли мнѣ величайшее удовольствіе. Изъ нихъ я тогда убѣдился болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, что моя борьба съ провокаціей изъ Парижа причинила большія непріятности правительству и была его по самому больному его мѣсту. Въ моихъ разоблаченіяхъ, оказалось, не было никакихъ ошибокъ.

Бѣлецкій одинъ изъ первыхъ учелъ уроки прошлаго, понималъ, что въ старомъ режимѣ было пережито, онъ сознавалъ, что къ этому Россія никогда болѣе не вернется и надъ многими поставилъ крестъ. По своему прошлому онъ былъ большой службистъ, чиновникъ, но безусловно умный работникъ, пробившій себѣ дорогу своими силами, искренній человѣкъ и добросовѣстно относился къ своей службѣ.

Все это дѣлало его въ свое время особенно опаснымъ врагомъ. Теперь въ Крестахъ я его встрѣтилъ тогда, когда старое, чему онъ служилъ, для него самого рухнуло не только на улицѣ, но и въ душѣ.

Все это не только давало намъ общую почву для разговоровъ и воспоминаній, но все это насъ, старыхъ враговъ, сблизило. Когда я выходилъ изъ тюрьмы, я очень тепло съ нимъ простился и сохраняю о немъ и теперь во многихъ отношеніяхъ теплые воспоминанія.

Генераль Сухомлиновъ.

«Такія сказки возможны только въ Россіи!» — «Безпартійный» объѣдъ.

Два слова о ген. Сухомлиновѣ. Я никогда не вѣрилъ въ то, въ чемъ его обвиняла толпа и общественное

мнѣніе, — въ предательствѣ, въ томъ, что онъ, будучи военнымъ министромъ, сознательно предавалъ Россію нѣмцамъ. Для меня онъ всегда былъ царедворцемъ, плохимъ военнымъ министромъ, а потому (и по другимъ причинамъ) его имя было связано у меня съ тяжелыми страницами настоящей войны. Вотъ почему, встрѣтивши его послѣ полутора лѣтъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, гдѣ ему пришлось пережить тяжкія испытанія, я безъ личной вражды встрѣтился съ нимъ и также потомъ тепло простился. Семидесятилѣтній старикъ выдерживалъ тюрьму съ большимъ характеромъ.

Однажды, когда собралась вокругъ стола особенно красочная группа, — съ одной стороны Бѣлецкій, Хвостовъ, Сухомлиновъ, Щегловитовъ, осужденные по процессу Пуришкевича, а съ другой, члены временнаго правительства — Терещенко, Коноваловъ, Авксентьевъ и др., кто-то сказалъ:

«Это только въ Россіи возможны такія сказки! Ну, кто бы годъ тому назадъ могъ предположить, что здѣсь въ тюрьмѣ, въ этихъ Крестахъ, будутъ вмѣстѣ сидѣть, вмѣстѣ пить и ѣсть, мирно бесѣдовать Бурцевъ и Бѣлецкій, Терещенко и Щегловитовъ и т. д.

Я по этому поводу замѣтилъ:

«Да, этого ужъ дѣйствительно никому не могло придти въ голову. Это для всѣхъ показалось бы абсурдомъ. Но все-таки тутъ есть что-то закономѣрное. Здѣсь сидятъ люди съ различными біографіями, съ различными взглядами, но здѣсь нѣтъ ни одного предателя Россіи, ни одного не патріота. Между нами нѣтъ ни одного большевика, и въ тюрьмѣ насъ всѣхъ держатъ большевики».

Къ вечеру наши камеры обыкновенно запирались, но подъ различными предлогами можно было звонить, и сторожа отпирали намъ камеры. Этимъ мы пользовались, чтобы и ночью изъ одной камеры переходить въ другую. Когда камеры были заперты, и мы могли надѣяться, что никакіе неожиданные большевицкіе ревизоры не придутъ, мы собирались компаніями.

Были добыты карты, и вотъ вечерами, при закрытыхъ камерахъ, начинали играть въ винтъ или въ преферансъ. Играли чаще всего Авксентьевъ, Бѣлецкій, Сухомлиновъ, Терещенко, Хвостовъ и Пальчинскій. Я въ карты не игралъ, но очень часто ходилъ вокругъ стола, заглядывалъ

въ чужія карты и, въ качествѣ пятого, ненужнаго, игрока, давалъ совѣты, какъ играть.

Иногда я спрашивалъ своихъ сокамерниковъ, что было съ ними — годъ тому назадъ, полтора, два года. Отвѣты были таковы, что они показались бы бредомъ, если бы ихъ кто-нибудь предсказалъ за годъ передъ тѣмъ: въ одной камерѣ очутились Бурцевъ и Бѣлецкій, Авксентьевъ и Хвостовъ. Да тутъ еще подъ бокомъ съ нами были Щегловитовъ и Терещенко!

По поводу чьихъ-то именинъ (кажется, Хвостова) мы устроили «безпартійный» обѣдъ.

Бывшіе сановники и мы, эмигранты, сидѣли за однимъ столомъ, и насъ одновременно воодушевляли нѣсколько общихъ пожеланій и надеждъ: борьба съ большевиками и возрожденіе Россіи.

Мы сумѣли протащить къ себѣ въ камеру фотографическій аппаратъ и были сняты группами. Я лично вывезъ карточку, снятую съ меня и съ моего пріятеля Ф., посѣщавшаго меня въ тюрьмѣ. Сколько я помню, у другихъ остались цѣлыя группы.

Преступленія стараго режима блѣднѣютъ передъ преступленіями большевиковъ.

Произволъ темныхъ солдатъ и угрозы перебить всѣхъ заключенныхъ.

Прежде чѣмъ всѣ мы попали въ тюрьму, каждый изъ насъ на волѣ въ отдѣльности пережилъ много такого, за что намъ всѣмъ было тяжело за Россію. Мы чувствовали, что власть, еще отчасти при Керенскомъ и всецѣло при большевикахъ, попала въ руки людей, которые добиваютъ Россію, которые изо дня въ день совершаютъ позорнѣйшія, преступнѣйшія вещи, за которыя придется жестоко расплачиваться Россіи. Эти факты имѣли такое всепоглощающее значеніе для всѣхъ насъ, что разногласія по самымъ кореннымъ вопросамъ между мной и Бѣлецкимъ, которыя, конечно, оставались, какъ бы сглаживались, — и между нами былъ какъ будто перекинутъ мостъ, — и у насъ находилось что-то общее въ надеждахъ.

Когда я вышелъ изъ тюрьмы, я долго не могъ отдѣлаться отъ мысли, что наши прежніе враги — Бѣлецкій, Сухомлиновъ, Хвостовъ — все еще находятся въ тюрьмѣ, послѣ того, какъ они испили достаточно уже горькую чашу тюремныхъ испытаній при Керенскомъ, когда ихъ держали часто въ несравненно худшихъ условіяхъ, чѣмъ они держали насъ, — скажу прямо, въ возмутительныхъ условіяхъ.

Не могъ я отдѣлаться и отъ той мысли, что преступленія, въ которыхъ я обвинялъ въ заграничной печати Бѣлецкаго, Сухомлинова, Щегловитаго, въ моемъ представленіи совершенно поблѣднѣли въ сравненіи съ тѣмъ, что уже въ то время сдѣлали большевики.

Въ то же время жизнь, очевидно, многому научила и представителей стараго режима. Она показала имъ свою изнанку, о которой они не подозрѣвали, и они стали тѣми людьми, у которыхъ многое изъ стараго было безвозвратно похоронено, — похоронено тяжелыми испытаніями, быть можетъ, скажутъ иные, вполне заслуженными, но во всякомъ случаѣ очень тяжелыми. Горе, слезы, страданія, тюремныя переживанія, несомнѣнно уже и въ то время многихъ изъ нихъ переродили. Скажу отъ себя, какое для нихъ счастье, что они стали иными людьми.

Едва ли не большее горе переживали они до большевиковъ въ тюрьмѣ Керенскаго. За ихъ трагедіей я могъ слѣдить еще лѣтомъ этого года. Жены заключенныхъ представителей стараго режима нерѣдко приходили ко мнѣ съ просьбами, какъ къ частному человѣку, который могъ имъ помочь своими хлопотами.

За это время я навидался много чужого горя и чужихъ слезъ. Я понялъ, что многихъ изъ заключенныхъ преслѣдуютъ не потому, что они вредны въ данное время, а ради мести за то, что они дѣлали по отношенію къ намъ, и преслѣдовали часто такъ, какъ они насъ не преслѣдовали.

Я видѣлъ ненужныя, бессмысленныя жестокости и даже надругательства надъ заключенными.

Было очевидно, что въ представителяхъ молодой русской республики очень часто сказывался «ветхій» человѣкъ стараго режима. Сознать все это было для меня и больно и грустно...

Мое вмѣшательство за заключенныхъ не рѣдко вызывало какое-то недоброжелательство ко мнѣ со стороны властей и все то, чего удавалось мнѣ добиваться, добивался съ большимъ трудомъ. Мнѣ, революціонеру, было больно сознаться, что все это дѣлается подъ флагомъ свободы и социализма.

Приходившихъ на свиданія пускали къ намъ въ камеры. Къ намъ часто приходили жена Сухомлинова и жена Щегловитова, жены другихъ заключенныхъ, Мануйловъ-Манасевичъ, с.р. В. Агафоновъ и др. Былъ у меня разъ одинъ «сочувствующій» большевицкій комиссаръ, котораго я зналъ раньше на волѣ еще во время Керенскаго. Когда пріѣхалъ Кропоткинъ, онъ, встрѣчая его на вокзалѣ, какъ сочувствующій революціи, поставилъ насъ въ неловкое положеніе. Онъ бросился на колѣни передъ Кропоткинымъ и цѣловалъ его руки.

Въ тюрьму онъ пришелъ засвидѣтельствовать мнѣ глубочайшее уваженіе и увѣрялъ меня, что онъ готовится какія-то большія непріятности для большевиковъ.

Словомъ, толпа посѣщающихъ насъ была очень разнообразна.

Иногда посѣщали насъ официальные большевицкія власти. Былъ, между прочимъ, большевикъ Вронскій, который сидѣлъ раньше въ Шлиссельбургѣ, когда я туда въ концѣ 1916 г. пріѣзжалъ по дѣлу Пьяныхъ.

Не всѣ мы, сидѣвшіе въ однихъ камерахъ, разстались близкими людьми. Этому многое мѣшало. Но почти всѣ мы разстались въ значительной степени примиренными.

Съ нѣкоторыми представителями стараго режима я разстался съ особенно теплымъ чувствомъ.

Было еще одно обстоятельство, которое сближало всѣхъ насъ, заключенныхъ въ Крестахъ, какъ это было и въ Петропавловской крѣпости. Это вѣчная тревога по поводу угрозъ, которыя висѣли надъ нами, и которыя мы переживали вмѣстѣ. Въ Крестахъ, какъ и въ Петропавловской крѣпости, мы всѣ имѣли основаніе ждать еже-

дневно надъ собой самосуда со стороны тѣхъ, кто насъ караулилъ.

Тюремныя власти и въ Крестахъ, какъ и въ Петропавловской крѣпости для насъ дѣлились на два рѣзко отличающихся одинъ отъ другого лагеря: на «нашихъ» и «не нашихъ», на большевиковъ и меньшевиковъ. Но надъ тюрьмой въ то время висѣла угроза еще болѣе сильная, чѣмъ большевики. Это — произволъ темныхъ солдатъ, которые ходили къ намъ на караулъ. Эти солдаты находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ уличныхъ демагоговъ и каждый день накачивались «Красной Газетой», гдѣ они постоянно находили призывы къ убійству насъ, «контръ-революціонеровъ».

Въ томъ, кто собственно былъ въ Россіи «контръ-революціонеры», о которыхъ имъ говорили, солдатамъ было трудно разобраться. Стоя на караулѣ около нашего тюремнаго зданія, они постоянно громко, чтобы мы слышали, высказывали угрозы перебить всѣхъ насъ безъ исключенія. Въ своихъ казармахъ они устраивали митинги по поводу заключенныхъ и тамъ же выносили резолюціи объ избіеніи насъ, какъ враговъ большевиковъ.

Наше тюремное начальство, по большей части почувствовавшее намъ и бывшее противъ большевиковъ, чувствовало себя безсильнымъ противъ этихъ разнузданныхъ солдатъ, которыхъ для своихъ цѣлей продолжали все больше и больше разнуздывать изъ Смольнаго.

Однажды наше тюремное начальство узнало, что солдаты постановили перебить всѣхъ насъ опредѣленно въ какой-то день.

Оно обратилось въ Смольный съ вопросомъ: какъ быть? Но и Смольный чувствовалъ себя безсильнымъ передъ этой толпой разнузданныхъ солдатъ. Тюремное начальство не нашло ничего лучшаго, какъ нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ членовъ Временнаго Правительства спрятать на ночь въ этой же тюрьмѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ солдаты не могли бы ихъ найти.

Въ ночь, когда было назначено наше избіеніе, въ нашъ коридоръ, дѣйствительно, явилась банда вооруженныхъ пьяныхъ солдатъ съ топотомъ и криками. Мы черезъ запертыя двери стали прислушиваться, что они дѣлаютъ въ коридорѣ и ждали, когда они вотъ-вотъ появятся въ нашихъ камерахъ. Но солдаты и на этотъ разъ ог-

раничились сдѣланными угрозами и чрезъ нѣкоторое время ушли, не зайдя къ намъ. Все время изо дня въ день мы чувствовали, что мы — въ рукахъ дикихъ солдатъ, способныхъ по первому поводу на расправу, и мы знали, что надъ ними нѣтъ никакой власти.

Дѣло Шнеура.

Вызовъ меня въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. — Шнеуръ — авантюристъ и провокаторъ. — Убивали за «попытку къ бѣгству». — Встрѣча съ ген. Климовичемъ.

Въ началѣ 1918 г. (я въ то время сидѣлъ въ Крестахъ) въ большевицкомъ судѣ слушалось дѣло нѣкоего Шнеура, обвинявшагося въ провокаціи. Онъ въ качествѣ одного изъ представителей большевиковъ ѣздилъ на предварительные переговоры съ нѣмцами передъ брестскимъ договоромъ и участвовалъ въ убійствѣ Духонина.

По этому дѣлу вызвали изъ тюрьмы въ судъ дать показанія Бѣлецкаго. Бѣлецкій въ своихъ показаніяхъ сдѣлалъ ссылку на меня, какъ на одного изъ обвинителей Шнеура до революціи. На слѣдующее утро мы изъ газетъ узнали, что меня вызываютъ въ судъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу Шнеура. Подъ сильнымъ конвоемъ меня повезли изъ Крестовъ на Петербургскую сторону во дворецъ Николая Николаевича. Въ свидѣтельской комнатѣ я имѣлъ возможность видѣть разнообразныя типы, какъ, напримѣръ, участниковъ убійства Герценштейна.

Когда меня ввели въ залу засѣданій суда, въ публикѣ раздались аплодисменты. Предсѣдатель суда принималъ мѣры противъ этой демонстраціи.

Подчеркивая, что этотъ Шнеуръ только что былъ на службѣ у большевиковъ, я разсказалъ, какъ онъ въ 1909 г. приходилъ въ редакцію «Былого» въ Парижѣ и такъ отрекомендовался мнѣ:

«Солдатъ русской революціи привѣтствуетъ генерала русской революціи! Приказывайте, все будетъ исполнено!»

Разсказаль я объ его революціонномъ настроеніи, о проектахъ и предложеніи всякихъ услугъ. Онъ тогда говорилъ со мной не только отъ своего имени, но отъ имени своей жены, которая можетъ быть секретаршей редакціи, благодаря знанію ею языковъ и умѣнію вести эту секретарскую работу.

Я навелъ справки о Шнеурѣ и пришелъ къ заключенію, что это — авантюристъ, отъ котораго въ революціонныхъ дѣлахъ надо быть подальше и не воспользовался услугами этого «солдата русской революціи». А затѣмъ до меня дошли слухи, что онъ находится въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи. Позднѣе я узналъ, что онъ работаетъ въ рядахъ большевиковъ.

О процессѣ Шнеура былъ въ свое время отчетъ въ газетахъ. Тамъ были напечатаны и мои показанія о Шнеурѣ.

Шнеуръ былъ осужденъ въ тюрьму, но, кажется, большевики его сейчасъ же амнистировали.

Вечеромъ меня снова отправили въ Кресты. Этотъ переѣздъ не такъ то былъ простъ, какъ могло казаться. Товарищи, провожая меня изъ Крестовъ въ судъ, не столько думали о томъ, какъ я доберусь до суда, сколько о томъ, какъ я изъ суда вернусь.

За нѣсколько дней передъ этимъ было нѣсколько такихъ случаевъ: солдаты-большевики послѣ суда ведутъ по улицамъ свидѣтелей обратно въ тюрьму, недалеко отъ тюрьмы эти свидѣтели будто-бы дѣлали попытку къ побѣгу и ихъ убивали.

Нѣсколько такихъ случаевъ были описаны въ газетахъ. Еще наканунѣ около Литейнаго моста, за 50-100 саженой до тюрьмы, конвоируемаго увидала его жена и хотѣла съ нимъ переговорить.

Конвойные ее отогнали и сказали: приходи завтра въ тюрьму, тамъ дадутъ тебѣ свиданіе. Она остановилась. Конвой пошелъ дальше. Черезъ 2-3 минуты она услышала выстрѣлъ. Съ какимъ-то недобрымъ предчувствіемъ она бросилась впередъ и на улицѣ увидѣла этихъ солдатъ, которые стояли передъ убитымъ ея мужемъ.

Я, конечно, допускалъ возможность такой расправы со мной, но и полагалъ, что въ то время это для большевиковъ было невыгодно. На это даже они не рѣшились бы тогда, но не теперь.

Одновременно съ дѣломъ Шнеура было какое-то другое дѣло (въ газетахъ того времени былъ подробный о немъ отчетъ), гдѣ въ качествѣ свидѣтеля фигурировалъ одинъ изъ участниковъ «Общаго Дѣла» В. Финкѣ.

Онъ далъ рѣзкое показаніе противъ Климовича, быв. директора Департамента Полиціи. Климовичъ въ это время служилъ у большевиковъ въ какомъ-то банкѣ.

Ссылаясь на мои слова и на мои изданія, Финкѣ обвинялъ Климовича въ организаціи провокаціи въ Россіи, въ укрывательствѣ убійцы Герценштейна и рассказаль о моей борьбѣ съ нимъ еще въ 1916 г.

Климовичъ давалъ объясненія, горько жаловался на меня, что я отравляю ему жизнь и не даю теперь честно зарабатывать хлѣбъ на службѣ у большевиковъ.

Его сторону принялъ предсѣдатель суда и заявилъ, что не надо попрекать Климовича его прошлымъ и не давать ему возможности честно зарабатывать хлѣбъ.

Впослѣдствіи я встрѣтилъ еще разъ Климовича.

Когда я былъ (1920 г.) въ Константинополѣ, я поѣхалъ на пароходъ, на которомъ тогда жилъ Врангель. Ко мнѣ подошелъ какой-то офицеръ.

«Здравствуйте, В. Л.!» сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь, какъ старый знакомый. «Вы меня не узнаете? — Я — ген. Климовичъ».

«Какъ же, теперь припоминаю», сказалъ я, «мы съ вами въ послѣдній разъ видѣлись въ 1916 г. въ Департаментѣ Полиціи».

Климовичъ не сталъ настаивать на этихъ воспоминаніяхъ, и мы только обмѣнялись нѣсколькими словами по текущимъ вопросамъ.

„Комиссаръ“ Модель.

*Меня хотѣли перевести въ Кронштадтъ.
— Кинематографъ въ тюремной церкви. — Модель процвѣтаетъ.*

Въ Крестахъ я нѣсколько разъ видѣлъ нѣкоего Моделя, ходившаго къ намъ въ качествѣ комиссара.

Еще раньше, въ первые же дни послѣ моего ареста

двери моей камеры въ Петропавловской крѣпости отворились, и солдатъ впустилъ ко мнѣ какого-то маленькаго черненькаго субъекта, котораго я сейчасъ же узналъ. Онъ притворилъ за собою дверь, чтобы насъ не слышали, нѣсколько озираясь, подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— В. Л., вы меня узнаете?

Я молчалъ и отошелъ къ своему столу. Онъ понялъ, что я узналъ его.

— Я васъ прошу, выслушайте меня. Поймите меня! Мнѣ поручено завѣдывать тюрьмами. Увѣряю васъ, я совсѣмъ не большевикъ. Я принялъ это для того, чтобы быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ, — въ особенности лично вамъ. Я никогда васъ не забуду, а потому — что дѣлать! Надо спастись, а то меня также засаждать, какъ и васъ.

Я молчалъ.

— Даю вамъ честное слово, я только для этого теперь съ большевиками. Я хочу, чтобы вы мнѣ повѣрили. Подайте мнѣ руку, если вы мнѣ вѣрите.

Я тогда сталъ его спрашивать о томъ, какъ онъ завязалъ сношенія съ большевиками. Хотя было и излишне, но я повторилъ ему, какъ отношусь къ большевикамъ, и сказалъ ему, что всѣ они, присоединившіеся къ большевикамъ, совершаютъ величайшее преступленіе и будутъ жестоко въ послѣдствіи отвѣчать.

— Но если вы говорите правду, то я вамъ подамъ руку. Вы обязаны доказать, что говорите мнѣ правду.

Онъ сталъ божиться, что сдѣлаетъ все, что только сможетъ для борьбы съ большевиками и чтобы облегчить участь заключенныхъ.

Это былъ Модель, еврей, ничтожный человѣкъ, пріѣхавшій во время революціи изъ Америки.

Въ одномъ изъ обнародованныхъ списковъ провокаторовъ числился какой-то Модель, и это только что пріѣхавшему Моделю грозило большими непріятностями.

Разобравъ дѣло, я обратилъ вниманіе, что его имя не совпадаетъ съ именемъ опубликованнаго провокатора, а главное то, что приписываемыя ему сношенія съ охранкой могли относиться къ тому времени, когда ему было лѣтъ 15.

Всѣ эти свои соображенія, въ болѣе или менѣе туманныхъ выраженіяхъ, я изложилъ на бумагѣ. Съ ней

Модель ходилъ хлопотать куда-то, и она въ то время, по-видимому, и спасла его.

Вотъ почему онъ пришелъ ко мнѣ въ Петропавловскую крѣпость благодарить.

Очень вѣроятно, Модель, когда велъ эти разговоры со мной, какъ и многіе другіе, хотѣлъ застраховаться на случай пораженія большевиковъ.

Свою власть большевики послѣ переворота основывали на такихъ случайныхъ для нихъ, готовыхъ продаться людямъ, какъ Модель, приставляли къ нимъ солдатъ, какихъ-нибудь отбросовъ, и заставляли по извѣстнымъ указаніямъ дѣйствовать, какъ имъ было нужно.

Этотъ Модель во время свиданія въ Петропавловской крѣпости сообщилъ мнѣ, что на-дняхъ большевики рѣшили окончательно перевести меня въ Кронштадтъ. Терминъ «въ Кронштадтъ» былъ тогда совершенно ясенъ. Это означало, что отправляли туда на разстрѣлъ. Я объ этомъ немедленно сообщилъ на волю своимъ друзьямъ и нѣсколько человекъ изъ лѣвыхъ круговъ, среди нихъ былъ С. Г. Сватиковъ, ходили, кажется, къ Луначарскому и заявили, что за мою голову будутъ отвѣчать такіе-то и такіе-то.

Въ тѣ времена, когда большевики не особенно увѣренно чувствовали себя, это могло имѣть, значеніе. Несмотря на ихъ категорическое желаніе перевести меня «въ Кронштадтъ», я все-таки остался въ Петропавловской крѣпости.

Время отъ времени Модель продолжалъ посѣщать меня въ моей камерѣ Петропавловской крѣпости, приносилъ информацію, нужную мнѣ, и выполнялъ разныя мои порученія. Отчасти именно черезъ него мнѣ удалось добиться перевода нѣкоторыхъ моихъ товарищей, а потомъ и самого меня, въ Кресты въ общую, а не въ одиночную камеру.

Когда я былъ уже въ Крестахъ, однажды, для разговоровъ съ заключенными туда пришелъ Модель. Онъ былъ уже не въ своемъ осеннемъ рваномъ пальто, въ какомъ я раньше видѣлъ его въ первые дни моего заключенія въ Петропавловской крѣпости, а въ роскошной бобровой шубѣ. Увидѣвъ это, я сразу понялъ, что въ его положеніи у большевиковъ произошли большія измѣненія.

Со мной онъ былъ такимъ же, какъ и раньше. Всякій разъ, когда онъ приходилъ къ намъ въ тюрьму въ Кресты, и насъ никто не могъ слышать, онъ попрежнему сообщалъ мнѣ нужную информацію.

Какъ-то Модель пришелъ къ намъ въ тюрьму и нагло заявилъ, что на этихъ дняхъ, онъ, по приказу изъ Смольнаго, реквизируетъ тюремную церковь и тамъ устроитъ синема для заключенныхъ. Сколько заключенные ни доказывали ему бессмысленность этого, онъ настаивалъ на томъ, что это такъ рѣшено въ Смольномъ, и что онъ является только исполнителемъ. Тогда заключенные рѣшили собрать деньги и купить эту церковь. Деньги внесли Бѣлецкій, Хвостовъ, Щегловитовъ, Сухомлиновъ, а съ другой стороны Терещенко, Коноваловъ, Смирновъ. Былъ и мой маленькій пай. Большевики пошли къ намъ на переговоры и, въ концѣ концовъ, я для заключенныхъ купилъ церковь, — и былъ какъ бы ея собственникомъ.

Но вотъ въ коридорѣ я какъ-то случайно услышалъ одинъ изъ разговоровъ Моделя съ бывшими заключенными чиновниками, арестованными за саботажъ. Какъ настоящій прокуроръ, онъ съ запальчивостью обвинялъ ихъ въ преступленіяхъ противъ большевиковъ. Онъ ихъ уличалъ и грозилъ имъ.

Когда онъ кончилъ разговаривать съ этими заключенными, я отвелъ его въ сторону и напомнилъ первый нашъ разговоръ въ Петропавловской крѣпости. Онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Чего вы хотите?! По отношенію къ вамъ я останусь такъ, какъ я общалъ. Но вообще, я не могу дѣйствовать иначе. Мнѣ надо жить!

Когда я былъ освобожденъ изъ Крестовъ и пришелъ къ Мануйлову-Манасевичу, съ которымъ я раньше изъ тюрьмы сносился черезъ Моделя, я узналъ, что онъ находится въ другой комнатѣ. Модель, чтобы избѣжать встрѣчи со мной, быстро исчезъ изъ квартиры. Я тогда узналъ, что Модель уже занимаетъ какую-то большую реквизированную квартиру, имѣетъ автомобиль, что его жена — вся въ шелкахъ и бархатахъ, живутъ они уже выше средствъ, что онъ уже въ долгахъ, мошенничаетъ, спекулируетъ, беретъ взятки направо и налево, шантажируетъ.

Послѣ моей эмиграціи, Модель пошелъ въ гору по большевицкой лѣстницѣ, дѣлалъ большія дѣла, но, однажды, совершенно неожиданно для него, когда онъ за чѣмъ-то пришелъ, кажется, въ Бутырскую тюрьму въ Москвѣ, его вызвали въ тюремный дворъ и тамъ разстрѣляли въ его бобровой шубѣ.

* *

*

Освобожденіе изъ Крестовъ.

Служи о наступленіи нѣмцевъ на Петроградъ. — Освобожденіе многихъ изъ арестованныхъ. — Мой допросъ въ слѣдственной комиссіи.

Послѣ Бреста печальнѣйшія событія происходили одни за другими. Взятъ былъ Могилевъ, Минскъ, Дерптъ. Нѣмцы дошли до Пскова, появились въ Нарвѣ... По городу стали говорить, что нѣмцы не сегодня-завтра будутъ въ Петроградѣ, что они уже въ Лугѣ, въ Гатчинѣ, что ихъ видѣли на окраинахъ Петрограда, что переодѣтые нѣмецкіе офицеры со своимъ штабомъ находятся въ Петроградѣ, что тысячи нѣмецкихъ плѣнныхъ, жившихъ подъ Петроградомъ, находятся въ самомъ Петроградѣ, устраиваютъ тамъ митинги, на которыхъ ихъ привѣтствуютъ большевики, что всѣ они вооружены и по сигналу готовы захватить Петроградъ. Все это было такъ правдоподобно и всему этому въ городѣ вѣрили, а мы въ тюрьмѣ болѣе другихъ.

Мы, заключенные въ тюрьмахъ, и наши друзья полагали, что съ приходомъ нѣмцевъ мы, такимъ образомъ, попадемъ въ ихъ руки.

Однажды вечеромъ разнесся слухъ, что надъ городомъ летаетъ нѣмецкій аэропланъ и бросаетъ бомбы, Кѣмъ то, кажется, дѣйствительно, были брошены сверху бомбы, — были раненые и убитые. Городъ охватила паника. Большинство въ Смольномъ, въ слѣдственной комиссіи и въ судахъ бросились бѣжать изъ Петрограда кто куда... Всѣ дѣла пришли еще въ больший хаосъ, чѣмъ было до тѣхъ поръ.

Этимъ смятеніемъ воспользовались наши друзья на волѣ и стали многихъ изъ насъ постепенно брать на поруки и подѣ залогъ. Такъ тогда вышли изъ тюрьмы Коноваловъ, Терещенко, Кишкинъ, Третьяковъ, Смирновъ, Авксентьевъ, Рутенбергъ, Пальчинскій и др. Объ ихъ освобожденіи въ газетахъ просили не опубликовывать, чтобы не возбуждать вниманія тѣхъ, кто злобствовалъ противъ насъ, и въ чьихъ рукахъ мы находились.

Этимъ ожиданіемъ нѣмцевъ и слухами, что они уже въ Петроградѣ, воспользовались и мои друзья на волѣ. Они не разъ обращались къ большевикамъ и просили или освободить меня, или предать суду.

Я настаивалъ на томъ, чтобы меня судили. На судѣ я хотѣлъ бросить обвиненіе большевикамъ въ томъ, что они продали Россію. Но мнѣ въ судѣ все время отказывали. Меня даже ни разу никто не допрашивалъ и ни разу не предъявили мнѣ никакого обвиненія. Я ни разу не видѣлъ ни судей, ни слѣдователей.

Меня большевики могли обвинять только какъ журналиста, за мои протесты противъ нихъ въ печати. На такой, явно невыгодный для нихъ, судъ большевики не рѣшались. Они предпочли держать меня въ тюрьмѣ безъ суда и слѣдствія.

Но, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда домогательствъ моихъ друзей, черезъ четыре мѣсяца послѣ моего ареста, меня вызвали для допроса въ слѣдственную комиссію. Въ это время я сидѣлъ въ Крестахъ. Допросъ производился бывшимъ адвокатомъ Беклемишевымъ, причислявшимъ себя къ лѣвымъ с. р., но работавшимъ съ большевиками.

Онъ мнѣ сказалъ слѣдующее:

— Мнѣ поручено васъ допросить, но я рѣшительно не знаю, въ чемъ вы обвиняетесь. Вотъ ваше досье.

Онъ мнѣ показалъ тощую тетрадку въ синей папкѣ, на обложкѣ которой большими буквами было написано: «Дѣло В. Л. Бурцева».

— Но тутъ ничего нѣтъ! — продолжалъ онъ. — Я обращался по вашему дѣлу въ четыре комиссіи, гдѣ я только надѣялся узнать о васъ что-нибудь, и отовсюду получилъ отвѣтъ, что нигдѣ ничего противъ васъ нѣтъ. Я не знаю, что мнѣ дѣлать.

Я объяснилъ ему, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что противъ меня онъ не могъ за все время полу-

чить какихъ-либо обвинительныхъ матеріаловъ. Я — журналистъ и только журналистъ и меня можно обвинить только какъ журналиста, а для этого изъ груды мной написаннаго противъ большевиковъ можно безъ труда выбрать очень много матеріала. Но въ такомъ случаѣ придется обвинить меня исключительно только какъ журналиста, за мою журнальную дѣятельность и за мои мнѣнія о большевикахъ..

То, что я говорилъ этому члену слѣдственной комиссіи, все это не только было хорошо ему извѣстно, но это, очевидно, коллегіально обсуждалось не разъ въ самой комиссіи. Въ комиссіи хорошо понимали, что я требую гласнаго суда надъ собой, чтобы имѣть возможность гласно, при публикѣ, въ присутствіи представителей печати, обвинить большевиковъ въ томъ, что они продаютъ Россію.

Слѣдователь спросилъ меня, не могу ли я доставить какихъ-нибудь моихъ статей, по которымъ меня можно было бы обвинять. Я ему на это отвѣтилъ, что доставлять матеріалы для обвиненія не обязанность подсудимаго. Но для ускоренія дѣла могу сказать, что нѣтъ ни одного номера моего изданія, гдѣ бы не было самыхъ категорическихъ обвиненій противъ большевиковъ и на основаніи которыхъ при желаніи можно было бы меня обвинять. Въ этихъ статьяхъ я называлъ Ленина, Троцкаго и Зиновьева предателями, нѣмецкими агентами и, между прочимъ, напечаталъ списокъ пріѣхавшихъ съ Ленинымъ въ Германію большевиковъ подъ заглавіемъ «Къ позорному сгелбу!»

Тѣмъ и кончился мой первый допросъ.

Изъ разговора съ Беклемишевымъ для меня стало вполне яснымъ, что меня держали въ тюрьмѣ только потому, что были увѣрены, что если меня освободятъ, то я уѣду за границу и тамъ буду бороться съ большевиками. Да ни для кого и не было секретомъ, что большевики меня держали въ тюрьмѣ именно поэтому. Этого не скрывалъ и Троцкій въ своемъ разговорѣ съ моимъ адвокатомъ. Какъ побѣдитель, онъ ему сказалъ:

— Теперь ему (т. е. Бурцеву) пикнуть не дадимъ!

Торгъ за мое освобожденіе.

Меня освобождаютъ изъ Крестовъ. — Виза на выѣздъ въ Финляндію.

Черезъ нѣсколько дней меня снова вызвали къ тому же слѣдователю. Тамъ я встрѣтилъ д-ра И. И. Манухина и узналъ, что онъ, оказывается, добился того, что меня рѣшили выпустить на свободу подъ его поручительство.

Беклемишевъ неожиданно для меня въ присутствіи Ив. Ив. Манухина показалъ мнѣ его заявленіе о томъ, что онъ беретъ меня на поруки. Я поблагодарилъ И. И. Манухина, но тутъ же обратно передалъ ему это его заявленіе и просилъ его уничтожить. Я ни подъ какимъ видомъ, конечно, не считалъ возможнымъ подвести Манухина, если бы мнѣ пришлось бѣжать съ воли.

На вопросъ Беклемишева, почему я не хочу выйти изъ тюрьмы подъ поручительство д-ра Манухина, я ему отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, не могу ни выйти на чьи-либо поруки, ни давать чужихъ денегъ въ залогъ, потому что не хочу, чтобы это какъ-нибудь отразилось на тѣхъ, кто будетъ за меня ручаться, если мнѣ, быть можетъ, скоро нужно будетъ уѣхать за границу.

— Вы, значить, хотите бѣжать за границу? — спросилъ меня Беклемишевъ.

— Конечно, если я сочту нужнымъ, я уѣду.

— Что же, вы будете тамъ насъ разоблачать?

— Конечно, буду дѣлать то же, что я дѣлалъ всегда, — на то я и журналистъ. Я всю свою жизнь только и дѣлалъ, что писалъ.

Я этому лѣвому с.-р. заявилъ, что такъ меня не обвиняли и при царскомъ режимѣ — не держали нѣсколько мѣсяцевъ безъ допроса и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ не объявляли, что противъ меня нѣтъ обвиненій, и не просили, чтобы я самъ нашелъ данныя для моего обвиненія.

Я видѣлъ, что моему слѣдователю самому хотѣлось имѣть какой-нибудь предлогъ освободить меня.

Въ это время въ Кресты къ намъ и, въ частности, ко мнѣ, приходили въ тюрьму какіе-то спеціальные факторы отъ большевиковъ. За мое освобожденіе они сначала просили 300 тысячъ рублей, потомъ 50 тысячъ, затѣмъ

20 тысячъ. Я отвѣтилъ: не дамъ и двухъ тысячъ. Они безъ моего вѣдома были у моихъ друзей и сообщили мнѣ, что деньги для залога есть, но я и тогда отказался. Странно было видѣть въ тюрьмѣ въ первые же дни большевицкаго засилья, съ какимъ цинизмомъ приходили торговаться ихъ агенты насчетъ выпуска изъ тюрьмы.

Изъ сидѣвшихъ съ нами одинъ былъ выпущенъ «на поруки» за 200 тыс., другой — за 100 тыс. и т. д. Всѣмъ было понятно, что это была ни больше, ни меньше, какъ взятка для комиссара.

Какъ потомъ я узналъ, въ виду того, что я уже раньше отказался выйти подъ залогъ или на поруки, комиссия рѣшила выпустить меня изъ тюрьмы съ однимъ обѣщаніемъ явиться на судъ, когда онъ будетъ устроенъ надо мной. На этотъ судъ — я его добивался цѣлыхъ пять мѣсяцевъ — я съ удовольствіемъ готовъ всегда явиться, чтобы на немъ объяснить, зачѣмъ и почему мнѣ пришлось еще разъ эмигрировать при Ленинѣ и Троцкомъ, подобно тому, какъ я эмигрировалъ раньше при Александрѣ III и Николаѣ II.

Однажды меня пригласили въ тюремную контору и неофициально предупредили, что меня освобождаютъ. Я простился со своими коллегами по тюрьмѣ. между прочимъ, съ Бѣлецкимъ, Хвостовымъ, Щегловитовымъ, Сухомлиновымъ и другими. Въ контору я пошелъ съ однимъ изъ моихъ сокамерниковъ. Тамъ встрѣтилъ двухъ товарищей съ воли, которые пришли, узнавъ, что меня освобождаютъ.

Въ конторѣ мнѣ предложили подписать бумагу, гдѣ было сказано, что я долженъ явиться въ судъ, когда меня потребуютъ. Я хотѣлъ было отказаться подписать бумагу въ этой формулировкѣ, но мои товарищи настояли, чтобы я подписалъ.

Я вышелъ изъ тюрьмы.

Вывавшись изъ тюрьмы, я все-таки черезъ два дня снова пришелъ туда и попросилъ свиданія съ заключенными подъ предлогомъ, что у меня въ камерѣ остались мои вещи.

Съ большими колебаніями мнѣ разрѣшили. Какое было общее изумленіе, когда я появился въ этихъ камерахъ. Сначала думали, что я снова арестованъ.

Я увидѣлъ тогда вновь привезенныхъ Пуришкевича, кн. Шаховскаго и др. Бѣлецкій особенно былъ тронутъ моимъ посѣщеніемъ.

Всѣ были изумлены моею дерзостью и, пока не поздно, совѣтовали поскорѣе уйти. Я ушелъ благополучно. Очевидно, тогда обо мнѣ еще не было спеціальнаго приказа о новомъ моемъ задержаніи, и моя развязность импонировала тюремщикамъ. Они не считали нужнымъ переспросить въ Смольномъ, что со мной дѣлать.

Еще дня черезъ два мнѣ хотѣлось повидать большевицкій судъ.

По газетамъ я зналъ, что въ этотъ день судять провокатора Деконскаго. Я отправился во дворецъ вел. кн. Николая Николаевича и попросилъ, чтобы мнѣ выдали карточку для входа въ засѣданіе суда на мое имя. Мнѣ выдали, и это разрѣшеніе я храню до сихъ поръ.

Я сидѣлъ въ залѣ суда, слушалъ допрос подсудимаго. Но вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ адвокатъ, знавшій меня, хотя мы лично съ нимъ мало были знакомы и сказалъ мнѣ:

— Что вы дѣлаете! Васъ вѣдь снова ищутъ, чтобы арестовать.

Я что-то хотѣлъ ему объяснить, но онъ сжалъ мою руку до боли и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ:

— Немедленно уходите!

Я понялъ, что онъ меня не оставитъ въ покоѣ и вышелъ. Онъ меня проводилъ до самыхъ дверей. Мы видѣли, что за нами никто не слѣдитъ, и мы разстались.

У меня не было своей квартиры, и я ночевалъ гдѣ придется у своихъ знакомыхъ.

Въ эти ближайшіе дни я побывалъ въ Публичной Библіотекѣ, обошелъ большую часть улицъ Петрограда, побывалъ на вокзалахъ, былъ въ театрѣ на одномъ спектаклѣ. Мнѣ хотѣлось посмотреть на хозяйничанье большевиковъ!

Зашелъ въ свою Балабинскую гостиницу, гдѣ я такъ долго жилъ. Управление гостиницей было въ рукахъ служащихъ. Она превратилась въ какую-то клоаку.

Все было грязно и загажено.

На улицахъ всюду былъ грязный снѣгъ. Трудно по немъ было ходить. За эти пять мѣсяцевъ моего отсутствія весь Петроградъ какъ будто износился. Но это были

только первые мѣсяцы господства большевиковъ. Впослѣдствіи, говорятъ, было еще гораздо хуже.

О моемъ освобожденіи просили въ печати тоже не сообщать. О немъ мало кто зналъ на верхахъ у большевиковъ. Мнѣ надо было выиграть время и устроить мои дѣла.

Долго оставаться въ Петроградѣ я не хотѣлъ.

Мои друзья обратились къ одному большевику, занимавшему отвѣтственный постъ по надзору за уѣзжающими за границу, и спросили у него, сколько онъ возьметъ, чтобы поставить печать для проѣзда въ Финляндію. Онъ не долго думая отвѣтилъ 200 рублей, и на моемъ старомъ губернаторскомъ паспортѣ поставилъ совѣтскую печать для выѣзда въ Финляндію.

Мой побѣгъ изъ большевицкой Россіи.

Кому на Руси жить было хорошо.

Я уѣзжалъ за границу и снова превращался въ эмигранта, какъ это было въ первый разъ въ 1888 г., при Александрѣ III и въ 1907 во второй разъ при Николаѣ II. Вхалъ я бороться съ большевиками, какъ когда-то раньше туда ѣздилъ бороться съ тогдашнимъ правительствомъ.

Устраивалъ мой побѣгъ изъ Россіи типичнѣйшій большевикъ, которому по существу не было никакого дѣла ни до большевиковъ, ни до Бурцева, ни до Россіи. Онъ, пользуясь разваломъ Россіи, который создавали Ленинъ и Троцкій, набивалъ себѣ карманы. Такихъ, какъ онъ, среди большевиковъ было много. Какъ потомъ я узналъ, онъ ежедневно бралъ десятками взятки и за два-три мѣсяца «службы» составилъ себѣ очень крупный капиталъ. Такъ продавалась Россія большевиками всюду — въ комиссіяхъ, министерствахъ, банкахъ, судахъ, тюрьмѣ! Большевики всѣ свои учрежденія превратили въ какіе-то публичные дома... Такъ распродавали они Россію и потомъ — всѣ эти годы своего владычества.

Когда я былъ въ Финляндіи и скрывался нѣсколько дней въ деревнѣ недалеко отъ Бѣлоострова, ко мнѣ явил-

ся этотъ самый большевикъ, выдавшій мнѣ билетъ на поѣздъ въ Финляндію, и я тогда впервые увидѣлъ его.

Онъ мнѣ предложилъ за тысячу рублей перевезти благополучно въ Швецію немедленно, безъ риска, съ большими удобствами, тогда какъ для всѣхъ смертныхъ поѣздка въ Швецію представляла огромныя затрудненія. Для большей безопасности онъ давалъ мнѣ заготовленный служебный пакетъ, который я долженъ былъ отвезти отъ имени большевиковъ въ Стокгольмъ къ Воровскому, и такимъ образомъ по дорогѣ я пользовался бы всѣми привилегіями большевицкаго курьера. Онъ предложилъ даже лично сопровождать меня по всей Финляндіи до Мантилуотте и усадить тамъ на пароходъ.

— Сегодня, — говорилъ онъ, — среда. Завтра мы выѣзжаемъ, въ субботу идетъ пароходъ въ Стокгольмъ, въ воскресенье вы будете въ Стокгольмѣ, и никакого риска.

Прежде всего это было очень недорого.

Ѣхать въ Мантилуотте я съ нимъ долженъ былъ въ особомъ служебномъ купѣ перваго класса. Для нашей со-вмѣстной поѣздки онъ обѣщалъ мнѣ достать сколько угодно хлѣба. Это было въ то время, когда въ Петроградѣ хлѣбъ доставался съ большимъ трудомъ всѣми обывателями и то по карточкамъ. Выдавали по 1 ф. на человѣка въ день и притомъ не всегда исправно. Въ Смольномъ, впрочемъ, въ то же самое время большевики и себѣ брали хлѣба сколько угодно, и своимъ раздавали въ волю, и на сторону продавали, — тоже сколько угодно.

Вотъ, кому пришлось тогда «весело, вольготно на Руси» ... большевику!

Но прежде чѣмъ уѣхать за границу, я хотѣлъ договориться съ моими друзьями въ Петроградѣ и поэтому на этотъ разъ выѣхать въ Швецію не могъ. Въ Финляндіи я чувствовалъ себя сравнительно безопаснымъ. Но я сознавалъ, что если большевики узнаютъ, гдѣ я скрываюсь, и пожелаютъ потребовать моей выдачи, то это имъ легко удастся сдѣлать. Тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ отказаться отъ любезнаго предложенія большевицкаго комиссара.

Я поселился близъ Коломякъ въ одномъ финляндскомъ семействѣ и пробылъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ Финляндіи было тогда военное положеніе. Вся власть нахо-

дѣлась въ рукахъ красныхъ финляндцевъ, а они были въ самой тѣснѣйшей связи съ русскими красными въ Петроградѣ. Я возможно меньше старался показываться на улицѣ. Но рѣшившись уѣхать за границу, я хотѣлъ сохранить возможно больше связей съ Россіей. Поэтому, какъ мнѣ ни было трудно это дѣлать при тѣхъ условіяхъ, я изъ Финляндіи все время сносился съ Петроградомъ и договаривался съ тѣми, на кого за границей я рассчитывалъ опереться съ своей пропагандѣ и агитаціи. Въ то же время я готовилъ свой побѣгъ.

Незадолго до отъѣзда какъ-то днемъ я вышелъ изъ дома въ лавку кое-что купить.

На улицѣ я встрѣтилъ какого-то господина.

Онъ меня назвалъ по имени, сказалъ, что онъ не только знаетъ хорошо меня по литературѣ и чувствуетъ глубокую симпатію къ моей дѣятельности, но мы гдѣ-то даже встрѣчались. Онъ оказался довольно извѣстнымъ народникомъ и былъ въ близкой связи съ с.-р. организаціями.

Мы обмѣнялись нѣсколькими фразами по поводу настоящаго положенія политическихъ дѣлъ въ Россіи, и онъ предложилъ мнѣ сходить къ нему на дачу. Въ этихъ окрестностяхъ у него были двѣ дачи, и онъ пріѣхалъ изъ Петрограда посмотреть, что съ ними стало.

Мы подошли къ его первой очень живописной дачѣ. Она стоитъ какъ бы въ лѣсу. Оригинальная архитектура и, очевидно, хорошо была приспособлена для лѣтняго дачнаго житья. Хозяинъ меня ни о чемъ не предупреждалъ и только сказалъ мнѣ: «Мои дачи были реквизированы большевиками. Посмотрите, что они съ ними сдѣлали».

Когда мы вошли въ домъ, я увидѣлъ всюду поломанную мебель, оборванные шпалеры, конечно, непролазную грязь, битыя стекла.

Не только ватеръ-клозетъ, но ближайшія къ нему комнаты были сплошь покрыты всякой гадостью. Онъ повелъ меня въ гостиную, въ кабинетъ. Было нагажено въ комодахъ, въ шкафахъ.

Мы обошли всѣ комнаты. Пошли въ садъ. Въ бесѣдкѣ все переломано, вездѣ нагажено...

На другой его дачѣ мы встрѣтили то же самое.

— Вотъ что эти большевики сдѣлали съ монми дачами!

Я ему сказалъ, что то же самое они сдѣлали со всей Россіей.

И это было еще въ апрѣлѣ 1918 года. Съ тѣхъ поръ большевики хозяйничали во всей Россіи, и они сдѣлали повсюду то же, что сдѣлали и на этихъ дачахъ.

Только благодаря тому, что еще стояла зима, можно было ходить по этимъ комнатамъ. Но что было впоследствии, когда наступило теплое время, — трудно даже представить себѣ.

— Насъ не большевики надули. Насъ не нѣмцы надули. Насъ надулъ русскій народъ! — сказалъ этотъ народникъ.

— Нѣтъ, не народъ насъ надулъ, а мы сами, прежде всего вы, народники, надули себя, рисуя народъ не тѣмъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Меня вскорѣ предупредили, что большевики знаютъ, что я скрылся въ Финляндію, и хотятъ добраться до меня. Благодаря своимъ друзьямъ, краснымъ финляндцамъ, имъ было нетрудно меня арестовать и отправить въ Петроградъ или, еще проще, отвести меня тутъ же въ лѣсъ и тамъ разстрѣлять, какъ красные финляндцы дѣлали это съ своими бѣлыми въ окрестностяхъ тѣхъ же Коломяжъ.

И мои друзья и я стали заботиться о томъ, чтобы скорѣе мнѣ вырваться изъ Финляндіи за границу.

„Красная Финляндія“.

Вина русскихъ большевиковъ. — Гельсингфорсъ въ рукахъ бѣлыхъ и нѣмцевъ.

Вскорѣ я выхлопоталъ для себя спеціальное отъ мѣстныхъ финляндскихъ красноармейцевъ разрѣшеніе на проѣздъ по желѣзной дорогѣ внутрь Финляндіи и съ этимъ разрѣшеніемъ отправился въ Гельсингфорсъ.

Вся желѣзная дорога по Финляндіи была въ рукахъ «красныхъ». Красныхъ финляндскихъ солдатъ можно было встрѣтить во всѣхъ вагонахъ.

Толпы красныхъ съ ружьями дневали и ночевали на всказалахъ, своимъ видомъ и своимъ присутствіемъ отравляли жизнь обывателей. Ихъ можно было видѣть постоянно всюду на пути изъ оконъ желѣзной дороги.

Тяжело было смотрѣть на этихъ красныхъ солдатъ... Было ясно, что они преданы своими вожаками, и ихъ ведутъ какъ скотъ, на убой, а вмѣстѣ съ ними ведутъ на убой и всю Финляндію.

Нѣсколько тупыхъ, недалекихъ, съ маленькимъ политическимъ горизонтомъ вожаковъ финскихъ красногвардейцевъ губили страну, какъ легкомысленные глупцы, какъ политическіе слѣпцы и какъ безсердечные предатели.

Со стороны русскихъ большевиковъ толкать финскихъ красноармейцевъ на гражданскую войну было сознательной жестокостью.

Въ интересахъ пропаганды своего большевизма въ Россіи, Ленинъ съ легкимъ сердцемъ жертвовалъ цѣлой страной, которая мирно до того жила, и дѣйствовала по отношенію къ финляндцамъ, какъ настоящій провокаторъ.

Я доѣхалъ до Гельсингфорса и тамъ лично убѣдился, что въ Финляндіи повсемѣстно продолжалась жестокая борьба красныхъ и бѣлыхъ финновъ. Жизнь повсюду остановилась. Все свелось къ войнѣ. Нигдѣ не было другихъ разговоровъ, кромѣ какъ о войнѣ. Всюду лилась кровь. Всюду на каждомъ шагу чувствовалась смерть, смерть, смерть...

Трудно допустить, чтобы вожаки красныхъ, хотя бы уже въ то время, вѣрили серьезно въ свое дѣло. Въ началѣ своего движенія они были сбиты съ толку, обмануты, спровоцированы русскими большевиками. Потомъ поставивъ себя въ ложное положеніе, они не имѣли ни ума, ни характера, ни политическаго чутья, ни самой элементарной добросовѣстности, чтобы занять иную позицію и выйти изъ создавагося невозможнаго положенія, въ которое ихъ все больше и больше всаживали наши большевики.

Когда я пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ, я ясно видѣлъ, что вожаки красныхъ сознательно лгутъ тѣмъ, кто шель за ними, лгутъ чтобы хоть еще нѣсколько дней дѣла про-

должали идти дальше, какъ они шли до сихъ поръ, чтобы узелъ завязался все туже и туже.

Сами они не хотѣли взять на себя инициативу найти выходъ изъ создавшагося ужаснаго для страны положенія и предлагали найти этотъ выходъ другимъ.

Въ день моего приѣзда въ Гельсингфорсъ я узналъ, что нѣмцы уже въ Ганге. Въ этотъ же день въ Ганге и Гельсингфорсѣ англичане взорвали свои подводныя лодки, чтобы онѣ не достались нѣмцамъ. Красные продолжали все еще утверждать, даже въ печати, что нѣмцевъ въ Ганге нѣтъ, что къ Гельсингфорсу двигаются только одни бѣлые финляндцы, и что все собственно обстоитъ благополучно. Я же зналъ точно, что на Гельсингфорсъ идутъ именно нѣмцы, что красные финны не имѣютъ никакихъ силъ, чтобы оказать имъ сопротивленіе, и что черезъ день-два Гельсингфорсъ будетъ въ рукахъ нѣмцевъ.

Надо было выбирать одно изъ двухъ: или оставаться въ Гельсингфорсѣ и рисковать попасть въ руки нѣмцевъ, въ надеждѣ, что впослѣдствіи можно будетъ какъ-нибудь отъ нихъ уйти, или немедленно уѣзжать обратно поближе къ Бѣлоострову, или даже снова въ Петроградъ — къ Ленину и Троцкому. Выѣхать въ Швецію не было тогда никакой возможности. Мнѣ совѣтовали вернуться въ Петроградъ, но я рѣшилъ рискнуть остаться въ Гельсингфорсѣ.

Туго завязанный узелъ, который не хотѣли развязать красные, скоро развязали бѣлые. Они привели съ собою нѣмцевъ и съ ихъ помощью прекратили въ Гельсингфорсѣ гражданскую войну, но какой цѣной!

11 апрѣля, въ 10 часовъ утра я былъ въ прессбюро у красныхъ.

Тамъ успокоительно говорили мнѣ, что нѣмцевъ въ Ганге нѣтъ, что это все басни, что бѣлые для нихъ не страшны, что положеніе за послѣдніе дни улучшилось и т. д. Въ сосѣдней комнатѣ я увидѣлъ приготовленный чемоданчикъ и понялъ, что офиціальныи освѣдомитель сознательно лжетъ, и что самъ онъ готовится уже уѣхать.

Въ часъ дня я сидѣлъ въ ресторанѣ, когда на улицахъ Гельсингфорса впервые затрещали пулеметы. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе нѣсколькихъ дней пулеметы въ Гельсингфорсѣ не смолкали.

Часовъ въ пять мимо нашей гостиницы «Госпицъ» промчались красные и просили публику уходить съ улицъ, такъ какъ были получены свѣдѣнія, что въ городъ уже вступили нѣмцы и бѣлые и ожидался уличный бой.

Грянули пушечные выстрѣлы. Это стрѣляли нѣмцы по городу. Изъ оконъ нашего отеля послѣ каждаго выстрѣла было ясно видно, какъ снаряды попадали то въ рабочій домъ, то на мостъ, соединяющій рабочій кварталъ съ городомъ, то еще въ нѣкоторыя другія зданія, гдѣ были красные.

Скоро выстрѣлами изъ пушекъ былъ совершенно разрушенъ Народный Домъ.

Тамъ произошелъ пожаръ, — отъ величественнаго зданія, съ которымъ было такъ много связано у финскихъ рабочихъ, остались однѣ обгорѣлыя стѣны. Предъ нашими окнами, какъ свѣчка, горѣлъ какой-то заводъ. Съ другой стороны зловѣщее пламя охватывало большую округу, и видно было, что горитъ что-то большое. Впослѣдствіи оказалось, что это горѣли русскія казармы.

Въ нашъ отель попало нѣсколько пуль. Въ немъ все какъ-бы замерло. Двери были заперты.

Среди жившихъ въ отелѣ было много русскихъ. Между ними было и нѣсколько офицеровъ, были и женщины, дѣти. Когда началась перестрѣлка, многіе попрятались въ подвалѣ.

Часовъ въ восемь вечера раздался на улицѣ рожокъ. . . Мы поняли, что это былъ рожокъ нѣмцевъ-побѣдителей. . . Они были тутъ — вблизи насъ. За рожкомъ началась усиленная стрѣльба пачками. Затѣмъ слышались крики, стоны. На улицахъ Гельсингфорса, очевидно, уже лилась кровь. . .

Была темная ночь. Вдругъ часовъ въ 10 раздался стукъ въ дверь нашего отеля. Некому было отворить дверей. Онѣ были выбиты тѣми, кто стучался. Почти всѣ женщины собрались въ одну комнату. Среди нихъ началась паника. Кто-то вбѣжалъ и закричалъ, что пришли нѣмцы и бѣлые, и они идутъ сейчасъ всѣхъ рѣ-

зять. Отворились двери... Въ комнату, гдѣ собрались всѣ мы, влетѣли нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ въ желѣзныхъ каскахъ и съ ружьями и саблями. Вмѣстѣ съ ними былъ нѣмецкій офицеръ.

Первое, что мнѣ пришло въ голову при видѣ этихъ первыхъ нѣмецкихъ солдатъ, было слово «бош».

Бѣлыхъ финляндцевъ не было. Всѣмъ распоряжались нѣмцы. Насъ заперли въ одномъ изъ верхнихъ этажей въ двухъ комнатахъ, отдѣливъ мужчинъ отъ женщинъ, и къ намъ приставили караулъ. Черезъ часъ снова появился офицеръ и заявилъ, что они занимаютъ этотъ отель, и что мы сейчасъ же должны его покинуть. Намъ пришлось наспѣхъ собрать свои вещи. Насъ разбили на нѣсколько партій, человѣкъ по 20-25 и повели въ ближайшую гостиницу «Фенія», гдѣ былъ лазаретъ для раненыхъ. Улицы были пустыни, на нихъ ни одной живой души. Въ воздухѣ гдѣ-то трещали пулеметы, раздавались отдѣльные ружейные выстрѣлы. Намъ все казалось, что стрѣльба происходитъ въ двухъ шагахъ отъ насъ, какъ будто бы стрѣляли у насъ. Гдѣ-то время отъ времени грохотали пушки.

Когда мы вышли на площадь, мы слышали какой-то нѣмецкій окрикъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ въ переулкѣ стоялъ подъ ружьемъ отрядъ нѣмецкихъ солдатъ. Въ этотъ моментъ я увидѣлъ, какъ по направленію къ намъ быстро вышелъ впередъ нѣмецкій офицеръ. Въ его поднятой рукѣ блеснулъ огонекъ и въ то же самое время раздался выстрѣлъ. Я понялъ, что нѣмецкій офицеръ стрѣляетъ для острастки, чтобы показать свою власть въ завоеванномъ городѣ. Съ нашими нѣмецкими конвоирами онъ обмѣнялся паролями, и насъ повели дальше въ гостиницу.

Здѣсь насъ помѣстилось человѣкъ сорокъ въ двухъ большихъ комнатахъ. Въ отелѣ мы пробыли два дня. Затѣмъ намъ снова разрѣшили вернуться въ свой отель въ верхній этажъ. Нижніе этажи были заняты нѣмцами. Я рѣшилъ, что самое безопасное мѣсто для меня—этотъ нашъ отель «Госпиць», гдѣ остановились нѣмцы. Мой расчетъ былъ вѣренъ. Здѣсь насъ никто не тревожилъ.

Сопротивленіе красныхъ въ Гельсингфорсѣ было сломлено. Въ послѣдующіе дни раздавались только отдѣльные выстрѣлы съ разныхъ сторонъ, и они только подавали поводъ для бѣлыхъ и нѣмцевъ обстрѣливать цѣлые дома, наводить терроръ на жителей и демонстрировать свое могущество, какъ побѣдителей.

Еще черезъ день два можно уже было ходить по городу. На каждомъ шагу были бѣлые финляндскіе и нѣмецкіе солдаты.

Я видѣлъ разрушенные дома... Видѣлъ, какъ по городу сотнями водили арестованныхъ красныхъ съ поднятыми вверхъ руками, какъ ихъ усаживали на корабли и увозили въ Свеаборгъ.

Проходилъ мимо городского кладбища и увидѣлъ, какъ тамъ красные подъ конвоемъ бѣлыхъ рыли могилы сначала для убитыхъ нѣмецкихъ солдатъ, а потомъ и для бѣлыхъ.

Словомъ, нѣсколько измѣняя извѣстное историческое выраженіе, можно было сказать: «Порядокъ царствуетъ въ Гельсингфорсѣ».

Что это за порядокъ, — я хорошо понималъ, даже только случайно сталкиваясь съ непоказной финской жизнью.

Я увидѣлъ, что весь Гельсингфорсъ полонъ слезъ, горя и самыхъ тревожныхъ ожиданій въ будущемъ...

Нѣмецкія пушки подвели итоги безсмысленно, преступно начатой гражданской войнѣ въ Финляндіи...

Хоронилась свобода и закладывались основы иноземнаго рабства. Оно, несомнѣнно, такъ и было бы, если бы Финляндію осенью 1918 г. не спасла отъ нѣмцевъ побѣда союзниковъ, — когда нѣмцы не смогли воспользоваться своей «побѣдой» и одолѣніемъ ими краснаго *Гельсингфорса* въ апрѣлѣ 1918 г.

Оставаться въ Финляндіи при нѣмцахъ въ разгаръ войны, мнѣ, кто велъ открытую борьбу съ ними, было нельзя.

При помощи сочувствующихъ мнѣ финляндцевъ я вскорѣ смогъ тайно уѣхать въ Швецію и тамъ тотчасъ же издать на русскомъ, шведскомъ, французскомъ и др. языкахъ приготовленную еще въ Россіи брошюру:

«Проклятіе вамъ, большевики!»

Вл. Бурцевъ.

Печальный конецъ Б. В. Савинкова.

Въ русскомъ революціонномъ движеніи Б. В. Савинковъ занимаетъ большое мѣсто. О немъ, какъ революціонерѣ, будутъ писать много. Онъ участвовалъ въ крупнѣйшихъ событіяхъ революціонной жизни. Кромѣ того онъ, какъ личность, очень интересенъ. Талантливъ, съ большой силой воли, смѣлый, даже дерзкій въ своей смѣлости.

Я хочу вспомнить одинъ эпизодъ изъ жизни Савинкова.

Я говорю о двухъ послѣднихъ нашихъ встречахъ съ нимъ предъ его роковой поѣздкой въ Россію, когда онъ приходилъ ко мнѣ исповѣдываться въ 1924 г.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Савинкова въ Парижѣ весной 1908 года. Онъ пришелъ ко мнѣ какъ другъ-врагъ. Пришелъ одинъ, неожиданно для меня. Въ рукахъ у него была только какая-то толстая тетрадь. Онъ называлъ себя по имени. О немъ я зналъ, конечно, очень многое, и очень обрадовался его приходу, какъ приходу очень интереснаго человѣка.

Савинковъ сталъ говорить мнѣ о глубокомъ сочувствіи мнѣ, о томъ, что его революціонная дѣятельность прошла подъ непосредственнымъ вліяніемъ того, что я писалъ. Я поколебалъ его первоначальныя соціаль-демократическія симпатіи и направилъ въ сторону къ с.р.-амъ и ихъ терроризму. Съ большимъ увлеченіемъ онъ говорилъ о моемъ журналѣ «Былое» и о моей разоблачительной дѣятельности охранниковъ. Онъ въ восторгѣ былъ отъ моихъ разоблаченій, которыя я сдѣлалъ на основаніи свѣдѣній Бакай, но говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ, какъ я могу разговаривать съ такими господами, какъ Бакай. Онъ признавалъ, что Бакай можетъ быть очень по-

лезнымъ, но непремѣнно въ концѣ концовъ сдѣлаетъ какую-нибудь гадость.

Я чувствовалъ, что Савинковъ еще не подошелъ къ главной темѣ своего разговора. Я заранѣе зналъ о чемъ онъ будетъ говорить.

— Но вотъ, В. Л., какую Вы величайшую ошибку дѣлаете сейчасъ, когда обвиняете въ провокаціи моего лучшаго друга главу боевой группы Азефа. Вы стоите предъ ужаснѣйшей пропастью. Это для Васъ политическая смерть.

Я видѣлъ предъ собой человѣка не только глубоко убѣжденного въ томъ, что онъ говоритъ, но который, если не по личнымъ, то по политическимъ причинамъ искренне, глубоко меня любитъ и цѣнитъ.

Я, конечно, подтвердилъ Савинкову, что я считаю Азефа провокаторомъ и сталъ доказывать это между прочимъ ссылкой на Бакая. Мои аргументы видимо не только не убѣждали Савинкова, но онъ съ удивленіемъ слушалъ, какъ я могу на этихъ аргументахъ строить такое ужасающее обвиненіе противъ главы боевой организаціи, какъ я это дѣлалъ.

— Вы очевидно все-таки не знаете, какой это дѣйствительно выдающійся человѣкъ Азефъ, и Вы не знаете, какова его роль въ боевой организаціи.

Савинковъ передалъ мнѣ рукопись своихъ воспоминаній, гдѣ было въ мельчайшихъ подробностяхъ съ указаніемъ на имена разсказана исторія боевой организаціи и участія въ ней Азефа. Передавая мнѣ этотъ интимнѣйшій документъ, Савинковъ сдѣлалъ къ нему еще нѣкоторыя коментаріи. Онъ просилъ внимательно прочитать свой разсказъ объ Азефѣ, и мы условились, гдѣ и когда мы встрѣтимся поговорить объ этой рукописи.

Изъ того, что Савинковъ далъ мнѣ прочитать такой интимный документъ, изъ того, что онъ со мною говорилъ, я видѣлъ, съ какимъ довѣріемъ онъ отнесся ко мнѣ.

Во время слѣдующей нашей встрѣчи я сказалъ ему, что его разсказъ объ Азефѣ подтвердилъ то, что я зналъ объ Азефѣ, но, конечно, я у него нашелъ много очень важныхъ деталей и въ настоящее время, зная интимную сторону боевой организаціи, еще больше буду придавать значенія своему разоблаченію Азефа.

Я снова повторилъ на основаніи чего я обвиняю Азефа. Надо сказать что у меня не было ни письменныхъ документовъ противъ Азефа, ни прямыхъ указаній отъ тѣхъ, кто бы его зналъ, какъ агента. Мои доказательства были косвенныя, но таковы, что я шелъ навстрѣчу всѣмъ трудностямъ и опасностямъ, съ которыми связано было для меня разоблаченіе Азефа. Я понималъ, что если я ошибусь въ обвиненіи Азефа, то это лично для меня политическая смерть и даже не только политическая.

Мы разстались съ Савинковымъ попрежнему дружелюбно, но я видѣлъ, что онъ относится ко мнѣ, какъ къ человѣку, который по слѣпотѣ совершаетъ величайшее преступленіе.

Въ слѣдующіе шесть мѣсяцевъ тайно отъ широкой публики, только въ кругу немногихъ посвященныхъ революціонеровъ с.-рская комиссія по дѣлу Азефа допрашивала меня. На меня нападали, я защищался. Особенно яркимъ защитникомъ Азефа былъ Савинковъ. Дѣло кончилось преданіемъ меня революціонному суду, гдѣ членами суда были Лопатинъ, Фигнеръ, Кропоткинъ, а прокурорами моими были трое наиболѣе выдающихся с.-ровъ: Натансонъ, Черновъ и Савинковъ.

Долженъ сказать, что если большинство друзей Азефа также отрицательно относились ко мнѣ, какъ и Савинковъ, то одинъ только Савинковъ держалъ себя все время джентельменомъ. Для него я былъ просто заблуждающимся человѣкомъ, но вполнѣ добросовѣстно заблуждающимся. Другіе видѣли во мнѣ больше всего упрямство и какую-то болѣзненную мнительность. Во время самой горячей защиты Азефа Савинковъ сохранялъ ко мнѣ теплое товарищеское отношеніе. Его тонъ въ разговорѣ со мной всегда былъ неизмѣнно тотъ же самый, какъ и во время первой нашей встрѣчи.

Но вотъ меня неожиданно вызвалъ къ себѣ Савинковъ. На его квартирѣ всѣ меня встрѣтили обычно. Показался изъ другой комнаты Савинковъ, я не могъ не замѣтить въ его настроеніи чего-то необычнаго. Онъ попросилъ зайти къ нему въ кабинетъ. Когда я вошелъ, онъ заперъ дверь. Мы были вдвоемъ.

— Вы, В. Л., — сказалъ онъ твердымъ, какимъ-то желѣзнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово: — Вы

совершенно правы. Вы правы во всемъ. Азефъ — агентъ департамента полиціи.

Предо мной стоялъ по внѣшности спокойный чело-
вѣкъ, но внутри его, очевидно, все клочкотало.

— Мы знаемъ, что Вы пережили за это время, а те-
перь каждый изъ насъ хотѣлъ бы пережить въ десять
разъ больше, чѣмъ пережили Вы.

Слова Савинкова меня поразили, какъ громъ. Я не
въ состояніи былъ ничего ему сказать отъ волненія. Я
только бросился къ нему на шею и нѣсколько мгновеній
ни тотъ ни другой изъ насъ не могъ произнести ни слова.
Черезъ нѣсколько минутъ молчанія онъ опять таки ров-
нымъ спокойнымъ голосомъ, почти удачно скрывая свое
волненіе, рассказалъ мнѣ въ подробности, какъ онъ и его
товарищи пришли къ убѣжденію, что Азефъ прово-
каторъ.

Послѣдующіе годы я часто встрѣчался съ Савинко-
вымъ. Мы вмѣстѣ дѣлали нѣкоторыя отдѣльныя дѣла,
но никогда не были въ одной какой-нибудь организаціи.
У меня было много общаго съ нимъ въ политическихъ во-
просахъ. Мы одинаково отнеслись съ нимъ къ войнѣ,
одинаково относились отрицательно къ борьбѣ съ боль-
шевиками, много у насъ было общаго въ отношеніи къ
такимъ не нашимъ теченіямъ, патріотическимъ націо-
нальнымъ, какъ было движеніе Корнилова, Деникина,
Врангеля. Много общаго я съ нимъ находилъ и тогда, ко-
гда онъ былъ военнымъ министромъ при Керенскомъ. Но
меня отъ него всегда отдѣляло не только то, что онъ
былъ членомъ организаціи, куда я не входилъ, но и лич-
ное его отношеніе къ нѣкоторымъ политическимъ вопро-
самъ и особенно въ его тактикѣ. Если я лично ему при-
давалъ большое значеніе, то я не считалъ его удачнымъ
организаторомъ, и поэтому въ большинствѣ случаевъ въ
особенности въ послѣдніе годы его жизни я сторонился
отъ него. Мы не рѣдко встрѣчались дружественнымъ
образомъ, обмѣнивались взглядами и расходились въ
разныя стороны, и каждый занимался своимъ дѣломъ.
Особенно неудачными для него были послѣдніе годы въ
эмиграціи. Я не вѣрилъ въ его тогдашній планъ и отри-
цательно относился ко многому, что онъ дѣлалъ, какъ
политическій дѣятель. Я зналъ, что онъ живетъ въ очень
тяжелыхъ условіяхъ, что въ его планахъ онъ терпитъ не-

удачи, личная жизнь его была очень тяжела во всѣхъ отношеніяхъ — и въ матеріальномъ, и въ семейномъ, и въ товарищескомъ. Я два послѣдніе раза видѣлъ его — одинъ разъ онъ шелъ по большимъ бульварамъ, другой разъ сидѣлъ въ кафе—въ такомъ подавленномъ видѣ, что для меня было несомнѣнно, что онъ переживаетъ какія-то трагическія событія. Но онъ и въ это время внѣшне для посторонняго глаза держалъ себя гордо, самоувѣренно, сознающимъ свои силы человѣкомъ.

Въ концѣ іюля 1924 г. ко мнѣ неожиданно пришелъ Савинковъ и сказалъ, что онъ хочетъ со мной наединѣ переговорить объ очень серьезномъ дѣлѣ. Когда онъ убѣдился, что никто не помѣшаетъ нашему разговору, онъ сказалъ мнѣ:

— Я ѣду въ Россію и пришелъ къ вамъ исповѣдаться, какъ бы на духу. Прошу васъ объ одномъ: выслушайте меня до конца.

Савинковъ, какъ это я сразу понялъ, пришелъ ко мнѣ съ твердо принятымъ рѣшеніемъ черезъ нѣсколько дней ѣхать нелегально въ Россію. Онъ, какъ объ этомъ мнѣ заявилъ съ самаго начала, не имѣлъ въ виду выслушать отъ меня совѣтовъ — ѣхать или не ѣхать, и не искалъ у меня никакой помощи.

Савинковъ разсказалъ мнѣ о томъ, что у него есть революціонная организація, дѣйствующая въ Россіи, и что главные ея члены вполне признаютъ его руководство и готовы идти за нимъ всюду. У нихъ имѣются огромныя связи въ высшихъ большевицкихъ правительственныхъ и партійныхъ сферахъ, въ красной арміи и даже въ ГПУ. Они сильны и въ любой моментъ могутъ совершить переворотъ, когда угодно. Въ данное время они не рѣшаются это сдѣлать только потому, что не надѣются долго удержать власть въ своихъ рукахъ. Въ ближайшемъ будущемъ имъ предстоитъ принять очень важныя политическія рѣшенія, — вотъ почему они выписываютъ его къ себѣ въ Россію. У нихъ прекрасно поставлена граница, и они совершенно увѣрены, что онъ сможетъ благополучно съѣздить къ нимъ на совѣщаніе.

Выслушавъ Савинкова, я откровенно сказалъ ему, что я совершенно отрицательно отношусь къ планамъ

его организаціи, и что они мнѣ кажутся фантастическими.

Свои возраженія Савинкову я кончилъ общимъ замѣчаніемъ, что, если ему въ жизни удавалось принимать участіе въ террористическихъ актахъ большого значенія, и онъ способенъ былъ воодушевлять отдѣльныхъ людей и руководить ими, то ему никогда не удавались и никогда не могутъ удасться никакіе сложные заговоры. Въ данномъ случаѣ, при поѣздкѣ въ Россію, его ждетъ грандіозный провалъ, если онъ только рассчитываетъ тамъ руководить какими-нибудь сложными революціонными организаціями.

Эти мои слова, видимо, сильно задѣли Савинкова, и онъ даже поблѣднѣлъ отъ того внутренняго волненія, съ которымъ выслушивалъ больно задѣвавшія его мои замѣчанія.

Но это меня не остановило. Я указалъ ему, что его организація, несомнѣнно, проѣдена провокаціей, и если она до сихъ поръ не ликвидирована большевиками, то только потому, что это не входитъ въ планы ГПУ.

„Моя поѣздка въ Россію рѣшена“.

Продолжать нашъ споръ о цѣлесообразности поѣздки въ Россію для переворота, очевидно, было бесполезно. Это понялъ Савинковъ, и какъ бы въ видѣ уступки мнѣ, онъ сталъ говорить, что хотя его организація и ставитъ себѣ цѣлью устройство обширнаго заговора, но что онъ, Савинковъ, сумѣетъ заставить своихъ товарищей отказаться отъ этихъ сложныхъ плановъ и ограничиться только терроромъ. Затѣмъ, онъ еще упростилъ задачи, предстоящія предъ его организаціей, и сталъ говорить только объ отдѣльномъ покушеніи на одного изъ крупныхъ большевиковъ. Онъ сказалъ, что для этого у него есть и техническія средства — у него за границей была возможность получать динамитъ, — есть и люди, готовые совершить террористическій актъ, и что по пріѣздѣ въ Россію, онъ сможетъ сейчасъ же настоять на немедленномъ его совершеніи.

Я снова началъ было убѣждать Савинкова бросить мысль о поѣздкѣ въ Россію, постараться измѣнить условія личной жизни въ Парижѣ, заняться агитаціей противъ большевиковъ за границей, для чего у него было много данныхъ, и только готовиться въ будущемъ, при лучше сложившихся обстоятельствахъ, ѣхать въ Россію для той же задачи.

На это Савинковъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, на который онъ часто былъ дѣйствительно способенъ, сказалъ мнѣ, какъ бы отчеканивая каждое свое слово:

—Моя поѣздка въ Россію рѣшена. Оставаться за границей я не могу. Я долженъ ѣхать! Я не могу не ѣхать!

Я и безъ него зналъ, что условія дальнѣйшаго его существованія за границей, благодаря тому, какъ сложилась его личная жизнь за послѣднее время, сдѣлались для него болѣе, чѣмъ тяжелы и даже невозможны.

Впослѣдствіи я еще обстоятельнѣе узналъ, въ какія тяжелыя условія поставилъ себя въ то время Савинковъ за границей и еще лучше понималъ его слова, сказанныя мнѣ о томъ, что оставаться за границей онъ не могъ.

Тутъ были и чисто семейныя запутанныя отношенія, и денежныя затрудненія. Въ ближайшемъ будущемъ, черезъ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, предвидѣлось для него еще болѣе тяжелое положеніе и, повидимому, нельзя было бы придумать выхода изъ запутавшихся условій, помимо радикальной ломки образа жизни. На это, очевидно, у Савинкова не было силъ и не хватало характера, да и не было желанія.

Я видѣлъ полную бесполезность отговаривать Савинкова отъ поѣздки въ Россію, и сталъ только настаивать, чтобы онъ, отправляясь въ Россію, зналъ, что ѣдетъ съ минимальными шансами на успѣхъ.

Савинковъ, очевидно, внутренне считалъ, что я правъ и, помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ, какъ бы подводя итоги моимъ словамъ и своимъ мыслямъ, сказалъ мнѣ:

— Я ѣду въ Россію, чтобы въ борьбѣ съ большевиками умереть. Я знаю, что въ случаѣ моего ареста, меня ждетъ только разстрѣлъ. Я покажу сидящимъ здѣсь за границей (онъ назвалъ нѣсколько фамилій извѣстныхъ с.-р.), какъ надо умирать за Россію. Своимъ судомъ и

своей смертью я буду протестовать противъ большевиковъ. Мой протестъ услышатъ всѣ.

Его слова глубоко меня взволновали. Я сказалъ ему, что если онъ обдумалъ серьезно свое рѣшеніе и убѣжденъ, что умѣетъ до конца остаться вѣренъ ему, то его поѣздка въ Россію, судъ надъ нимъ, его смерть будутъ имѣть огромное значеніе въ исторіи борьбы съ большевиками.

Далѣе, мы стали говорить не столько объ его поѣздкѣ и объ его организаціи въ Россіи, сколько о томъ, какъ онъ будетъ держаться на процессѣ.

Общія замѣчанія о большевикахъ, которыми мы съ Савинковымъ обмѣнивались въ этомъ разговорѣ, показали, конечно, что мы одинаково смотримъ на нихъ и на борьбу съ ними. Мы не разошлись въ признаніи необходимости бороться съ большевиками всѣми средствами и болѣе всего вспоминали при этомъ дѣятельность партіи Народной Воли.

Савинковъ, зная меня, конечно, и не пришелъ бы ко мнѣ «исповѣдываться» передъ отъѣздомъ въ Россію, если бы по отношенію къ большевикамъ онъ допустилъ возможность въ чемъ-либо разойтись со мною.

Но зато, когда мы касались другихъ вопросовъ, я замѣтилъ въ Савинковѣ особую нервность, какой раньше у него не было. Видно было, что по этимъ вопросамъ у него въ послѣднее время много накипѣло и какъ-то рвалось наружу. Въ его рѣзкихъ замѣчаніяхъ было много вѣрнаго, но были и преувеличенія.

Съ негодованіемъ говорилъ мнѣ Савинковъ, напри- мѣръ, объ отношеніи нашихъ союзниковъ къ бѣлому антибольшевицкому движенію, съ одной стороны, и къ большевикамъ — съ другой. Онъ тогда многое сказалъ мнѣ изъ того, что я потомъ прочиталъ въ его рѣчи на судѣ у большевиковъ, — были даже тѣ же самыя выраженія. Но онъ, впрочемъ, иногда соглашался со мною, когда я смягчалъ его нападки на союзниковъ и указывалъ ему, что намъ и теперь часто бываетъ необходимо идти съ ними вмѣстѣ въ борьбѣ съ большевиками.

Съ негодованіемъ говорилъ онъ о многихъ отвѣтственныхъ представителяхъ бѣлаго движенія, что они ничего не поняли и ничему не научились. О нихъ онъ говорилъ, какъ о людяхъ безнадежныхъ и, повидимому,

не соглашался съ поправками, которыя я вносилъ въ его отзѣвы.

Съ негодованіемъ говорилъ онъ и о представителяхъ лѣвыхъ движеній, кто во времена царизма проповѣдывалъ терроръ, а теперь отреклись не только отъ террористической борьбы съ большевиками, но даже вообще отъ революціонной борьбы съ ними.

У него, такимъ образомъ, еще за границей была уже подорвана вѣра въ тѣхъ, съ кѣмъ онъ до того времени работалъ, и свои надежды онъ сталъ возлагать только на новое демократическое революціонное движеніе въ Россіи и, въ частности, на свою организацію, которой придавалъ огромное значеніе. Онъ говорилъ, что если вернется за границу изъ Россіи со щитомъ, то широко поставитъ борьбу съ большевиками, опираясь на представителей молодого революціоннаго движенія.

Передо мной былъ революціонеръ, требующій прежде всего революціонной борьбы съ большевиками, демократъ, республиканецъ, антибольшевикъ, ярый антимонархистъ, — человѣкъ озлобленный, очевидно, изстрадавшійся, — съ огромнымъ честолюбіемъ, безграничнымъ самомнѣніемъ, твердо вѣрующій въ свою звѣзду и съ огромными планами въ будущемъ.

Телефонный звонокъ Рейлли.

Черезъ нѣсколько дней Савинковъ еще разъ пришелъ ко мнѣ поговорить и окончательно проститься.

Объ условіяхъ его выѣзда изъ Парижа и переѣздѣ границы, мы говорили мало.

Прощался я съ Савинковымъ безъ большой надежды съ нимъ еще разъ когда-нибудь встрѣтиться. Мнѣ казалось, что только случай можетъ его спасти отъ ареста и, слѣдовательно, отъ разстрѣла.

Недѣли черезъ двѣ меня вызвали къ телефону. Я спросилъ, кто со мной разговариваетъ, и услышалъ по телефону:

— Я — Рейлли. Вы помните меня?

Я отвѣтилъ, что помню.

Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ я встрѣтился съ нимъ въ Англіи и разспрашивалъ его объ его участіи въ дѣлѣ Локкарта. Но дѣлъ съ нимъ у меня никогда никакихъ не было. Отъ Савинкова я слышалъ о немъ очень хорошіе отзывы.

— Случилось огромное несчастье,—взволновано сказалъ мнѣ Рейлли. Вы, конечно, понимаете, о комъ рѣчь идетъ. Получена телеграмма изъ Россіи. Но сообщеніе явно ложное. Говорится о томъ, что онъ на судѣ призналъ большевиковъ.

На этомъ наши переговоры по телефону прекратились, и мы назначили свиданіе.

Рейлли болѣе многихъ былъ посвященъ въ обстановку поѣздки Савинкова въ Россію. Его рассказы, рассказы еще нѣсколькихъ лицъ, посвященныхъ въ поѣздку Савинкова, и переписка съ его товарищами въ Варшавѣ позволили мнѣ въ послѣдствіи точно установить картину его отъѣзда. Но въ послѣдствіи, я узналъ, что его отъѣздъ изъ Парижа произошелъ при болѣе сложныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ это я могъ предполагать на основаніи рассказа съ нимъ.

Первыя сѣти ГПУ.—Павловъ и Федоровъ.

Поѣздку Савинкова въ Россію организовали двое пріѣхавшихъ изъ Россіи членовъ той организаціи, о которой все время онъ мнѣ говорилъ: Павловъ и Федоровъ. Они не въ первый разъ пріѣзжали въ Парижъ къ Савинкову. Ихъ обоихъ Савинковъ зналъ давно по Варшавѣ, какъ активныхъ антибольшевиковъ. Оба они пріѣхали съ письмами отъ хорошо извѣстнаго Савинкову одного изъ главныхъ его агентовъ, нѣкоего полковника Павловскаго. Съ этимъ Павловскимъ Савинковъ былъ тѣсно связанъ еще въ Варшавѣ. Затѣмъ Павловскій побывалъ въ Россіи, участвовалъ въ самыхъ рискованныхъ нападеніяхъ на большевиковъ, безпощадно истреблялъ ихъ при нападеніяхъ. Снова пріѣхалъ въ Парижъ для переговоровъ съ Савинковымъ и оттуда опять уѣхалъ въ Россію для участія въ возстаніяхъ. Изъ Россіи онъ регулярно переписывался

сывался съ Савинковымъ, и Савинковъ на него смотрѣлъ, какъ на одного изъ самыхъ довѣренныхъ и надежныхъ своихъ товарищей, работающихъ въ Россіи.

Противъ одного изъ этихъ пріѣхавшихъ изъ Россіи, Павлова, какъ оказывается, тогда же сильно предостерегали Савинкова и Рейлли, и Деренталь, и нѣкоторые другіе. Они заподозрили въ немъ агента ГПУ. Но привезенныя имъ изъ Россіи письма Павловскаго, продолжавшаго будто бы нелегально работать въ Россіи, разсѣяли сомнѣнія. Въ это время никто еще не зналъ, что Павловскій уже работалъ въ качествѣ агента ГПУ. Только теперь выяснялась исторія предательства Павловскаго.

Вернувшись изъ-заграницы, Павловскій принялъ участіе въ партизанскихъ нападеніяхъ на большевиковъ и въ отдѣльныхъ экспропріаціяхъ, но затѣмъ былъ арестованъ. Для ГПУ онъ былъ, конечно, смертникомъ. Ему на выборъ предложили: или смертную казнь, или дѣйствовать по указанію ГПУ. Онъ выбралъ второе. И вотъ подъ диктовку ГПУ онъ продолжалъ писать письма за границу къ Савинкову въ томъ духѣ, какъ это нужно было для ГПУ.

Письма Павловскаго придавали особую достовѣрность всѣмъ рассказамъ Павлова. Нѣкоторые изъ нихъ, получавшіяся Павловымъ изъ Россіи уже въ Парижѣ, повидимому, продиктованы были самимъ Павловымъ.

Въ послѣдніе дни, когда можно было ожидать, что Савинковъ будетъ колебаться — ѣхать или не ѣхать, ему Павловъ передалъ письмо Павловскаго о полученныхъ послѣ одной экспропріаціи нѣсколькихъ милліонахъ рублей. Въ своемъ письмѣ Павловскій настаивалъ на необходимости пріѣзда Савинкова въ Россію, такъ какъ эти деньги могутъ быть переданы теперь только ему, а не кому-либо другому. Самъ Павловскій несмотря на самое настоятельное требованіе Савинкова, не могъ пріѣхать въ Парижъ къ нему для личныхъ переговоровъ, потому что онъ, по его словамъ, былъ серьезно раненъ при экспропріаціи этихъ денегъ и лежалъ больнымъ у своихъ друзей подъ Москвой.

Тогда этой версіи, придуманной Павловскимъ, всѣ повѣрили.

Павловъ передалъ Савинкову отъ его организаціи изъ Россіи для его поѣздки до 20.000 франковъ.

Кромѣ Савинкова, съ Павловымъ и Федоровымъ въ Парижѣ вели переговоры и Рейлли, и Деренталь, и еще нѣсколько другихъ лицъ. Обстановка, созданная письмами Павловскаго изъ Россіи, настолько подѣйствовала на всѣхъ провожавшихъ Савинкова, что они какъ бы отказались отъ своихъ прежнихъ подозрѣній противъ Павлова, и всѣ съ надеждой провожали Савинкова вмѣстѣ съ нимъ.

Увѣренность въ блестящей установкѣ переправы людей въ Россію и серьезности организациі была такова, что Савинковъ и его товарищи смотрѣли на его поѣздку въ Россію, какъ на болѣе или менѣе безопасную.

Савинковъ рѣшился ѣхать не одинъ, какъ я предполагалъ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ и Дикгофъ-Деренталь, старый, наиболѣе близкій товарищ Савинкова, и жена Деренталья. Они всѣ вмѣстѣ выѣхали изъ Парижа, вмѣстѣ ѣхали по Германіи, были въ Берлинѣ, затѣмъ на два дня остановились въ Варшавѣ, гдѣ Савинковъ видѣлся съ ближайшими своими товарищами, и оттуда по чужимъ паспортамъ поѣхали въ Россію.

Съ ними ѣхало еще двое: Павловъ и Федоровъ, оба члены ГПУ и, понятно, за ними слѣдомъ наблюдали и со стороны другіе чекисты, и съ нетерпѣніемъ ждали ихъ пріѣзда въ ГПУ въ Москвѣ.

Здѣсь кончаются мои точныя свѣдѣнія о поѣздкѣ Савинкова. Далѣе идутъ отрывочные рассказы болѣе или менѣе достовѣрныхъ свидѣтелей и догадки разныхъ лицъ. Во всемъ этомъ много темнаго, недоговореннаго, много пробѣловъ, что и послужило основой для созданія различныхъ легендъ о поѣздкѣ Савинкова.

Когда Савинковъ съ своими товарищами переѣхали границу и остановились въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ, Павловъ и Федоровъ сбросили маску и сами заявили Савинкову, что онъ арестованъ. Арестованы были Деренталь и его жена.

Объ ихъ арестѣ дано было знать въ Москву, и оттуда пріѣхали трое особоуполномоченныхъ отъ ГПУ для допросовъ. Савинкову было объявлено, что надъ нимъ назначается немедленный чрезвычайный судъ, и всѣмъ было понятно, что его ожидаетъ.

Савинковъ, говорятъ, спокойно встрѣтилъ свой арестъ и, повидимому, примирился съ участью, которая его ожидала.

Соблазнитель изъ ГПУ.

Но пріѣхавшіе изъ Москвы представители ГЛЮ повели съ Савинковымъ совѣтъ иные переговоры, чѣмъ тѣ, кто его арестовали.

Они прежде всего сказали Савинкову, что говорятъ съ нимъ какъ съ старымъ революціонеромъ, социалистомъ, который только по недоразумѣнію вмѣстѣ съ бѣлыми боролся съ большевиками. Сами большевики, конечно, понимаютъ, что весь продѣланный ими опытъ въ Россіи потерпѣлъ полный крахъ, что никакого коммунизма въ Россіи нѣтъ и нельзя надѣяться создать его въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Если монархистамъ удастся ихъ свергнуть, и они придутъ къ власти, то, конечно, они перевѣшаютъ всѣхъ большевиковъ и всѣхъ лѣвыхъ, въ томъ числѣ и такихъ, какъ Савинковъ, а въ Россіи надолго воцарится реакція. Слѣдовательно, спасеніе революціи заключается въ общей борьбѣ коммунистовъ и социалистовъ съ бѣлымъ движеніемъ, а потому нужно теперь же къ власти привлечь и такихъ демократовъ и социалистовъ, какъ онъ, Савинковъ. Это прекрасно понимаютъ большевики, работавшіе въ ГПУ, но поставить такъ борьбу съ бѣлыми имъ мѣшаютъ доктринеры и негодяи, въ родѣ Зиновьева и Троцкаго. Въ ГПУ стремятся такъ или иначе отдѣлаться отъ нихъ и надѣются, что это имъ удастся. Поэтому такой революціонеръ, какъ онъ, Савинковъ, долженъ идти къ нимъ навстрѣчу и помочь имъ въ этой борьбѣ. Будетъ очень жаль, если онъ будетъ разстрѣлянъ. Они хотѣли бы его спасти, но, понятно, что спасти его имъ невозможно, если онъ не согласится на ихъ условія. Они предложили ему только одно: на судѣ открыто признать большевиковъ, и за это они гарантировали ему, что смертная казнь будетъ ему отмѣнена, а современемъ онъ будетъ совѣмъ амнистированъ и вмѣстѣ съ ними сможетъ принять участіе въ борьбѣ съ Зиновьевыми.

Вотъ основа тайнаго договора Савинкова съ ГПУ.

Ему тогда же было обѣщано, что на судѣ не будетъ даже 'поднять вопросъ о томъ, зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Россію. Будетъ умолчено, зачѣмъ съ нимъ ѣхали Деренталь и его жена, что они не будутъ даже привлечены къ дѣлу, что будетъ скрыто все, что ГПУ знаетъ объ истинной цѣли пріѣзда Савинкова въ Россію.

Трудно сказать, вѣрилъ ли Савинковъ хоть на минуту этимъ своимъ соблазнительямъ изъ ГПУ. Но онъ, очевидно, рѣшилъ, что онъ сможетъ ихъ использовать для своихъ цѣлей. Онъ всегда считалъ возможность для своихъ плановъ пользоваться взаимной борьбой среди большевиковъ.

Послѣ своихъ разочарованій заграницей въ тѣхъ, на кого онъ раньше надѣялся, Савинковъ пришелъ къ убѣжденію, что его товарищи, работающіе въ Россіи, смогутъ использовать эту внутреннюю борьбу большевиковъ между собою, и на этомъ строилъ свои планы. И вотъ теперь, очутившись въ тюрьмѣ у большевиковъ, онъ рѣшилъ, что обстоятельства дадутъ возможность ему самому сыграть главную роль въ такой двойной игрѣ. Онъ вѣрилъ въ себя и въ свою звѣзду и надѣялся, что играя съ ГПУ, онъ сможетъ осуществить свои грандіозные планы. Съ этой безумной вѣрой въ свои силы онъ пошелъ на переговоры съ большевиками.

Договоръ Савинкова съ ГПУ былъ заключенъ за нѣсколько дней до суда. До сихъ поръ не опубликованы тексты показаній, данныхъ въ это время Савинковымъ и Деренталемъ, — и мы не знаемъ, что они заключаютъ. Очень вѣроятно, что они явились только подтвержденіемъ всѣхъ свѣдѣній, данныхъ о Савинковѣ, Деренталѣ и ихъ дѣлахъ Павловскимъ, Павловымъ и другими провокаторами, хорошо знавшими ихъ задачи, съ какими они нелегально ѣхали въ Россію.

Ни въ обвинительномъ актѣ, ни на судѣ даже не упоминалось имя Деренталѣ, ближайшаго помощника Савинкова, пріѣхавшаго съ нимъ для цѣлей совмѣстной поѣздки въ Россію. Это, конечно, устанавливаетъ, что договоръ съ ГПУ заключенъ былъ не только Савинковымъ, но и Деренталемъ.

Послѣ краткаго ареста Деренталь сталъ жить съ женой на свободѣ, и послѣднее время онъ состоитъ при г-жѣ Каменевой и въ числѣ другихъ чекистскихъ гидовъ обслуживаетъ тѣхъ иностранцевъ, которымъ большевики желаютъ втереть очки. Это тотъ самый Деренталь-Дикгофъ, убійца Гапона, который затягивалъ петлю на его шею въ Озеркахъ въ 1906 г. Тогда онъ собственноручно повѣсилъ Гапона за то, что тотъ завязалъ сношенія съ охранниками, а въ настоящее время онъ самъ продалъ большевикамъ всего самого себя и сдѣлался ихъ профессиональнымъ агентомъ большевиковъ.

Деренталь и его жена, когда узнали, что Савинковъ рѣшился признать большевиковъ, съ нимъ вполне согласились.

Деренталь, какъ и Савинковъ, считался у большевиковъ смертникомъ. Онъ участвовалъ всегда во всѣхъ фазисахъ борьбы Савинкова съ большевиками. Его участь, несомнѣнно, должна была быть одинаковой съ участью Савинкова.

Большевики сдержали данное слово Савинкову. Они его не казнили. Въ тюрьмѣ онъ содержался въ такихъ условіяхъ, въ какихъ въ Совдепіи политическихъ не держать. Изъ тюрьмы Савинковъ велъ переписку съ своими родными и друзьями, написалъ открытое письмо ко мнѣ и д-ру Пасманику. Этой перепискѣ ГПУ придавало такое значеніе, что письмо ко мнѣ было напечатано въ большевицкихъ изданіяхъ въ автографѣ.

Большевики не выполнили только того, чего отъ нихъ ждалъ Савинковъ, но чего они ему въ сущности официально и не обѣщали. Они его не амнистировали и не освобождали изъ тюрьмы 8—9 мѣсяцевъ. Не амнистировали они потому, что никакой борьбы съ Зиновьевымъ общимъ фронтомъ съ нимъ никогда вести и не хотѣли, и въ искренность призванія ихъ Савинковымъ не вѣрили.

Савинковъ понималъ, что его надежды обмануть тѣхъ большевиковъ, которые предложили ему совмѣстно бороться съ Зиновьевыми, не удалась и никогда не удадутся. А кромѣ того, онъ получилъ съ воли совершенно категорическое заявленіе, что на его признаніе большевиковъ всѣ его бывшіе друзья смотреть не только, какъ на

ошибку, но какъ на преступленіе, и этого преступленія никогда ему не простятъ.

Надо знать Савинкова, чтобы понять, что когда онъ увидѣлъ, что разбиты его планы навсегда, онъ не захотѣлъ больше жить и рѣшился покончить съ собой.

Въ Россію Савинковъ ѣхалъ съ планами революціонной борьбы съ большевиками и въ случаѣ ареста онъ рѣшилъ своей смертью протестовать противъ большевиковъ.

Въ тюрьмѣ передъ судомъ онъ на минуту допустилъ возможность попытаться нанести ударъ однимъ большевикомъ, опираясь на другихъ. Его авантюристическая натура позволила ему рѣшиться на этотъ роковой шагъ.

Но скоро ему пришлось убѣдиться въ своей непоправимой, ужасной ошибкѣ и больше чѣмъ ошибкѣ, — въ преступленіи. Потерявши всякую надежду какъ-нибудь исправить свою послѣднюю ошибку, онъ рѣшился покончить съ собой, и при первой возможности онъ выбросился изъ пятого этажа.

Вл. Бурцевъ.

Письмо Б. В. Савинкова къ В. А. Бурцеву.

Владиміръ Львовичъ!

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію, я былъ у Васъ въ Парижѣ. Я совѣтовался съ Вами по нѣкоторымъ организаціоннымъ вопросамъ. О призваніи совѣтской власти между нами, конечно, не было рѣчи. И Вы, вѣроятно, спрашиваете себя, не утаилъ ли я отъ Васъ своихъ истинныхъ цѣлей? Не поѣхалъ ли я въ Москву для нѣкоей «инсценировки» процесса?

Нѣтъ. Я съ Вами былъ откровененъ всегда и буду откровененъ теперь.

Больше года назадъ я пришелъ къ заключенію, что бороться съ большевиками безплодно, по крайней мѣрѣ, безплодно изъ-за границы. Но я почти ни съ кѣмъ не подѣлился тогда своимъ мнѣніемъ. Я не сдѣлалъ этого потому, что у меня оставалась еще надежда. Я думалъ такъ же, какъ думаетъ большинство эмиграціи. Я думалъ, что не только за рубежомъ, но и въ самой Россіи, среди русскихъ крестьянъ и рабочихъ существуетъ глубокое недовольство. Я думалъ, что на почвѣ этого недовольства вырастаютъ тайныя общества, независимо отъ насъ, эмигрантовъ, и что эти тайныя общества, унаслѣдовавъ традиціи нашей борьбы, борются съ совѣтскою властью. Если бы я могъ допустить, что я ошибаюсь, вѣрнѣе, что я введенъ въ заблужденіе, я бы тогда же, въ бесѣдѣ съ Вами, откровенно заявилъ, что складываю оружіе. Но ни Вы, ни я не допускали столь грубой ошибки.

Въ Россіи меня постигло два тяжелыхъ удара.

Во-первыхъ, я убѣдился во-очію, что никакихъ рабо-

чихъ и крестьянскихъ тайныхъ организацій, борющихся съ совѣтскою властью, нѣтъ, да и быть не можетъ.

Во-вторыхъ, я убѣдился во-очію, что если традиціи нашей борьбы еще не забыты, то единственно потому, что населеніе насъ ненавидитъ: та борьба, которая была начата «за родину и свободу», выродилась въ погромы, грабежи, убійства и шпіонажъ.

Въ этихъ условіяхъ я не могъ не признать себя побѣжденнымъ.

Въ этихъ условіяхъ, чтобы сдѣлали Вы? Чтобы сдѣлали Вы, Владиміръ Львовичъ, если бы для Васъ стало яснымъ, что не только монархисты — Юденичи, Деникины, Врангели, — неспособны къ борьбѣ, но также и демократы — Короткевичи, Павловскіе, Павловы, — а главное, если бы для Васъ стало ясно, что русскій народъ, то есть русскіе рабочіе и крестьяне не борются и не желаютъ бороться противъ совѣтской власти, а, напротивъ, поддерживаютъ ее, ибо вполне довѣряютъ ей? Промолчали бы Вы, какъ я промолчалъ годъ тому назадъ, молчаніемъ своимъ призывая къ продолженію борьбы, или Ваша революціонная совѣсть заставила бы Васъ громко признаться въ своей ошибкѣ, не считаясь ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ, — не считаясь даже и съ тѣмъ, что въ Васъ кинутъ камнемъ ближайшіе Ваши друзья?

Вы — революціонеръ. Вы бы поступили такъ, какъ поступилъ я.

Но Вы скажете: одно дѣло признать себя побѣжденнымъ, другое — признать совѣтскую власть. Сказавъ такъ, Вы будете правы. Но выслушайте меня. Вы — бывший народоволецъ, то-есть человѣкъ, для котораго воля народа — законъ. И Вы — государственникъ, то-есть человѣкъ, для котораго вопросъ о возстановленіи Россіи — главнѣйшій и важнѣйшій вопросъ. Такъ неужели для Васъ не ясно, что если русскій народъ, то-есть русскіе рабочіе и крестьяне отразили всѣ покушенія на совѣтскую власть отъ кого бы они ни шли, отразили, имѣя противъ себя всю Европу, голодая и холодая, при полной разрухѣ въ странѣ, то значить, что воля ихъ, — воля народа, — заключается въ утвержденіи и укрѣпленіи совѣтской власти? Вамъ, Бурцеву, совѣты могутъ не нравиться. Но что значить Ваше личное мнѣніе, что значить мнѣніе всей эмиграціи, если народъ противъ Васъ?

Я знаю: за-границей даже зрячіе слѣпы. Какъ докажу я Вамъ, что уже совершился спасительный переломъ, что разруха окончилась, что большимъ и длительнымъ напряженіемъ, напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ и не вопреки, а съ помощью и подъ руководствомъ совѣтской власти, возстанавливается Россія? Какъ докажу я Вамъ, что создается новое, русское, непохожее на европейское, государство, — государство не интеллигенціи и буржуазіи, а крестьянъ и рабочихъ? Цѣну интеллигенціи и буржуазіи Вы знаете сами... И Вы вѣдь любите именно трудовую Россію, а не имущіе классы. Такъ за кѣмъ Вы идете? За монархистами? Но Вы ненавидите ихъ. За эсъ-эрами? Но Вы пренебрегаете ими. За кадетами? Но Вы не вѣрите имъ. Идти можно только за русскимъ народомъ. А русскій народъ уже начерталъ свой путь. Что же? Если народъ съ совѣтскою властью и если, пусть медленно, но возстанавливается Россія, по Вашему все еще надлежитъ бороться. По Вашему все еще надлежитъ, упорствуя, защищать старый міръ, тотъ міръ, который рушился на нашихъ глазахъ въ Россіи, который близокъ къ крушенію въ Европѣ? Вѣдь Вы знаете, что это міръ угнетенія слабого сильнымъ, міръ владычества денегъ, міръ рабства для сотенъ милліоновъ людей? Не противъ ли него Вы боролись всю жизнь? Защищайте его теперь, защищайте его съ иностранцами, а я признаю совѣтскую власть.

Я хочу закончить это письмо пожеланіемъ. Я желаю Вамъ, какъ желаю всей эмиграціи, чтобы Вы на порогѣ смерти, не увидѣли своей роковой ошибки, — чтобы Вамъ не предназначено было то, что мнѣ пришлось пережить. Я желаю Вамъ, чтобы Вы, старый и честный революціонеръ, не содрогнулись бы отъ сознанія, что въ глазахъ милліоновъ русскихъ людей, Вы — врагъ Россіи, ибо врагъ крестьянъ и рабочихъ, какъ пришлось содрогнуться мнѣ. Я желаю Вамъ, чтобы вдумались въ то, что происходитъ въ Россіи, вдумались безъ эмигрантскаго ослѣпленія, которое долго владѣло мною. Тогда Вы не будете искать причинъ моей «перемѣны». Вы перемѣнитесь сами. И Вы послужите родному народу. Но дойдетъ ли мой голосъ до Васъ? Да, дойдетъ. Если не сегодня, то завтра.

Внутренняя тюрьма
Сентябрь 1924.

Борисъ Савинковъ.

Отвѣтъ В. Л. Бурцова Б. В. Савинкову.

Въ «Нар. Мысли» (изд. въ Ригѣ, № 235 отъ 17 октября 1924 г.) было помѣщено письмо Б. В. Савинкова къ В. Л. Бурцеву, которое редакция сопровождала слѣдующими вступительными строками:

«О Савинковѣ въ послѣднее время почти ничего не слышно. Но это не значитъ, конечно, что Савинковъ навсегда ушелъ со сцены. Пока что онъ изрѣдка публикуетъ свои призывы къ эмиграціи или къ отдѣльнымъ ея представителямъ. Сначала онъ написалъ статью: «Почему я призналъ совѣтскую власть», затѣмъ обратился съ обширнымъ письмомъ къ Д. В. Философову. Эффектъ получился совсѣмъ не тотъ, на который, повидимому, рассчитывала совѣтская власть. Теперь, вѣроятно, съ тѣмъ же успѣхомъ публикуется письмо Савинкова къ В. Л. Бурцеву».

«Савинковскіе призывы «покаяться», обращенные къ В. Л. Бурцеву», конечно, не могли не вызвать въ послѣднемъ глубокаго негодованія и отверженія, которыми, какъ увидитъ читатель, проникнутъ отвѣтъ Бурцева, присланный имъ для помѣщенія въ «Народной Мысли».

Борисъ Викторовичъ!

На этихъ дняхъ я получилъ изъ Лондона Ваше «Открытое письмо» ко мнѣ. Оно было, очевидно, по Вашей просьбѣ и по приказу Дзержинскаго, переслано мнѣ въ Парижъ лондонской большевицкой миссіей.

Сначала я совсѣмъ не имѣлъ въ виду отвѣчать Вамъ.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ теперь быть между нами переписка?

«Между нами — непроходимая пропасть».

Мы съ Вами въ настоящее время находимся на разныхъ полюсахъ, и между нами — непроходимая пропасть. Насъ отдѣляютъ не разногласія по какимъ либо политическимъ вопросамъ, а что-то такое, что должно быть выше всего для каждого, къ какимъ бы партіямъ онъ ни принадлежалъ.

Подъ арестомъ у большевиковъ Вы, конечно, не измѣнили своихъ убѣжденій. Вы только имъ измѣнили, когда большевики потребовали этого отъ Васъ подѣ угрозой разстрѣла, и за большевицкую чечевичную похлебку отреклись отъ того, что исповѣдывали раньше.

Вы признали власть большевиковъ, оправдали всѣ совершенныя ими преступленія и отреклись отъ своего прошлаго. Отъ этого своего отступничества Вы не стали, конечно, большевикомъ, а только перестали быть ихъ врагомъ и перестали быть прежнимъ Савинковымъ, какимъ всѣ мы знали Васъ. Теперь Вы, какъ ренегатъ, потеряли право впредь говорить о какихъ бы то ни было убѣжденіяхъ, и поэтому намъ, мнѣ въ частности, и не о чемъ съ Вами переписываться. Вы, Борисъ Викторовичъ Савинковъ, для насъ умерли.

Очевидно, что, заставляя Васъ писать «уговаривающія» письма къ эмигрантамъ, они хотятъ использовать Васъ для того, чтобы сѣять среди насъ смуту и, пользуясь ею, вербовать новыхъ ренегатовъ.

Но разъ Ваше письмо ко мнѣ опубликовано, то я считаю нужнымъ отвѣтить Вамъ, — и отвѣчу тоже въ печати.

Тѣ, кто прочтутъ наши письма, будутъ правы, если будутъ думать, что Ваше письмо ко мнѣ обращено собственно не ко мнѣ, а черезъ мою голову къ широкимъ эмигрантскимъ слоямъ, и мой отвѣтъ обращенный къ Вамъ, адресованъ тоже не къ Вамъ, а къ истиннымъ его авторамъ, въ интересахъ которыхъ оно Вами написано, кому Вы теперь курите фиміамъ и кто теперь является

Вашими шефами. Но, конечно, я пишу собственно не для того, чтобы его прочитала та же публика, которая уже прочитала Ваше письмо.

«Вѣрю: Вы были искренни передъ поѣздкой въ Россію».

Свое письмо Вы начинаете просьбой вѣрить Вамъ, что Вы были искренни со мной, когда передъ поѣздкой въ Россію приходили ко мнѣ прощаться. Въ этомъ я ни на минуту никогда не сомнѣвался.

Я, конечно, не вѣрю тому, что теперь пишутъ, что Вы поѣхали въ Россію, предварительно, еще за границей, договорившись съ большевиками, — и ѣхали туда только для инсценировки процесса.

Приходить ко мнѣ прощаться, увѣрять меня въ нашей близости, говорить со мной о планахъ будущей нашей борьбы съ большевиками и въ то же самое время имѣть въ карманѣ подписанный съ ними договоръ... Нѣтъ, для Б. В. Савинкова, какимъ онъ былъ до своего ареста у большевиковъ, это невозможно! Это было бы съ Вашей стороны прежде всего спокойно обдуманнѣмъ предательствомъ и къ своему нынѣшнему величайшему преступленію Вы добавили бы ненужную мелкую гадость. Это даже и теперь не можетъ въ моемъ умѣ вязаться съ моимъ представленіемъ о прежнемъ Савинковѣ, какимъ я его зналъ всѣ послѣднія пятнадцать лѣтъ и какимъ въ послѣдній разъ я его видѣлъ въ Парижѣ на своей квартирѣ за три недѣли до его покаянія на большевицкомъ судѣ въ Москвѣ.

Но «въ нынѣшнемъ Вашемъ положеніи искренность для Васъ невозможна».

Но зато никоимъ образомъ я не могу допустить, что Вы искренни въ настоящее время, когда писали открытое письмо ко мнѣ.

Въ нынѣшнемъ Вашемъ положеніи для Васъ искренность совершенно невозможна. Искренно говорить могутъ только люди независимые. Независимые люди могутъ быть искренними даже въ тюрьмѣ, за десятью замками, когда тюремщики относятся къ нимъ, какъ къ своимъ заклятымъ врагамъ. Искренно могли говорить, напр., наши шпильсбургцы, которые десятки лѣтъ были отрѣзаны

отъ всего міра, потому что они были дѣйствительно независимы отъ своихъ тюремщиковъ. Такой независимости отъ большевиковъ у Васъ сейчасъ быть не можетъ, и потому искренность для Васъ совершенно недоступна.

Я не знаю, сидите ли Вы теперь «во внутренней тюрьмѣ» на Лубянкѣ у Вашего новаго товарища Дзержинскаго или свободно гуляете по Москвѣ, а если сидите еще въ тюрьмѣ, то въ качествѣ ли врага большевиковъ на общемъ положеніи съ другими арестованными «контръ-революціонерами», или на привилегированномъ положеніи въ качествѣ своего для большевиковъ человѣка, какъ вернувшійся къ нимъ блудный сынъ, много раньше нагрѣшившій, а теперь покаявшійся и потому вдвойнѣ дорогой для ихъ сердца.

«Вы теперь — не свободный человекъ, Вы — большевицкій рабъ!»

Но это безразлично: Вы теперь все равно не свободный человекъ. Вы — большевицкій рабъ. Вы теперь говорите и пишете только то, что нужно для большевиковъ. Свободнаго Савинкова, который могъ бы говорить объ убѣжденіяхъ, — нѣтъ.

Вы пишете, что у Васъ разочарованіе во взглядахъ на борьбу съ большевиками произошло года полтора тому назадъ, но Вы только ни съ кѣмъ не хотѣли объ этомъ говорить. Объ этомъ не сказали мнѣ даже тогда, когда рассказали о планахъ своей поѣздки въ Россію. Но я думаю, и понятно безъ комментарій, какимъ языкомъ Вы могли со мной говорить о большевикахъ и о какихъ планахъ могла идти рѣчь у насъ съ Вами, когда мы говорили о борьбѣ съ ними.

Если же въ данномъ случаѣ Вы имѣете въ виду Вашу критику бѣлаго движенія, то отъ критики бѣлаго движенія, самой жестокой критики, никто изъ насъ никогда не отказывался. Мы, демократы, знаемъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, всѣ его недостатки. Если бы у бѣлаго движенія не было этихъ недостатковъ, то большевики, конечно, и не могли бы оставаться столько времени у власти.

Но если Вы хотите сказать, что у Васъ еще заграницей было какое-нибудь примиреніе съ большевиками и Вы еще тамъ признали ихъ за народную власть, то въ Вашихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшей искренности.

«То, что Вы говорите, — сознательная неправда и очевидная нелѣпость».

Скажу прямо: все, что объ этомъ Вы теперь говорите, — сознательная неправда, — неправда, къ которой Васъ вынуждаетъ Ваше нынѣшнее положеніе ренегата, цѣликомъ зависимаго отъ нынѣшнихъ Вашихъ господъ.

По Вашимъ словамъ, въ тѣ нѣсколько дней, которые Вы провели въ большевицкой тюрьмѣ, Вы убѣдились, что «никакихъ рабочихъ и крестьянскихъ организаций, борющихся съ совѣтской властью, нѣтъ и быть не можетъ»(!), что «совершился спасительный переломъ въ совѣтской Россіи», что «разруха окончилась»(!), что «большимъ и длительнымъ напряженіемъ, напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ и не вопреки, а съ помощью и подъ руководствомъ совѣтской власти возстанавливается Россія», что «русскіе рабочіе и крестьяне не борются и не желаютъ(!) бороться противъ совѣтской власти, а напротивъ, поддерживаютъ ее, ибо вполне довѣряютъ ей»(!) и т. д. Вы въ своемъ письмѣ ко мнѣ даже, было, написали: «создается свободная Россія», но спохватились и зачеркнули слово «свободная»... Говорить о «свободной» Россіи, конечно, не можетъ даже нынѣшній Б. В. Савинковъ. Это большевики могутъ, пожалуй, счесть или за иронію, или за призывъ къ возстанію.

Нѣтъ, Борисъ Викторовичъ, относительно всего того, что Вы теперь пишете, я могу сказать: это — не Ваши слова, не Ваши выраженія, не Ваши аргументы, не Ваши мысли. Не это Вы говорили мнѣ тогда, когда мы разставались. Теперь Вы повторяете только то, что Вамъ диктуютъ чекисты и что имъ нужно.

Всѣ Ваши нынѣшнія увѣренія, что въ большевицкой тюрьмѣ Вы поняли старыя свои ошибки и, Вамъ сразу стали понятны прелести большевицкаго режима, — не только явная ложь, но и очевидная нелѣпость. Все это теперь повторяется Вами, только какъ плата по договору за помилованіе и за дарованную Вамъ жизнь. Вы приняли отъ большевиковъ эту награду за ихъ признаніе, и

Вашими устами теперь говорить только благодарный большевицкій рабъ.

Ваша робость предъ большевиками изумительна и не имѣетъ границъ. Вы такихъ ихъ агентовъ Чека, какъ Павловскаго и Павлова, называете «демократами» и причисляете ихъ къ политическимъ дѣятелямъ. Но развѣ Вы не понимаете, что это только самые откровенные провокаторы, сыщики, большевицкіе Азефы, способные на такія гнусности, на какія не былъ способенъ и самъ Евно Азефъ. Они гурьбой пріѣзжали къ Вамъ за границу, лгали Вамъ о своихъ антибольшевицкихъ организаціяхъ, о составленныхъ ими заговорахъ противъ большевиковъ, объ устроенныхъ ими экспроприаціяхъ, объ убійствѣ ими десятковъ комиссаровъ, распинались за демократію и т. д. Но вѣдь все это, что они Вамъ говорили, была сплошная ложь. Пріѣзжали они по порученію Дзержинскаго, на его деньги. Провоцируя Васъ, они убѣдили Васъ ѣхать въ Россію для устройства заговора противъ большевиковъ. Дѣлали они все по инструкціи Чека. И это, по Вашему, «демократы». Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, Вы теперь назовете «демократомъ» и Азефа?

Въ томъ, что Вы сейчасъ говорите о бѣломъ движеніи и объ роли иностранцевъ въ немъ, тоже не только много невѣрнаго, но и много прямой и сознательной лжи. Скажу Вамъ прямо: Вы не можете не сознавать, что это — ложь, и она повторяется Вами на разные лады только въ угоду большевикамъ.

Будучи за границей, Вы, напр., никогда не могли приводить въ пользу большевиковъ (и никогда не приводили) нынѣшнихъ Вашихъ сравненій того, что дѣлалось въ бѣломъ лагерѣ, съ тѣмъ, что дѣлалось у большевиковъ. Если Вы теперь такъ горячо говорите противъ преступленій бѣлыхъ, почтительно умалчиваете о преступленіяхъ большевиковъ, то въ этомъ случаѣ у Васъ нѣтъ и помину искренности.

Вы какъ будто забываете и то, что русскій народъ сейчасъ повсюду голодаетъ, народныя возстанія происходятъ непрерывно и подавляются они жесточайшимъ образомъ. Грузія была залита кровью какъ разъ тогда, когда Вы писали свои гимны мирному торжеству большевицкой власти!

Вы, писатель, какъ будто забываете, что у большевиковъ царить цензура, какой нигдѣ никогда не бывало, и о свободѣ печати нѣтъ и помина.

Вы, такъ много говорившій и теперь продолжающій говорить о Россіи, «о моей Россіи», какъ о чемъ-то, что для Васъ дороже всего, забываете, что сдѣлали съ этой Россіей большевики, забываете, что совѣтскія тюрьмы переполнены арестованными, что казни у большевиковъ стали бытовымъ явленіемъ, что въ Россіи уничтожены всѣ признаки самоуправленія и все подчинено интересамъ только коммунистической партіи.

Вы забыли все, что Вы раньше говорили, забыли всѣ свои статьи, все, что Вы писали въ своихъ романахъ.

Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ сказать: — Вы ничего не забыли, Вы все это прекрасно помните и теперь, но... обо всемъ этомъ Вы вынуждены теперь молчать, потому что Вы теперь — большевицкій рабъ. Вы теперь только смотрите въ глаза тѣмъ, во власти которыхъ находитесь, выполняете ихъ волю и стараетесь быть имъ пріятнымъ.

О большевикахъ Вы говорите, что они борются противъ реакціи и что они — защитники революціи и ея завоеваній, что они сдѣлали невозможнымъ возвращеніе въ Россію монархизма, что они — провозвѣстники будущихъ широкихъ идеаловъ и т. д. По вашимъ словамъ, они дѣлаютъ то дѣло, которому я служилъ всю жизнь, борясь за свободу и демократію. Поэтому Вы предлагаете мнѣ посмотрѣть на нихъ, какъ на представителей русскаго народа, на новыхъ собирателей русской земли, приглашаете насъ всѣхъ забыть многое преступное, что они до сихъ поръ дѣлали, и вмѣстѣ съ ними идти дальше въ борьбѣ съ реакціей... И Вы позволили себѣ обратиться ко мнѣ съ просьбой пересмотрѣть мои отношенія къ большевикамъ!

«Не вѣрю, что Вы могли съ легкимъ сердцемъ написать эти гнусности».

Я никогда не повѣрю, что Вы, Борисъ Викторовичъ, сами съ легкимъ сердцемъ могли написать всѣ эти гнусности. Нѣтъ, — Вы и въ этомъ случаѣ только, какъ рабъ, исполнили то, чего отъ Васъ требовали большевики.

Съ какимъ бы негодованіемъ я ни относился къ тому,

что Вы послѣ ареста сдѣлали съ своимъ именемъ, никто меня не убѣдитъ, напр., въ томъ, чтобы Вы, знающій меня, могли бы себя считать вправѣ написать мнѣ эти гнусности. Для этого Вы слишкомъ хорошо меня знаете, и помните, какимъ языкомъ я говорилъ Вамъ о большевикахъ, когда мы съ Вами говорили въ послѣдній разъ. Этимъ языкомъ я говорилъ о нихъ еще и до того, какъ они захватили власть, и все время послѣ этого, начиная съ моей брошюры «Проклятіе вамъ, большевики!».

Вы правы, когда говорите, что я всю мою жизнь боролся противъ деспотизма, противъ цензуры, противъ гоненій, противъ народнаго безправія, боролся за идеи демократіи, за народную волю.

Да, я, дѣйствительно, — народоволецъ, какъ Вы пишете, и для меня воля народа — законъ.

Я всегда былъ и остаюсь республиканцемъ и демократомъ, социалистомъ.

Эти идеи вдохновляли меня все время моей политической дѣятельности. Онѣ и теперь остаются для меня святая святыхъ.

«Большевики — враги всѣхъ демократическихъ принциповъ и предатели Россіи».

Вотъ во имя этихъ-то идей я и въ настоящее время борюсь съ большевиками, потому что они для меня являются самыми яркими выразителями реакціи, безправія, врагами всѣхъ демократическихъ принциповъ, насильниками воли народа, разрушителями русской государственности, предателями Россіи.

Большевиковъ я не могу даже отдаленно сравнить съ тѣмъ, что представляло собою царское правительство. Въ своей реакціи они превзошли всѣхъ царскихъ Аракчеевыхъ, всѣхъ Плеве. Предъ ними ничто всѣ бывшіе Муравьевы — вѣшатели. Большевицкія Чека съ ихъ Держинскими, съ ихъ провокаторами, съ ихъ тюрьмами затмили всѣхъ раньше бывшихъ Судейкиныхъ и всѣхъ Азэфовъ. Предъ разсказами о томъ, что они дѣлаютъ, поблѣднѣли всѣ якутскія и карійскія исторіи, такъ хорошо намъ съ Вами извѣстныя. Ихъ цензура безъ какого бы то ни было сравненія превзошла цензуру царскую.

Все, что я теперь пишу о большевикахъ, и въ особенности то, что касается ихъ предательства Россіи нѣмцамъ

во время войны, Вы, Б. В. Савинковъ, сами знаете прекрасно и забыть этого не могли, даже сидя на Лубянкѣ. Объ этомъ теперь Вы только молчите, потому что Вы теперь — большевицкій рабъ.

Мы всё — да и Вы, Борисъ Викторовичъ, — прекрасно понимаемъ, что безъ Чека, безъ тюремъ, безъ цензуры большевики существовать у власти не могутъ.

«Никакого примиренія съ большевиками у насъ не можетъ быть».

Вотъ почему никакого примиренія съ большевиками у насъ не можетъ быть.

И прошлое, и настоящее положеніе большевиковъ такъ ясно, что относительно нихъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній или недоразумѣній. Можно быть или съ ними и дѣлать одно съ ними дѣло, или быть ихъ смертельными врагами до конца.

Третьяго нѣтъ.

Вы, Борисъ Викторовичъ, когда Васъ большевики поставили къ стѣнкѣ, выбрали первое и теперь стараетесь только о томъ, какъ бы заслужить ихъ довѣріе и въ награду получить отъ нихъ красную звѣзду.

Мы остаемся непримиримыми врагами большевиковъ и будемъ звать всѣхъ на борьбу съ ними.

Покорный желаніямъ большевиковъ, Вы зовете насъ въ Россію. Но вы, конечно, понимаете, что Вы дѣлаете этотъ призывъ въ пустую. Самое большое — Вашему призыву послѣдуютъ нѣкоторые ренегаты. Вся же остальная антибольшевицкая масса не пойдетъ съ ними ни на какіе переговоры.

Въ Россію мы вернемся только для борьбы съ большевиками и послѣ побѣды надъ ними въ освобожденной Россіи потребуемъ отъ нихъ расплаты за всё совершенныя ими преступленія.

«Перестаньте писать намъ письма!»

А пока скажу Вамъ: прощайте, Борисъ Викторовичъ!

Первый разъ я Вамъ это сказалъ, когда прочиталъ отчетъ о Вашемъ процессѣ и увидѣлъ въ письмѣ къ бывшимъ Вашимъ товарищамъ Вашу фразу: «они (большевики), писали Вы, обѣщали мнѣ вернуть въ Россію всѣхъ

васъ, кромѣ» и т. д. «Объщали»! Это значитъ, у Васъ, Б. В. Савинковъ, съ большевиками были разговоры, былъ торгъ, заключены условія?

Конечно, — увы! — все это было!

Итакъ, прощайте, Борисъ Викторовичъ, и, конечно, прощайте навсегда!

Перестаньте писать намъ письма! Они бесполезны и для Васъ, и для большевиковъ, — а мы къ нимъ можемъ относиться не иначе, какъ только съ негодованіемъ.

Вл. Бурцевъ.

11 ноября.

(„Народная Мысль“).

Пораженческая компанія больше- виковъ въ 1914 г.

Крестинскій — большевикъ съ 1904-5 г. Въ 1905 г. и слѣдующихъ игралъ активную роль въ Вильно, на его родинѣ. Позднѣе отъ активной работы отошелъ, но всегда продолжалъ числиться правовѣрнымъ большевикомъ, былъ ихъ экспертомъ при с.-д. думской фракціи. Пользовался вліяніемъ, но къ нему относились, какъ къ человѣку весьма злопамятному и потому опасному. Годы войны онъ провелъ въ Екатеринбургѣ, гдѣ былъ лидеромъ большевиковъ. Въ концѣ 17 или въ самомъ началѣ 18 года переехалъ въ столицу и сталъ, сначала, наркомфиномъ, а затѣмъ секретаремъ Ц. К. большевиковъ сначала вмѣстѣ съ Свердловымъ, въ роли его замѣстителя и помощника, а затѣмъ въ роли главнаго секретаря. Официально политической роли не игралъ, но пользовался огромнымъ вліяніемъ, такъ какъ обладалъ великолѣпной памятью на всякаго рода мелочи, хорошо запоминалъ лица, особенно всякаго рода скандальную хронику. Въ высшей степени обладалъ даромъ интриги, — и Ленинъ больше всего опасался именно его, когда въ концѣ 20 г. началась первая серьезная вспышка фракціонной борьбы. Ленинъ считалъ, что Крестинскій, а не Троцкій можетъ собрать и организовать вокругъ себя фракцію, а потому, послѣ своей побѣды, въ первую очередь, смѣстилъ Крестинскаго и выслалъ его за границу въ качествѣ посла въ Берлинъ

Крестинскій заграницей, въ началѣ, былъ очень не доволенъ, все время просился назадъ, засыпалъ просьбами, но безъ всякаго результата. Ему часто даже отказывали въ разрѣшеніи на временное посѣщеніе Москвы. Онъ считался преданнымъ сторонникомъ Троцкаго. Послѣдній въ 24 или 25 году, когда пріѣзжалъ инкогнито въ Берлинъ, гостилъ все время у Крестинскаго. Около 27 года Крестинскій сталъ мѣнять фронтъ, подъ предлогомъ необходимости думать прежде всего о международныхъ дѣлахъ. Кажется въ 28 г. онъ открыто покаялся въ своихъ ошибкахъ. На юбилейномъ праздникѣ октябрьской революціи предъ берлинской ком-ячейкой онъ произнесъ большую рѣчь, въ которой доказывалъ, что с.-д. въ борьбѣ съ народничествомъ не достаточно считались съ крестьянствомъ, что слѣды этого имѣются во взглядахъ Троцкаго, что только Ленинъ и тогдашнее большинство ЦК (Сталинъ, Бухаринъ и др.) излѣчились отъ старой ошибки с.-д. Онъ, Крестинскій, теперь-то понялъ его и открыто исповѣдуетъ новый символъ вѣры.

Въ Берлинъ, въ дипломатическомъ мірѣ положеніе Крестинскаго было очень прочно, и его постепенно стали считать крупнымъ дипломатомъ. На дѣль его успѣхи должны быть отнесены не на счетъ его особенныхъ талантовъ, а объясняются, просто, тогдашнимъ, исключительно выгоднымъ положеніемъ Россіи, на которомъ спекулировали всѣ нѣмецкія партіи, стремившіяся сорвать Версальскій миръ, и, надѣявшіяся для этого использовать большевиковъ, какъ таранъ. Дѣйствительная же роль самого Крестинскаго состояла, главнымъ образомъ, въ разборъ разныхъ мелкихъ дѣлъ берлинской ячейки. Здѣсь всѣ дѣла шли черезъ него. Онъ копался во всѣхъ мелочахъ и сплетняхъ.

Въ настоящее время Крестинскій въ Москвѣ играетъ большую роль. Онъ является главнымъ докладчикомъ въ политбюро по дѣламъ внѣшней политики и оттъсняетъ Литвинова.

Ред.

1. Приѣздъ Вандервельде.

Однажды въ концѣ іюня 1914 г., часовъ въ 10 вечера ко мнѣ позвонила тов. О. Д. Каменева и сказала, чтобы я приѣзжалъ въ ресторанъ къ Палкину, гдѣ обѣ с.-д. фракціи Гос. Думы (и наша и меньшевицкая) устраиваютъ чествованіе, приѣхавшаго неожиданно въ Петербургъ Эмиля Вандервельде.

Приѣхалъ къ Палкину. Тамъ были почти всѣ б. депутаты-меньшевики, нѣсколько членовъ нашей фракціи (вспоминаю А. Е. Бадаева и М. К. Муранова) Каменева, Шляпниковъ, Мартовъ и еще нѣсколько литераторовъ меньшевиковъ.

Я сталъ выяснять, какимъ образомъ, когда и зачѣмъ приѣхалъ Вандервельде. Оказалось, что онъ приѣхалъ всего нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, навѣстить, какъ онъ объяснялъ, своихъ друзей, М. А. Стаховича, М. М. Ковалевскаго и профессора Виноградова. Съ финляндскаго вокзала Вандервельде (онъ приѣхалъ изъ Гельсингфорса, гдѣ читалъ какую-то лекцію) проѣхалъ прямо въ Таврической дворецъ къ Стаховичу, и только послѣ длинной бесѣды Стаховичъ провелъ его къ Чхеидзе. Такимъ образомъ, офиціальныи вождемъ социалистическаго интернаціонала, приѣхавъ въ Питеръ, обратился прежде всего къ политическимъ представителямъ нашей правой буржуазіи (М. А. Стаховичъ былъ даже не кадетомъ, а членомъ стоявшей правѣе кадетовъ фракціи прогрессистовъ), и лишь послѣ нихъ, при ихъ посредствѣ, встрѣтился съ представителями рабочей фракціи.

Чествованіе Вандервельде въ ресторанѣ продолжалось не особенно долго, носило чисто офиціальныи, мало интимный характеръ. Вандервельде произнесъ по французски нѣсколько блестящихъ по формѣ, но содержащихъ лишь общія мѣста, тостовъ. Переводилъ его на русскій языкъ М. Мартовъ. Мартовъ же отвѣтилъ ему отъ меньшевиковъ, Шляпниковъ на французскомъ языкѣ отъ большевиковъ рабочихъ.

Мы пригласили Вандервельде приѣхать на слѣдующій день въ редакцію «Правды». Онъ приѣхалъ. Это была, какъ сейчасъ припоминаю, суббота. Въ субботу въ «Правдѣ» всегда было оживленно. Приходили масса рабочихъ

подписаться, сдать въ фондъ «Правды» собранныя пожертвованія, передать секретарю корреспонденціи и т. д. Стѣны редакціи «Правды», еще не подвергавшейся іюльскому разгрому, были увѣшаны всякаго рода плакатами, юбилейными снимками и открытками. Все это произвело на Вандервельде сильное впечатлѣніе. Онъ не могъ не почувствовать, что находится въ настоящемъ штабѣ, настоящей революціонной рабочей партіи въ періодъ нарастанія революціи.

Въ «Правдѣ» же Вандервельде снялся съ группой сотрудниковъ и партійныхъ работниковъ. Самъ я одновременно съ Вандервельде въ редакціи «Правды» не былъ. Припоминаю, что на группѣ были тт. Стучка, Василиій Шмидтъ, Висановъ-Мгеладзе и другіе. Группа эта была воспроизведена въ «Правдѣ».

Изъ редакціи «Правды» Вандервельде поѣхалъ къ Ковалевскому, съ нимъ — въ балетъ, а на другой день, рано утромъ, поѣхалъ за границу.

Пріѣздъ Вандервельде въ Россію въ іюнѣ 1914 г., за три недѣли до начала войны, представляетъ собою, неизслѣдованный до сихъ поръ, историческій эпизодъ. Очень трудно предположить, чтобы человѣкъ, стоявшій во главѣ международнаго социалистическаго бюро, вдругъ, безъ всякой причины, безъ предварительнаго сношенія съ находившимися за границей Центральными Комитетами русскихъ социалистическихъ партій, безъ предупрежденія существовавшихъ въ самомъ Петербургѣ легальныхъ рабочихъ организацій, какими являлись и думскія фракціи и профсоюзы, пріѣхалъ въ Петербургъ, пробылъ тамъ полтора дня и уѣхалъ обратно, повидавши пару буржуазныхъ друзей, побывавши въ балетѣ и ни о чемъ дѣловомъ не переговоривши не только съ нами — большевиками, но, повидимому, и съ меньшевиками.

Если бы цѣлью Вандервельде было познакомиться съ положеніемъ въ Р. С.-Д. Р. П. въ виду предстоявшей международной комиссіи, на которой предполагали судить большевиковъ и мирить насъ съ меньшевиками, то тогда Вандервельде долженъ былъ бы поставить намъ рядъ вопросовъ, потребовать у насъ тѣхъ или другихъ данныхъ. Ничего этого онъ не сдѣлалъ.

Невольно напрашиваются подозрѣнія, что прїѣздъ Вандервельде стоялъ въ нѣкоторой связи съ той ролью, которую ему пришлось сыграть черезъ 3—4 недѣли, когда онъ сталъ министромъ бельгійскаго королевскаго правительства и сталъ призывать насъ къ поддержкѣ царскаго правительства въ европейской войнѣ. Хотя для многихъ война разразилась неожиданно, но она все-таки давно уже висѣла въ воздухѣ. Возможно, что бельгійское правительство уже тогда нащупывало настроеніе своихъ социалистовъ, можетъ быть, поѣздка Вандервельде носила уже полуофициозный, политически-развѣдывательный характеръ.

2. Іюльскія волненія въ Петербургѣ.

Начало іюля 1914 г. было очень бурнымъ. Въ Баку происходила общая забастовка на нефтяныхъ промыслахъ. Весь текстильный районъ былъ охваченъ забастовочнымъ движеніемъ. Въ центрѣ этого движенія стоялъ членъ большевицкой фракціи, тов. Шаговъ. Петербургскіе рабочіе кипѣли. Устраивали митинги, денежные сборы въ пользу бастующихъ, забастовки сочувствія и протеста, 3 іюля, во время многотысячнаго митинга на Путиловскомъ заводѣ полиція начала стрѣлять. Это послужило сигналомъ для всеобщей забастовки въ Петербургѣ. Забастовки совпали съ прїѣздомъ въ Петербургъ президента Французской республики Пуанкаре, который прїѣзжалъ, очевидно, для того, чтобы окончательно столковаться съ императорскимъ правительствомъ относительно совмѣстнаго веденія войны противъ Германіи.

Правительство рѣшило задуть движеніе петербургскихъ рабочихъ. Оно начало съ закрытія большевицкой партіи. 8 іюля полиція нагрянула на редакцію «Трудовой Правды», захватила тамъ нѣсколько десятковъ работниковъ редакціи и конторы, сотрудниковъ и друзей газеты, разгромило все помѣщеніе газеты такъ, какъ этого не бывало прежде при постоянныхъ закрытіяхъ, обыскахъ и выемкахъ, и фактически не позволила выпускать вмѣсто закрытой газеты какую-либо новую «Правду».

Въ тотъ же день были произведены массовые аресты среди рабочихъ въ районахъ, страховыхъ работниковъ и

большевицкой интеллигенціи. Одновременно были закрыты и меньшевицкая и эсъ-эровская газеты.

Но разгромомъ печати и арестами правительство не остановило движенія: забастовки не прекратились, начались демонстраціи, столкновенія съ полиціей и казаками, наконецъ, на Выборгской сторонѣ появились первыя баррикады.

Возможно, что въ планы полиціи входило вызвать преждевременное вооруженное столкновение и въ частичныхъ схваткахъ потопить въ крови петербургское рабочее движеніе. Это ей, можетъ быть, и удалось бы. Большая часть большевицкихъ, признанныхъ на заводахъ, руководителей была изъята, и руководство борьбой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, переходило къ анархистамъ и максималистамъ изъ рабочей молодежи, дѣйствовавшимъ исключительно подъ вліяніемъ настроенія.

Но въ это время грянула война, было объявлено военное положеніе, спѣшно проведена мобилизація, въ настроеніи столичнаго населенія произошелъ рѣзкій переломъ, отразившійся и на рабочихъ массахъ.

Движеніе начало падать, и полиціи при помощи новыхъ массовыхъ арестовъ болѣе вліятельныхъ рабочихъ, удалось свести движеніе на-нѣтъ.

3. Въ началѣ войны.

Черезъ нѣсколько дней послѣ начала войны должно было состояться засѣданіе Гос. Думы. Къ этому засѣданію с.-д. должны были опредѣлить свое отношеніе къ войнѣ и подготовить декларацію. Я не вѣрилъ въ возможность совмѣстнаго выступленія съ меньшевиками и по предложенію тов. Бадаева, единственнаго въ то время депутата-большевика, подготовилъ проектъ большевицкой деклараціи. Къ этой работѣ я привлекъ т. т. Пашуканисъ (мать и сына) и т. Радзишевскаго (Арскаго). Тов. Арскій принесть проектъ, представлявшій собой очень длинную статью съ оцѣнкой международнаго положенія и причинъ войны, мы совмѣстно эту статью сильно передѣляли, значительно сократили и придали ей видъ деклараціи. Эту декларацію я передалъ тов. Бадаеву черезъ Н. Д. Соколова. На совмѣстномъ засѣданіи обѣихъ фракцій, гдѣ

обсуждался вопросъ о деклараціи, мы всѣ, стоявшіе близко къ организаціи и ожидавшіе со дня на день ареста, не ходили въ эти дни въ помещеніе фракціи, являвшейся совершенно открытой засадой.

Нашъ проектъ въ засѣданіи фракціи былъ отвергнутъ какъ слишкомъ длинный, а за основу взять другой, принадлежавшій, кажется, перу тов. Еремѣева. По настоянію меньшевиковъ и при поддержкѣ Н. Д. Соколова въ декларацію былъ внесенъ абзацъ, говорившій о томъ, что русскіе рабочіе будутъ защищать культурныя цѣнности страны. Такимъ образомъ въ декларацію принесена оборонческая контрабанда. Въ видѣ эквивалента отъ меньшевиковъ добились обязательства голосовать противъ военныхъ кредитовъ.

Декларацію огласилъ въ засѣданіи Гос. Думы 26 іюля депутатъ Хаустовъ-меньшевикъ, но рабочій (уступка въ пользу нашей фракціи).

Голосованіе противъ кредитовъ прошло, насколько припоминаю, неудачно. Неудачно въ томъ смыслѣ, что президіумъ Гос. Думы не устроилъ по этому поводу формальнаго голосованія, и отрицательная позиція с.-д. была выявлена только въ деклараціи, а не путемъ голосованія.

Сейчасъ же послѣ засѣданія Гос. Думы пришла знаменитая телеграмма или письмо Вандервельде. Телеграмму эту Вандервельду, уже министръ, послалъ черезъ русскаго посланника въ Брюсселѣ. Какъ выяснилось потомъ, этотъ посланникъ Кудашевъ вносилъ даже нѣкоторыя редакціонныя поправки въ первоначальный проектъ Вандервельде.

Вандервельде извѣщалъ о рѣшеніи бельгійскихъ социалистовъ, также и французскихъ, выступить на защиту отечества и демократіи противъ германскаго империализма. Онъ приглашалъ русскихъ товарищей сдѣлать то же самое, не считаясь съ наличиемъ въ Россіи царскаго правительства.

Какъ только эта телеграмма попала въ нашу фракцію, мы рѣшили немедленно собраться и обсудить свой отвѣтъ на нее. Обсужденіе телеграммы должно было выявить вообще точку зрѣнія участвовавшихъ въ Питерѣ работниковъ-большевиковъ на войну и на задачи партіи въ связи съ войной.

Рѣшено было собраться въ квартирѣ у Н. Д. Соколова. Н. Д. Соколовъ не былъ большевикомъ, считалъ себя примиренцемъ, но въ эти недѣли онъ проявлялъ очень большую активность, какъ потому, что война сильно потрясла его, такъ и потому, что ему, какъ примиренцу, чрезвычайно хотѣлось добиться объединеннаго выступления большевиковъ и меньшевиковъ. Онъ мечталъ, что ему удастся добиться отъ меньшевиковъ отказа отъ слишкомъ явнаго оборончества, а, съ другой стороны, что и мы не будемъ чрезмѣрно непримиримы.

У Соколова на Сергіевской улицѣ собрались Г. И. Петровскій (единственный изъ депутатовъ *), М. С. Ольминскій, Стучка, Винокуровъ, Козловскій, К. Н. Самойлова, А. А. Юрьевъ, А. Г. Шляпниковъ, кажется, Фаберкевичъ и я. Кромѣ того, Соколовъ пригласилъ еще Д. С. Постоловскаго («Вадима»). Пригласилъ онъ его безъ предварительнаго разговора со мною и другими инициаторами собранія. Когда я, придя, засталъ уже «Вадима», я былъ нѣсколько изумленъ. «Вадимъ» уже много лѣтъ (примѣрно съ середины 1907 г.) стоялъ внѣ работы. Мало этого, онъ душою совершенно отошелъ отъ движенія, абсолютно не интересовался политикой, не слѣдилъ за ней. Я припоминаю, какъ въ 1909 г., во время дополнительныхъ выборовъ въ Гос. Думу, когда кадеты, взамѣнъ разъяреннаго Колюбакина, ввели въ Думу Кутлера, а с.-д. — Соколова, когда происходили предвыборныя собранія съ довольно оживленной борьбой, Постоловскій только изъ случайнаго разговора со мной узналъ обо всемъ этомъ. Но возражать противъ участія уже приглашеннаго и пришедшаго Постоловскаго было трудно: онъ — одинъ изъ старѣйшихъ большевиковъ, бывшій членъ Ц. К., человекъ лично безупречный, поэтому вопроса о немъ я не поставилъ.

Пока не собрались всѣ, разговоры велись не въ порядкѣ дебатовъ, а въ порядкѣ участнаго, неформальнаго общенія мнѣній. Припоминаю поразившія меня слова Шляпникова. Онъ говорилъ, примѣрно, слѣдующее.

*) Остальные депутаты — большевики — Шаговъ, Мурановъ, Бадасъ разѣхались по Россіи, Самойловъ лечился въ Швейцаріи.

«Первые дни все было ясно. Мы призвали рабочих нашей Выборгской стороны демонстрировать противъ войны и мобилизаціи. Два дня послѣ объявленія войны рабочіе продолжали ходить съ красными флагами. Но сейчасъ встаетъ вопросъ, что дѣлать дальше, и я скажу: если бы я былъ на мѣстѣ Жюля Гада, я поступилъ бы такъ же, какъ онъ, — вѣрнѣе, если бы я былъ сейчасъ во Франціи, я поступилъ бы добровольцемъ въ иностранный легіонъ». Эти слова Шляпникова, выразившія, повидимому, его тогдашнее временное настроеніе, встрѣтили рѣзкую отповѣдь съ моей стороны и со стороны тов. Ольминскаго. Вѣроятно, поэтому это выступленіе тов. Шляпникова сохранилось главнымъ образомъ въ памяти т. Ольминскаго и моей. Я не опрашивалъ оставшихся въ живыхъ (Самойлова, Юрьевъ и Фебрекевичъ умерли) участниковъ этого засѣданія. Не помню точно, кто въ это время былъ уже въ кабинетѣ, гдѣ шелъ разговоръ со Шляпниковымъ. Т. Стучка и Петровскій, съ которыми я мелькомъ въ прошломъ году обмѣнивался воспоминаніями объ этомъ засѣданіи, припоминаютъ тогдашнее настроеніе Шляпникова, но не помнятъ точно, что онъ говорилъ

Затѣмъ перешли въ столовую и тамъ открыли уже правильное засѣданіе. Взялъ слово Постоловскій и произнесъ горячую рѣчь о необходимости принять активное участіе въ войнѣ, рѣчь, которую мы всѣ характеризовали, какъ патріотическую рѣчь. Я не припоминаю, былъ ли на этомъ засѣданіи Іосифъ Петровичъ Гольденбергъ. На одномъ изъ нашихъ засѣданій онъ принималъ участіе и высказывался также болѣе или менѣе оборончески, хотя не такъ грубо, какъ Постоловскій. Затѣмъ начались возраженія. Взяли слово Ольминскій, Стучка, Винокуровъ. Наболѣе рѣзко и убѣжденно говорилъ Ольминскій, что какое бы то ни было пріятіе войны, обозначало бы отказъ отъ всѣхъ принципіальныхъ позицій Интернаціонала.

Всѣ собравшіеся оказались вполне единодушными, и составленіе проекта отвѣта Вандервельде было поручено Петровскому, Стучкѣ и мнѣ.

Кромѣ насъ троихъ, въ работѣ по составленію отвѣта принималъ участіе и привлеченный нами тов. Радзишевскій. Работали мы на квартирѣ у тов. Стучка. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности сейчасъ найти выработан-

ный нами текстъ отвѣта. Главное отличіе его отъ того отвѣта, который былъ въ послѣдствіи утверждёнъ на совѣщаніи въ Мустомьякахъ и отвезенъ тов. Шляпниковымъ за границу, заключалось въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ отвѣтѣ центръ тяжести лежитъ въ невозможности для русскихъ рабочихъ поддерживать въ той или другой мѣрѣ царское правительство. Въ нашемъ же проектѣ мы исходили главнымъ образомъ изъ невозможности для пролетаріата той или другой страны, въ томъ числѣ и для пролетаріата Россіи, выступать совмѣстно со своей буржуазіей на защиту отечества противъ другого буржуазнаго государства. Въ нашемъ проектѣ содержалось оптимистическое заявленіе, что чѣмъ бы ни кончилась война, какая бы изъ буржуазныхъ коалицій ни побѣдила, въ результатѣ войны усилится революціонное пролетарское движеніе во всѣхъ странахъ и приблизится побѣда социализма.

Послѣ 20 августа состоялось слѣдующее, нѣсколько болѣе широкое, совѣщаніе въ библіотекѣ адвокатскаго клуба на Басковомъ пер. № 2. Техническая сторона организациі и тутъ лежала на Н. Д. Соколовѣ. Было человѣкъ 20. Изъ присутствовавшихъ припоминаю Ольминскаго, Стучку, Козловскаго, Фаберкевича (Т. Гнѣвича), Комаровскаго (Б. В. Данскаго), Раскольниковъ, Старка, А. А. Блюма и Соколова. Кажется, на этомъ собраніи былъ и Гольденбергъ, за это, впрочемъ, не ручаюсь.

Не помню сейчасъ, почему, но это совѣщаніе не занималось обсужденіемъ изготовленнаго нами проекта отвѣта, а вновь подвергало общему обсужденію вопросъ о войнѣ. Объяснилось это, вѣроятно, тѣмъ, что значительная часть участниковъ собранія не была на первомъ совѣщаніи.

Настроеніе большинства собравшихся совпало, однако, съ рѣшеніями перваго совѣщанія. Особое мнѣніе высказалъ и защищалъ Артуръ Адамовичъ Блюмъ. Для насъ его выступленіе явилось гораздо больше неожиданностью, чѣмъ рѣчь Постоловскаго на предыдущемъ совѣщаніи. А. А. Блюмъ до начала войны не отходилъ отъ большевизма. Будучи самъ изъ группы Московскихъ большевиковъ-литераторовъ періода 1905 года, онъ съ возникновенія въ Петербургѣ большевицкой печати, сразу при-

нялъ въ ней участіе. Сотрудничалъ въ «Просвѣщеніи» подъ псевдонимомъ Яновскаго и Стоянова и даже входилъ въ редакціонную его коллегію, былъ постояннымъ сотрудникомъ издательства «Прибой». Въ изданномъ «Прибоемъ» «Спутникъ Рабочаго» была помѣщена написанная имъ біографія Маркса (къ 30-лѣтію со дня смерти) и еще одна статья. Блюмъ выступилъ противъ непримиримой позиціи по отношенію къ войнѣ. Онъ доказывалъ, что мы должны предварительно для себя рѣшить вопросъ, какія послѣдствія для мирнаго рабочаго движенія повлечетъ побѣда той или другой коалиціи, и только въ зависимости отъ этого, опредѣлять свою тактику. Онъ самъ считалъ, что побѣда Германіи будетъ означать тяжелейшій ударъ по социализму. Наша борьба противъ правительства и противъ войны облегчала бы побѣду германской коалиціи. Поэтому мы должны отнестись очень осторожно къ намѣчанію своей тактики и не явиться ни въ коемъ случаѣ пособниками германскаго имперіализма. Однимъ словомъ, его аргументы были тѣ самые, которые стали потомъ обычными аргументами въ устахъ оборонцевъ всѣхъ толковъ.

Съ удовольствіемъ замѣчаю, что поддержки среди собравшихся Блюмъ не нашелъ. Шляпниковъ, если онъ и былъ на этомъ засѣданіи (чего я точно утверждать не могу), не выступалъ. Н. Д. Соколовъ и Гольденбергъ выступали гораздо осторожнѣе, не договаривали, или вѣрнѣе — не додумывали до конца того, что смѣло развивалъ Блюмъ *).

Черезъ нѣсколько дней, 26 августа, я былъ арестованъ въ одну ночь съ нѣсколькими десятками рабочихъ изъ всѣхъ районовъ. Съ нашимъ арестомъ закончилась массовая ликвидація петербургской организаціи. Послѣ этого, до самаго ареста депутатовъ, арестовывались лишь случайно оставшіеся на свободѣ въ Петроградѣ единицы. Т. т. Каменевъ, К. С. Еремѣевъ и др. должны были переехать въ Финляндію. Въ Финляндіи же происходило совѣщаніе 30 сентября — 1 октября, на которомъ прини-

*) Въ своемъ возраженіи Блюму М. Ольминскій охарактеризовалъ его позицію тремя словами: «Боже, царя храни».

мались тезисы Ильича и отвѣтъ Вандервельде. На этомъ собраніи я — вопреки опубликованнымъ даннымъ Петербургской охранки — не былъ, такъ какъ въ это время сидѣлъ, и только около половины октября былъ освобожденъ съ высылкой изъ Петербурга.

Послѣ освобожденія я повидался съ Мураловымъ и Комаровскимъ-Данскимъ. Я узналъ отъ нихъ, что т. т. Ф. Н. Самойловъ (депутатъ) и Комаровскій, которыхъ война застала за границей, привезли отъ Владиміра Ильича его тезисы, появившіеся потомъ въ 33 номерѣ «Соціалъ-Демократа». Прочелъ я и эти тезисы и съ огромнымъ удовлетвореніемъ и радостью увидалъ, что та позиція, которую мы нащупывали сами, безъ указаній Владиміра Ильича, сейчасъ же за объявленіемъ войны, и которую мы проводили въ проектѣ деклараціи и въ проектѣ отвѣта Вандервельде, была полностью покрыта лозунгами, данными Владиміромъ Ильичемъ.

Выработанный мною, Стучкой, Петровскимъ и Радзишевскимъ проектъ отвѣта Вандервельде тов. Стучка, послѣ моего ареста, передалъ тов. Петровскому. Дальнѣйшая судьба его, а такъ же, къмъ составленъ отвѣтъ, который былъ посланъ Вандервельде, мнѣ не извѣстна.

Перваго ноября 1914 года я выѣхалъ изъ Петербурга въ ссылку на Уралъ, и дальнѣйшая организація борьбы петербургскихъ рабочихъ противъ войны происходила безъ моего участія.

(«Прол. Револ.» № 7 (30) 1924.

Н. Н. Крестинскій.

Пораженческая компанія больше- вицкихъ членовъ Государственной Думы.

Когда началась война въ 1914 г., большинство лѣвыхъ партій или сочувственно относились къ борьбѣ съ нѣмцами или нейтрально. Даже среди большевиковъ были такіе, которые не хотѣли пораженія Россіи.

Ленинъ, наоборотъ, выступилъ самымъ рѣзкимъ образомъ противъ войны и сталъ пропагандировать въ Россіи гражданскую войну.

Депутаты большевицкой фракціи Гос. Думы опредѣленно высказались за Ленина. Пораженческую линію они вели и въ Гос. Думѣ и разъѣзжая въ странѣ для пропаганды противъ войны за подготовку гражданской войны.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объявленія войны всѣ большевицкіе депутаты были арестованы, но начатая ими пропаганда продолжалась вестись, несмотря на то, что большевики-пропагандисты хорошо были извѣстны Департаменту Полиціи благодаря многочисленной провокатурѣ, которая была среди нихъ.

Лѣтомъ 1914 г. наша «пятерка» вела подготовительную работу на мѣстахъ. Это было послѣ засѣданія Думы о войнѣ.

Шаговъ, Мурановъ, Петровскій и я разъѣхались по Россіи. Самойловъ былъ за границей, кто на югъ, кто на Уралъ, кто къ себѣ домой.

Разъѣхались, понятно, нелегально, рѣшивъ съѣхать-ся въ Петроградъ къ осени. Эти наши объѣзды тормозились на мѣстахъ военными мобилизаціями рабочихъ и разгромами партійныхъ организацій полиціей, поэтому въ Петроградъ мы вернулись съ запозданіемъ.

Самъ я направился въ Астрахань, думая оттуда попасть въ Баку, затѣмъ въ Тифлисъ. До Астрахани я ѣхалъ, что называется, съ пассажирскаго на товарный и обратно, затѣмъ ѣхалъ на пароходѣ, словомъ заметалъ слѣды. Въ Астрахани я провелъ два или три собранія. Были выбраны (не помню имени) представители на все-россійское партійное совѣщаніе о войнѣ, которое наша «пятерка» думала созвать осенью.

Цѣлью моей было попасть въ Баку, гдѣ была разгромлена всеобщая забастовка въ томъ же 1914 г.

Въ Баку я тоже провелъ два или три собранія. И здѣсь были также намѣчены представители на совѣщаніе (одинъ изъ нихъ былъ Стонани или его братъ). Собранія эти устраивались на квартирѣ отошедшаго въ тѣ дни отъ партійной работы, стараго партійнаго работника (фамилію я его забылъ, но помню, въ февральскую революцію 1917 г. онъ былъ разоблаченъ, какъ провокаторъ, и его разстрѣляли *).

*) Въ хранящихся въ полицейской секціи Ленинградскаго отдѣленія Е. Г. А. Ф. спискахъ провокаторовъ по Бакинской организаціи Р. С.-Д. Р. П., секретныхъ сотрудниковъ Бакинскаго жандармскаго управленія, имѣются указанія: 1) *На разоблаченныхъ провокаторовъ по Баку:*

1. Ериковъ, Николай Степановичъ (онъ же нелегальной фамиліи Бакрадзе, Давидъ Виссаріоновичъ), охранныя кличка «Фиксусъ». Былъ членомъ Р. С.-Д. Р. П. съ 1897 г., Въ рядахъ бакинской с.-д. организаціи съ 1908 г. Секретнымъ сотрудникомъ Бакинскаго ж. у. съ апрѣля 1909 г. по 1917 г. включительно.

2. Саркисянцъ, Исаакъ Минасовичъ, охранныя кличка «Дорогой». До 1908 г. былъ въ рядахъ дашнакцутюнъ. Членъ Р. С.-Д. Р. П. съ 1908 г. Секретный сотрудникъ Бакинскаго ж. у. съ ноября 1911 г., былъ таковымъ и въ 1914 г.

3. Серегинъ, Герасимъ Васильевичъ, по профессіи масленщикъ, охранныя кличка «Слесарь». До 1908 г. работалъ въ рядахъ с.-д. Секретный сотрудникъ Бакинскаго ж. у. съ ноября 1911 г.,

Осенью 1914 г. въ нашей «пятеркѣ», мыслившей себя, въ связи съ разгромомъ партійныхъ организацій на мѣстахъ, единымъ организаціоннымъ центромъ активныхъ партійныхъ организацій и рабочаго движенія, рѣшено было созвать совѣщаніе представителей партійцевъ съ мѣстъ и выработать линію въ отношеніи къ войнѣ.

Мы рѣшили использовать свое положеніе депутатовъ Гос. Думы.

«Пятерка входила и въ составъ центрального комитета партіи въ Петроградѣ (Я. Свердловъ, Л. Каменевъ и др., — составъ мѣнялся).

Въ это время были получены и тезисы тов. Ленина о войнѣ.

И вотъ наша «пятерка» рѣшила обсудить эти тезисы и вынести окончательное принципиальное, теоретически обоснованное, рѣшеніе о войнѣ и о томъ, какъ дѣйствовать партійцамъ на мѣстахъ, словомъ, выработать и директивы.

Рѣшили гдѣ-нибудь собраться и позвать представителей съ мѣстъ.

Въ розыскѣ квартиры для нашего совѣщанія помогаль В. Шуркановъ *) посѣщавшій нашу фракцію и связанный съ петроградскимъ комитетомъ партіи.

былъ таковымъ и въ 1914 г. Широко «освѣщалъ» партійную жизнь въ рабочей средѣ Баку и вообще мѣстную общественную жизнь.

4. Сикорскій, Андрей Васильевичъ, охранныя кличка «Ольнемъ», секретный сотрудникъ, штучникъ владивостокской жандармеріи, въ Баку «сотрудничалъ» временно въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1914 г.

II. Среди пока неразоблаченныхъ секретныхъ сотрудниковъ Бакинскаго жанд. управленія (подъ охранными кличками): вспомогательный по с.-д. организаціи агентъ съ октября 1913 г. и въ 1914 г. «Подрядчикъ», «Никитинъ» съ іюля 1914 г., «Тихоновъ» съ іюля 1914 г., «Марьинъ (Маринъ) штучникъ съ іюля 1914 г., «Бѣлый» съ сентября 1914 г.

Ред.

*) Вас. Ег. Шуркановъ былъ рабочимъ завода «Новый Айвазъ». О его роли въ петроградской организаціи соц.-дем. большевиковъ см. стр. 108—110 у А. Шляпникова «Канунъ семнадцатаго года», часть II (Москва 1923 г.). «Красная Лѣтопись».

Остановились на Лѣсномъ (это было въ ноябрѣ), мы рѣшили идти туда кружными путями, отдѣляясь отъ «хвостовъ». Тогда и мысли у насъ не было, что насъ кто-то выдастъ въ руки полиціи.

На этомъ собраніи мы бесѣдовали о тезисахъ Ленина и о войнѣ, объ изданіи рабочей газеты, обсуждали листки (и на финляндскихъ нашихъ собраніяхъ мы часто обсуждали тексты листовокъ о войнѣ, издававшихся потомъ петроградскимъ комитетомъ партіи).

И на этомъ собраніи въ Лѣсномъ мы обсуждали текстъ листка къ студентамъ, составленный моимъ личнымъ секретаремъ студентомъ Степаномъ Шаумяномъ, незадолго до суда надъ нами арестованнаго и высланнаго.

Мы мечтали послѣ нашего совѣщанія въ Лѣсномъ разѣхаться вновь по Россіи.

Ждали мы съ самаго начала приѣзда Л. Каменева на это собраніе, еще приѣзда Стеклова, но его такъ и не дождались. Собраніе наше продолжалось. Тутъ появилась полиція и насъ арестовали.

Тутъ же, подъ шумокъ обысковъ, мы сговорились, какъ держать себя на допросѣ.

Многіе, изъ числа бывшихъ у насъ партійныхъ матеріаловъ и документовъ намъ удалось, передавая другъ другу, уничтожить, разорвать и сбросить въ уборную, насыпавъ даже сверху золы и выливъ помой.

Скоро состоялся надъ нами судъ.

А. Бадаевъ.

Какъ Департаментъ Полиціи отпустилъ Ленина за границу для большевицкой пропаганды.

Въ Сибирь Ленинъ былъ высланъ въ 1897 г. на три года вмѣстѣ съ тогдашнимъ своимъ другомъ, а потомъ врагомъ, главой меньшевиковъ, Мартовымъ. Въ 1900 г. онъ кончилъ срокъ ссылки. Вмѣстѣ съ Мартовымъ вернулся въ Россію и они вскорѣ рѣшили ѣхать за границу — основать тамъ органъ для борьбы съ несогласными съ ними эсъ-деками, а, главнымъ образомъ, для борьбы съ эсъ-эрами и для подготовки революціи въ Россіи.

Пріѣхавъ въ Москву, Ленинъ сразу попалъ на квартиру извѣстной провокаторши — Серебряковой, разоблаченной только впоследствии, въ 1909 г. Съ тѣхъ поръ, до самаго отъѣзда за границу, онъ былъ окруженъ провокаторами, и вся его дѣятельность была извѣстна охранкѣ. Департаментъ Полиціи зналъ объ его планахъ поѣздки за границу. Въ охранкѣ обсуждался вопросъ, выпустить ли Ленина за границу или снова выслать въ Сибирь? После обсужденія этого вопроса, было рѣшено дать возможность Ленину уѣхать за границу. Вотъ почему Ленинъ, имѣя въ карманѣ заграничный паспортъ, при арестѣ въ Петербургѣ 1900 г., не былъ задержанъ въ тюрьмѣ и легально смогъ выѣхать за границу.

Соціалъ-демократы для Департамента Полиціи не казались опасной партіей, а ихъ борь-

бъ съ другими революціонными теченіями въ Деп. Полиціи придавали большое значеніе.

Такими соображеніями Депар. Полиціи очень часто и раньше, и особенно позднѣе, руководствовался въ своихъ отношеніяхъ къ Ленину.

Въ 1900 г. Владиміръ Ильичъ вернулся изъ ссылки изъ Енисейской губерніи, и такъ какъ ему Департаментомъ Полиціи было запрещено жительство въ столицахъ и вообще фабрично-заводскихъ центрахъ, то поэтому онъ поселился во Псковѣ. Выборъ этого именно города не былъ случайнымъ. Какъ извѣстно, Владиміръ Ильичъ возвращался въ Россію съ опредѣленнымъ планомъ немедля уѣхать за границу для изданія тамъ вмѣстѣ съ Г. В. Плехановымъ, общерусской с.-д. газеты.

Предварительно необходимо было передъ отъѣздомъ завязать прочныя связи съ марксистами, живущими въ Россіи, и съ с.-д. организаціями. Поэтому то и было рѣшено, что Юлій Цедербаумъ (Л. Мартовъ), который отбылъ свой срокъ ссылки въ Туруханскомъ краѣ, поѣдетъ на югъ въ Полтаву, чтобы оттуда связаться, по возможности, съ южными с.-демократическими организаціями, а Владиміръ Ильичъ взялъ себѣ сѣверъ и поэтому намѣтилъ своей временной резиденціей городъ Псковъ, близкій къ Петербургу.

Во Псковъ долженъ былъ къ нему пріѣхать Юлій Цедербаумъ, такъ какъ здѣсь была намѣчена небольшая конференція. Въ ней принимали участіе Владиміръ Ильичъ, Юлій Цедербаумъ, Потресовъ и Степанъ и Любовь Радченко, пріѣзжали видные тогдашніе такъ наз. «легальные марксисты» Струве и Туганъ-Барановскій и, кажется, ожидались нѣкоторые нелегальные с.-д. Свѣдѣнія объ этомъ могли дойти до охраннаго отдѣленія и Департамента Полиціи отъ извѣстнаго провокатора М. Гуровича, который въ то время былъ компаніономъ Петра Струве по изданію марксистскаго журнала «Начало». Вслѣдствіе этого у Гуровича создались довольно близкія отношенія съ марксистской интеллигенціей вообще, и многое могло доходить до его свѣдѣнія, какъ секретнаго сотрудника охранки. Свою квартиру онъ, конечно, охотно предоста-

виль для собраній, явокъ и свиданій нелегальныхъ революціонеровъ.

Само собою разумѣется, что, принявъ во вниманіе донесеніе своего секретнаго сотрудника, петербургскимъ охраннымъ отдѣленіемъ было приказано усилить наблюденіе за проживающимъ во Псковѣ Владиміромъ Ульяновымъ, къ которому, «по агентурнымъ свѣдѣніямъ», 13 мая изъ Петербурга долженъ былъ пріѣхать нелегальный Копельзонъ. За послѣднимъ въ Петербургѣ тоже была устроена усиленная слѣжка, и это было сдѣлать совсѣмъ нетрудно, такъ какъ онъ заходилъ къ Гуровичу. Замѣтивъ за собой неустанное слѣдованіе шпиговъ, Копельзонъ съ помощію хитраго и умѣлаго маневрированія разными ходами и переходами отъ нихъ скрылся, а затѣмъ успѣшно переправился за границу.

Результаты своихъ наблюденій по Пскову и Петербургу петербургское охранный отдѣленіе сообщаетъ въ Департаментъ Полиціи въ запискѣ № 182 отъ 13 мая 1900 г.

«Согласно приказанія вашего превосходительства, по поводу установленія наблюденія за вновь прибывшимъ въ С.-Петербургъ нелегальнымъ Копельзономъ, мною были приняты слѣдующія мѣры:

«Старшему филеру въ г. Псковѣ, Горбатенко, преподана инструкція усилить наблюденіе за проживающимъ тамъ Ульяновымъ, къ которому 13 сего мая долженъ прибыть Копельзонъ.

Извѣстная вашему превосходительству квартира по Виленскому переулку въ С.-Петербургѣ съ утра 12 числа была обезпечена основательнымъ наружнымъ наблюденіемъ.

Около 12 ч. дня изъ этой квартиры вышелъ молодой человѣкъ въ пальто стального цвѣта, небольшого роста, и обратилъ на себя вниманіе филеровъ своею конспиративностью. Они взяли его подъ наблюденіе и провели въ квартиру доктора Щеглова. Около 6 ч. вечера, 12 числа, завѣдующій особымъ отдѣломъ Департамента Г. Ратаевъ сообщилъ мнѣ, что вечеромъ того же дня въ квартиру по Виленскому переулку около 10 ч. ожидается пріѣхавшій въ С.-Петербургъ еще какой-то нелегальный, который будетъ имѣть свиданіе здѣсь съ Копельзономъ.

Вечеромъ наблюденіе указало дѣйствительный при-

ходъ въ эту квартиру того самаго молодого челоуѣка, котораго утромъ филеры проводили къ Щеглову. Въ 11 ч. 35 м. вечера сюда пришелъ Копельзонъ, какъ признали его филеры по наружнымъ примѣтамъ, и оставался здѣсь до 12 съ пол. ч. ночи; затѣмъ вышелъ и отправился за московскую заставу, оттуда, не заходя ни въ какой домъ, вернулся обратно и пошелъ въ Александро-Невскую лавру. Пробывъ незначительное время за оградой, обогнулъ лавру, перелѣзъ черезъ заборъ и огородами направился къ Черниговской улицѣ, гдѣ сѣлъ на извозчика и скрылся.

Для дальнѣйшихъ его розысковъ мною направлены въ г. Псковъ и уѣхали съ 12-ти часовымъ поѣздомъ два видѣвшихъ его филера. Другіе филеры, тоже его видѣвшие, оберегаютъ Варшавскій вокзалъ.

Въ виду такой конспиративности Копельзона, мною отдано распоряженіе арестовать его тотчасъ послѣ свиданія съ Ульяновымъ и Цедербаумомъ.

Полковникъ Пирамидовъ».

Вмѣсто ожидаемаго Департаментомъ Полиціи Копельзона къ Владиміру Ильичу прибылъ изъ Полтавы Юлій Цедербаумъ, о чемъ Петербургское охранное отдѣленіе доводитъ до свѣдѣнія Департамента Полиціи въ своей запискѣ 20 мая 1900 г. за № 192:

«Дополнительно къ представленію моему отъ 19 мая за № 191, имѣю честь донести вашему превосходительству, что Юлій Цедербаумъ прибылъ въ г. Псковъ, посѣтилъ Владиміра Ульянова и вмѣстѣ отправились на Зарѣчную сторону къ извѣстному филерамъ знакомому Ульянова подъ кличкой «Лѣсной».

Дальше охранка сообщаетъ:

«Въ тотъ же день (20 мая) вечеромъ, съ поѣздомъ № 18, Ульяновъ и Цедербаумъ чрезвычайно конспиративно поѣхали въ С.-Петербургъ. На станціи Александровская въ 7 ч. 26 мин. утра сего 20 мая они вышли и путались по аллеямъ Царскаго Села, скрывались отъ наблюденія, до 9 часовъ утра, когда по Царскосельской дорогѣ пріѣхали въ С.-Петербургъ, здѣсь они оставили имѣвшуюся съ ними небольшую корзиночку въ зданіи, гдѣ помѣщается статистическій кабинетъ народной пере-

писи (Казачій переулокъ), а сами разошлись порознь и наблюдаются моими филерами.

Сообщая о вышеизложенномъ, испрашиваю указанія Вашего Превосходительства, подлежатъ ли Цедербаумъ и Ульяновъ немедленному задержанію, какъ неимѣющие право проживать въ столицѣ, или же продолжать за ними наблюдение?»

Филеры, слѣдуя по пятамъ за пріѣхавшимъ въ Петербургъ Владиміромъ Ильичемъ и Юліемъ Цедербаумомъ, собрали о нихъ новыя данныя, и охранка еще сообщаетъ слѣдующее въ своей запискѣ отъ 22 мая 1900 г. за № 194:

«Дополнительно къ представленію моему отъ 20 сего мая за № 192, имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что прибывшіе 20 сего мая самовольно въ С.-Петербургъ, не имѣющие права жительства здѣсь, Юлій Цедербаумъ и Владиміръ Ульяновъ наблюдались въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Они остановились по Большому Казачьему переулку въ домѣ Геймана, кв.6, гдѣ проживаетъ электротехникъ при народной переписи Николай Леонтьевичъ М а л ь ч е н к о съ матерью Екатериной Васильевной и въ теченіе дня посѣтили: 1) Ульяновъ—редакцію «Сѣвернаго Курьера» и фельдшерницу Варвару Феодоровну Кожевникову, проживающую при клиникѣ Виллье, и 2) Цедербаумъ — посѣтилъ своихъ родителей, а въ дальнѣйшемъ наблюдении былъ утерянъ.

21 мая, утромъ, Ульяновъ былъ задержанъ на улицѣ, по выходѣ изъ квартиры Мальченко, гдѣ ночевалъ, а во время обыска въ квартирѣ послѣднихъ туда пришелъ Юлій Цедербаумъ и тоже былъ задержанъ. Ничего компрометирующаго у нихъ не обнаружено. У Ульянова оказалось денегъ 1400 рублей, а у Цедербаума — 500 руб. Первый отказался указать свое мѣстожительство въ С.-Петербургѣ и объяснилъ пріѣздъ свой желаніемъ повидаться съ редакторами нѣкоторыхъ мѣстныхъ изданій, воспользовавшись проѣздомъ черезъ С.-Петербургъ — въ Подольскъ, куда ѣхать онъ имѣетъ разрѣшеніе Вашего Превосходительства. Конспиративность своего пребывания въ С.-Петербургѣ онъ объясняетъ сознаніемъ незаконности пріѣзда сюда. Цедербаумъ объясняетъ свой пріѣздъ намѣреніемъ ѣхать на дачу въ Теріюки, но такъ какъ оказалось, что его родные еще не переехали на да-

чу, то онъ полагалъ возвратиться временно въ Полтаву или выждать переѣзда гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ С.-Петербурга.

Оба они содержатся при охранномъ отдѣленіи въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія Вашего Превосходительства.

Полковникъ Пирамидовъ».

Что касается подробностей ареста Владиміра Ильича въ Петербургѣ въ Казачьемъ переулкѣ, то, какъ сообщилъ намъ братъ покойнаго тов. Ленина — Дмитрій Ильичъ, дѣло было такъ:

На улицѣ два дюжихъ охранника крѣпко схватили будущаго вождя мірового пролетаріата, одинъ за правую руку у самаго плеча, другой — за лѣвую, и арестованный былъ зажатъ словно клещами. На допросѣ въ охранкѣ, между прочимъ, завѣдующій охраннымъ отдѣленіемъ полковникъ Пирамидовъ, слегка подтрунивая, сказалъ: «Какъ вы были неконспиративны! Развѣ можно было высаживаться въ Царскомъ Селѣ. Вѣдь его-то мы охраняемъ не въ примѣръ другимъ городамъ».

Разбираясь въ показаніяхъ Владиміра Ильича, прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что онъ старается всѣми правдами и неправдами доказать, что, деньги, найденныя у него зашитыми въ боковомъ карманѣ, — 1400 рублей принадлежатъ ему, ибо онъ, якобы, въ среднемъ, литературнымъ трудомъ зарабатываетъ около 1500 руб. въ годъ. Это, конечно, было не совсѣмъ такъ — регулярнаго заработка у него не было, эту сумму онъ, вѣрнѣе, получилъ отъ Николая Лопатина, но говорить такъ было необходимо, ибо, если бы ему не удалось болѣе или менѣе правдоподобно доказать ихъ происхожденіе — они могли быть конфискованы, какъ предназначенныя на нелегальныя революціонныя цѣли.

.

Зачѣмъ же понадобилось Владиміру Ильичу ѣхать въ Петербургъ, рискуя быть арестованнымъ, какъ неимѣющій права жительства въ столицахъ, и при томъ накупивъ отъѣзда за границу? Предполагаемая конференція хотя и состоялось, но была малочислена, почему для заязыванія связей нужно было повидаться кое съ кѣмъ въ Петербургѣ. Нѣкоторые данныя въ томъ же

дѣлѣ указываютъ, что это такъ и было. Петербургское охранное отдѣленіе отъ 24 мая сообщаетъ въ запискѣ за № 198:

«Дополнительно къ донесенію моему отъ 22 сего мая за № 194 имѣю честь представить при семъ Вашему Превосходительству копіи наказаній задержать за недозволенный приѣздъ въ С.-Петербургъ Ульянова и Цедербаума.

Оба они тщательно скрываютъ свой совмѣстный приѣздъ въ С.-Петербургъ, а равно и посѣщеніе ими квартиры Варвары Кожевниковой.

.....
Что касается до денегъ, обнаруженныхъ у Ульянова и Цедербаума, то данныя ими объясненія представляются вѣроятными и, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, нельзя добыть основательныхъ данныхъ, чтобы доказать ихъ нелегальное назначеніе.

Въ виду того обстоятельства, что къ Ульянову и Цедербауму въ настоящее время можетъ быть предъявлено только обвиненіе въ самовольномъ приѣздѣ въ столицу, полагалъ бы ограничиться произведенными опросами и отправить съ провожатыми надзирателями: *Цедербаума* — въ Полтаву, а *Ульянова* — въ Подольскъ.

Полковникъ Пирамидовъ».

Наконецъ, послѣднее сообщеніе Петербургскаго охраннаго отдѣленія (записка № 207 отъ 7 іюня 1900 г.) гласитъ:

«Дополнительно къ представленію отъ 30-го минувшаго мая за № 20 имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, что временно содержащіеся при завѣдываемомъ мною отдѣленіи Владиміръ Ульяновъ и Юлій Цедербаумъ, согласно распоряженію Вашего Превосходительства, 31-го того же мая, въ сопровожденіи конвоировъ, въ статскомъ платьѣ, отправлены изъ Петербурга въ избранныя мѣста жительства: Ульяновъ въ гор. Подольскъ, Московской губ., а Цедербаумъ — въ г. Полтаву.

Отобранныя у нихъ при задержаніи денежные суммы возвращены по принадлежности.

Полковникъ Мочаловъ».

Всего 10 дней провелъ Владиміръ Ильичъ подъ арестомъ въ Петербургѣ при охранномъ отдѣленіи. По прибытіи въ Подольскъ (здѣсь въ это время жили его родные) конвоиръ доставилъ порученнаго его вниманію освобожденнаго узника прямо къ исправнику. («Красная лѣтопись» № 10).

Воспоминанія о работѣ въ ВЧК. въ первый годъ революціи.

Петерсъ — латышскій рабочий. Лѣтъ двадцать тому назадъ его имя прогремѣло въ англійской прессѣ, какъ участника одной уголовной экспроприаціи.

Въ Россіи онъ былъ однимъ изъ самыхъ кровавыхъ чекистовъ. Его статья написана языкомъ Ленина и Дзержинскаго.

Работы ВЧК въ 1917—1918 г. г. можно разбить на слѣдующіе моменты: 1-й — организаціонный, періодъ созданія ВЧК и первыхъ шаговъ по борьбѣ съ врагами, 2-й — раскрытіе перваго крупнаго заговора противъ Совѣтской власти (так. наз. «Союза защиты Родины и Свободы»), 3-й — возстанія лѣвыхъ эс-эровъ, 4-й — дѣла Локарта и 5-й — покушеніе на Владиміра Ильича.

1. Организаціонный періодъ.

ВЧК была создана слѣдующимъ постановленіемъ Совнаркома отъ 20 декабря 1917 г.: «Назвать комиссію Всероссійской Чрезвычайной Комиссіей при СНК по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и утвердить ее». Задачи комиссіи: 1) преслѣдовать и ликвидировать всѣ контръ-революціонныя и саботажническія попытки и дѣйствія по всей Россіи, съ чьей бы стороны онѣ ни исходили, 2) предавать суду Революціоннаго Трибунала всѣхъ саботажниковъ и контръ-революціонеровъ, выработать мѣры борьбы съ ними, 3) вести только предварительное разслѣдованіе, поскольку это нужно для преслѣ-

ченія. Комиссія раздѣляется на отдѣлы: 1-й Информационный, 2-й Организационный — для организаціи борьбы съ контрѣ-революціей по всей Россіи и 3-й отдѣлъ — Отдѣлъ борьбы. Комиссія обращаетъ вниманіе на печать, саботажъ эс-эровъ, саботажниковъ и стачечниковъ. Мѣры — конфискація, лишеніе карточекъ, опубликованіе списковъ враговъ народа и такъ далѣе.

Для проведенія въ жизнь этого короткаго, но много значащаго декрета была назначена коллегія въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель Держинскій, члены — Петерсъ, Ксенофоновъ, Аверинъ, Серго, Петерсонъ Карлъ Андреевичъ, Евсѣевъ, Трифоновъ. Но въ этомъ составѣ комиссія собралась только одинъ разъ. На слѣдующій день всѣ товарищи, кромѣ Держинскаго, Петерса, Ксенофопова и Евсѣева, получили новыя назначенія, и вмѣсто нихъ были назначены въ коллегію товарищи Фоминъ, Щукинъ, Ильинъ и Черновъ. Въ такомъ составѣ коллегія начала организовывать борьбу съ контрѣ-революціей. До образованія ВЧК борьбу съ контрѣ-революціей велъ питерскій Военно-Революціонный Комитетъ, который былъ созданъ питерскими рабочими еще при Керенскомъ, но во время Октябрьской революціи былъ пополненъ 13-ю членами ВЦИК и превратился во Всероссійскій Военно Революціонный Комитетъ. Когда же былъ образованъ нормальный аппаратъ пролетарской власти — Совнаркомъ и соотвѣтствующіе Наркоматы, тогда постановленіемъ ВЦИК была назначена Ликвидационная комиссія въ количествѣ 7 товарищей для ликвидаціи Военно-Революціоннаго Комитета. Эта комиссія должна была прекратить свое существованіе на другой же день послѣ изданія вышеупомянутаго декрета Совнаркома.

Положеніе ВЧК было не изъ легкихъ. Задачи передъ ней стояли колоссальныя. Правда, буржуазія еще не сорганизовалось. Широкихъ контрѣ-революціонныхъ заговоровъ еще не нащупывалось, потому что контрѣ-революція еще не была загнана въ подполье, она существовала открыто въ лицѣ «Комитета спасенія Родины и революціи», въ лицѣ буржуазной, эс-эровской меньшевицкой печати, въ лицѣ кадетскихъ эс-эровскихъ и меньшевицкихъ лидеровъ, которые вели открытую агитацію противъ Совѣтской власти. Но вся эта ненавидящая Совѣтскую власть группа, начиная отъ черносоч-

тенцевъ и кончая меньшевиками, жила въ ожиданіи, Силъ для активнаго выступленія противъ Совѣтской власти у нихъ не было, и они пошли по пути дезорганизациі всѣхъ мѣропріятій Совѣтской власти, подрыва ея авторитета и ожиданія, что эта власть падетъ сама собой. И съ этими дѣйствіями контръ-революціи ВЧК пришлось, главнымъ образомъ, бороться въ первые дни своего созданія.

Самымъ большимъ въ этотъ періодъ для Совѣтской власти была стачка интеллигенціи — саботажъ, который охватилъ не только Питеръ, но и всю страну. Бороться съ этимъ явленіемъ было чрезвычайно трудно. Интеллигенція получила большія суммы на поддержку саботажа и отъ собственной буржуазіи, и отъ иностранныхъ миссій. На обыскахъ у лицъ, организующихъ саботажъ, были найдены подлинныя листы, на которыхъ были десятки тысячъ пожертвованій со стороны отдѣльныхъ буржуевъ въ пользу саботировавшей интеллигенціи. Уловить лицъ, стоявшихъ во главѣ и организовавшихъ саботажъ, было чрезвычайно трудно, однако, ВЧК продѣлала немалую работу для того, чтобы дезорганизовать саботажниковъ и заставить ихъ пойти на уступки пролетаріату.

Слѣдующая опасность, которая въ первый моментъ организациі ВЧК чрезвычайно сильно дезорганизовала Совѣтскую власть, подрывала ея авторитетъ, это — пьяныя погромы. Для борьбы съ пьяными погромами еще при Военно-Революціонномъ Комитетѣ была образована специальная комиссія во главѣ съ тов. Бончъ-Бруевичемъ. И мнѣ приходилось принимать участіе въ борьбѣ съ пьяными погромами. Помнится, какъ пьяныя погромы использовались бѣлогвардейцами въ своихъ цѣляхъ для того, чтобы дезорганизовать силы пролетарской власти. На мѣстѣ, гдѣ происходили погромы, собирались колоссальныя толпы народа: вездѣ шныряли бѣлогвардейскіе типы, которые шептали массамъ: «вотъ большевики призывали къ равенству, говорили, что послѣ революціи все будетъ народное, а вась сейчасъ разгоняють, не дають вамъ и пить вино, они берегутъ это для себя».

Пьяные погромы доходили до такихъ размѣровъ, что стоило не мало трудовъ справиться съ ними.

Потомъ не мало вреда приносилъ Совѣтской власти бандитизмъ, который очень часто совершался подъ флагомъ анархизма. Въ Питерѣ бандитизмъ былъ чрезвычайно распространенъ послѣ Октябрьской революціи и доходилъ до того, что опасно было вечеромъ выйти на улицу. Тысячи и десятки тысячъ солдатъ съ фронта, пріѣхавшіе въ Питеръ, очутились въ безвыходномъ положеніи, всѣхъ накормить Совѣтская власть была не въ состояніи, и пошли грабежи. Начали съ буржуевъ, а потомъ грабили, кого попало. Въ Москвѣ положеніе съ бандитизмомъ было еще серьезнѣе. Я помню, по пріѣздѣ ВЧКъ въ Москву здѣсь существовали двѣ власти: съ одной стороны — Московскій Совѣтъ, а съ другой — Штабъ черной гвардіи въ помѣщеніи быв. Купческаго Клуба на Дмитровкѣ. Этотъ Штабъ черной гвардіи дѣйствовалъ и распоряжался, какъ власть, устраивалъ на улицахъ облавы, отбиралъ оружіе и цѣнности, захватывалъ буржуазные особняки, забиралъ цѣнности, а буржуазное тряпье раздавалъ направо и налево населенію. Такимъ путемъ бандиты, сами пріобрѣтая цѣнности (серебро, золотыя вещи и др.), еще завоевали симпатію обывателя, который не могъ понять, чѣмъ большевицкое общенародное равенство отличается отъ «анархическаго» раздѣленія имущества. Приведу курьезный примѣръ: анархисты захватили въ большомъ количествѣ опиумъ и рѣшили этотъ опиумъ продавать и деньги пустить на изданіе анархической газеты «Черное Знамя». Опиумъ потомъ былъ отобранъ ВЧКъ.

По пріѣздѣ въ Москву, коллегія ВЧКъ обсудила этотъ вопросъ и рѣшила начать самую энергичную борьбу съ налетами и бандитизмомъ. Тѣмъ болѣе, что въ ВЧКъ имѣлись провѣренныя свѣдѣнія, что въ этихъ занятыхъ особнякахъ подъ видомъ анархистовъ живутъ бѣлогвардейскіе офицеры*), которые, выдавая себя за анархи-

*) Это подтверждается воспоминаніями Пѣшихонова во второмъ томѣ бѣлогвардейскихъ сборниковъ — «На чужой сторонѣ». Прим. «Пролетар. Революц.» 10.

стовъ, дурачать рядовыхъ солдатъ и организуютъ ихъ для использованія въ борьбѣ съ Совѣтской властью. Но наше предложеніе было принято московскими властями не особенно хорошо. Въ Москвѣ вообще тогда была мирная тенденція, и оружіе этому штабу анархистовъ выдавалъ Московскій-Военный Коммиссаріатъ. Потомъ, при слѣдствіи выяснилось, что они получали изъ Военнаго Коммиссаріата винтовки, бомбы и даже пулеметы. Эта нерѣшительность только ухудшила положеніе и давала возможность болѣзни распространиться шире. Дѣло прошлое, — сейчасъ можно объ этомъ и сказать, — москвичи вообще плохо приняли ВЧК. Этому способствовали еще два факта. Первый: сейчасъ же послѣ нашего пріѣзда изъ Питера, наши сотрудники вошли въ какую-то чайную пить чай (тамъ же оказалось продавали и сагаонъ), и пьяные хулиганы-бандиты напали на нашихъ сотрудниковъ и убили одного изъ нихъ. Бандиты были пойманы, и 7 изъ нихъ въ ту же ночь разстрѣляны. Второй: наши сотрудники пошли какъ-то въ циркъ, тамъ клоунъ Бимъ-Бомъ пробиралъ Совѣтскую власть. Сотрудники, не долго думая рѣшили его арестовать и арестовать на сценѣ. Съ этимъ рѣшеніемъ они двинулись къ Бимъ-Бому. Когда они подошли и объявили его арестованнымъ, публика сначала думала, что это такъ получается въ представленіи Бимъ-Бома. Самъ Бимъ-Бомъ въ недоумѣніи открылъ ротъ, но увидя, что дѣло серьезное, бросился бѣжать. Сотрудники открыли стрѣльбу. Поднялась паника, и ВЧК долго припоминали эти два факта.

Но уже 13 апрѣля почва для рѣшительной борьбы съ черной гвардіей была подготовлена до такой степени, что рѣшили приступить къ ея ликвидаціи. Были мобилизованы всѣ силы, назначенъ спеціальныи оперативный штабъ. Поставили на грузовикъ небольшое орудіе, и для начала борьбы намѣтили главные особняки черной гвардіи. Оказалось, что силы черной гвардіи были чрезвычайно преувеличены, т. е. они были преувеличены не въ смыслѣ количества, но въ отношеніи качества. Самый штабъ черной гвардіи на М. Дмитровкѣ оказалъ кое-какое сопротивленіе, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ маленькаго орудія анархисты бѣжали. Остальные особняки сдавались безъ выстрѣловъ или послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Словомъ, въ теченіе одной ночи

власть черной гвардіи въ Москвѣ была ликвидирована, около 400 человекъ арестовано. Коллегія ВЧК постановила въ теченіе 2-3 дней разобраться въ этихъ дѣлахъ, назначивъ для этого специальную тройку. Слѣдствіе по дѣлу «анархистовъ» показало, что дѣйствительно настоящихъ анархистовъ въ этой организаціи состояло нѣсколько человекъ, но громаднѣйшее большинство были люди, которые хотѣли жить безъ всякаго дѣла просто, при помощи налетовъ, не представляющихъ въ то время большой опасности, и дѣлать буржуазное добро. А часть изъ захваченныхъ оказались офицерами и бѣлогвардейскимъ элементомъ.

Контр-революціонныхъ организацій, какъ я уже говорилъ въ самомъ началѣ, какъ таковыхъ, въ то время не наблюдалось. Были отдѣльные вербовочные пункты, которые вербовали силы для Алексѣевской арміи и посылали ихъ на югъ. По линіи расправы въ этотъ періодъ въ ВЧК было масса курьезовъ. Достаточно вспомнить, что коллегія ВЧК не разстрѣляла Пуришкевича и извѣстнаго провокатора Шнеура, не говоря о другихъ болѣ мелкихъ фигурахъ. Не было еще того опыта, который приобрѣлся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ работы.

Чрезвычайно скверно обстояло дѣло съ организаціей аппарата. Это дѣло было въ тяжеломъ положеніи и во всѣхъ организовавшихся наркоматахъ, но тамъ, все-таки, несмотря на саботажъ интеллигенціи, кое-кто оставался, кое-кто давалъ кое-какую помощь наркомамъ, въ то время какъ въ ВЧК нужно было желѣзной метлой вымести все, что имѣло хоть малѣйшее отношеніе къ бывшей паркой охранкѣ или охранкѣ Керенскаго. Когда мы перешли изъ Смольнаго въ помещеніе быв. градоначальства на Гороховую 2, то весь аппаратъ ВЧК состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ; канцелярія находилась въ портфель Дзержинскаго, а вся касса, сперва 1000 руб., а потомъ 10.000 рубл., которые были получены для организаціи ВЧК, у меня, какъ казначея, въ ящикѣ стола. Съ организаціей аппарата, повторяю, обстояло чрезвычайно скверно. Только что совершилась революція, только что пролетаріатъ свергъ буржуазную власть. Специальные охранники, которые воевали съ пролетаріатомъ, дѣлали обыски, высылали въ Сибирь, гноили въ тюрьмахъ, посы-

лали на висѣлицы, — все оставалось свѣжимъ въ памяти у каждаго коммуниста. А тутъ организовалась новая власть — власть рабочихъ и крестьянъ, и снова обыски, аресты, расправы.

Многимъ не были ясны и разница между репрессіями въ прошломъ и настоящемъ и тяжести, стоящія передъ революціей. Многіе не понимали, что октябрьскіе дни не разрѣшили вопроса классовой борьбы, что это только начало, что врагъ не дремлетъ, что онъ притаился, набираясь силъ, и что борьба предстоитъ съ нимъ не на жизнь, а на смерть, поэтому нѣтъ времени для сентиментальныхъ мечтаній, надо добить врага. Не понимали, что положеніе чрезвычайно тяжелое — голодъ, страна раззорена, и что пролетаріатъ и трудящіеся въ цѣломъ не сразу поймутъ революцію до конца. Всѣ эти обстоятельства настраивали многихъ такъ сентиментально, что они неохотно шли въ органы ВЧК, неохотно хотѣли идти на обыски и аресты, вести слѣдствія, и нужна была полоса длительной борьбы и поражений, чтобы каждому революционеру стало ясно, что революція не дѣлается въ шелковыхъ перчаткахъ, что тамъ гдѣ есть война, — есть жертвы, что другого выхода нѣтъ. И уже лѣтомъ 1918 г., когда мнѣ приходилось въ Московскомъ совѣтѣ дѣлать докладъ о раскрытомъ эсъ-эровскомъ и меньшевицкомъ заговорѣ и передавать содержаніе матеріаловъ, найденныхъ на обыскѣ, меньшевики, которые тогда входили еще въ Московскій Совѣтъ, кричали на меня: «Охранникъ». Я заявилъ, что горжусь быть охранникомъ власти трудящихся. Меньшевики подняли невѣроятный вой, а рабочіе, какъ партійные, такъ и безпартійные, покрыли мое заявленіе громовыми аплодисментами. Пролетаріатъ понималъ роль органа охраны власти трудящихся.

Аппаратъ ВЧК росъ медленно, но въ него входили самые лучшіе, преданные дѣлу товарищи; правда, было много грязнаго элемента, который старался примазываться къ органамъ ВЧК (достаточно вспомнить о такихъ типахъ, какъ извѣстный Ржевскій), но ВЧК гнала ихъ, если они попадались, скрывая свое прошлое, расправлялась съ ними безпощадно. Когда ВЧК эвакуировалась въ Москву, то она имѣла около 120 сотрудниковъ.

2. Раскрытіе перваго крупнаго заговора противъ совѣтской власти.

Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая 1918 года ВЧК стало извѣстно, что въ Москвѣ существуетъ крупная контръ-революціонная организація, но напасть на слѣдъ этой организаціи было чрезвычайно трудно. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ дѣламъ нить скрывалась всегда въ иностранныхъ миссіяхъ, но совершенно случайно, въ серединѣ мая, ВЧК напала на слѣдъ этой организаціи. Пришла одна гражданка и заявила, что женихъ, ея сестры, передалъ по секрету сестрѣ, что на дняхъ въ Москвѣ готовится наступленіе и, что организована большая сила противъ совѣтской власти. Онъ предложилъ ея сестрѣ уѣхать въ деревню, пока не пройдетъ возстаніе, а потомъ вернуться въ Москву. Она указала также, что этотъ женихъ, фамилія котораго была Ивановъ, живетъ подъ видомъ больного въ Иверской больницѣ и, что въ этой же больницѣ находятся много офицеровъ подъ видомъ больныхъ. Я помню, что мы, получивъ эти свѣдѣнія и, не имѣя хорошаго аппарата развѣдчиковъ, придали этому сообщенію настолько серьезное значеніе, что я и тов. Лацисъ, отправились сами, вмѣстѣ съ нѣкоторыми развѣдчиками на развѣдку. Осмотрѣли Иверскую больницу и установили, что въ ней дѣйствительно находится много подозрительнаго элемента. Мы установили наблюденіе за Ивановымъ и выяснили, что этотъ Ивановъ естрѣчается съ очень подозрительными лицами, которые собираются въ Маломъ Левшинскомъ пер. и, что тамъ происходятъ частныя собранія.

Раскрыть организацію шире никакъ не удалось, поэтому рѣшили, что необходимо сдѣлать налетъ на квартиру, когда тамъ будетъ происходить засѣданіе; нагрузили два грузовика красноармейцами и поѣхали въ Левшинскій пер. Квартира была извѣстна. Мнѣ помнится, пока красноармейцы окружали домъ, я съ двумя товарищами, Заковскимъ (теперешнимъ предсѣдателемъ Одесскаго отдѣла ГПУ) и еще съ однимъ побѣжали на верхъ по лѣстницѣ въ квартиру. Мы знали условный стукъ, и какъ только намъ открыли дверь, мы ворвались черезъ переднюю въ главную комнату, гдѣ въ это время

засѣдало около 20 человекъ, главнымъ образомъ, бѣло-гвардейскіе офицеры. Собраніе было до того изумлено нашимъ появленіемъ, что не успѣло забрать бумаги, которыя лежали на столѣ; мы захватили всѣ бумаги. По разборѣ матеріаловъ оказалось, что мы имѣемъ дѣло съ серьезной организаціей, мы нашли рядъ схемъ, инструкцію для развѣдчиковъ, главные задачи организаціи, двѣ явки, визитную карточку, которая была перерѣзана какими-то зигзагами на двѣ части и, установили, что организація называется «Союзъ защиты Родины и Свободы». Но какую роль играли въ этой организаціи арестованнымъ лица установить было никакъ нельзя. Послѣ долгихъ допросовъ удалось установить, что эта организація построена по-военному, т. е. дѣлилась на полки, баталіоны, роты, взводы и т. д. и, что схемы, которыя найдены, есть схемы полковъ. Нужно было установить начальниковъ полковъ.

Наконецъ, удалось выяснить, что одинъ изъ арестованныхъ, по фамиліи Сидоровъ (настоящая его фамилія была Аваевъ, стоялъ во главѣ Елатомскаго возстанія), является командиромъ одного полка. Онъ постепенно сталъ сознаваться и указывать на другихъ, но его показанія открывали только одинъ полкъ, въ то время какъ полковъ было три или четыре и еще существовалъ Главный Штабъ, который оставался неизвѣстнымъ, такъ же какъ и лица, стоявшія во главѣ этого Штаба. Сидоровъ или Аваевъ заявилъ, что онъ со Штабомъ непосредственной связи не имѣлъ, но къ нему приходилъ нѣкій Арнольдъ, что этотъ Арнольдъ является связью между полками и между Главнымъ Штабомъ. Такъ же удалось установить имя Арнольдова — Пинкусъ и его адресъ.

Этотъ Арнольдъ оказался моимъ «старымъ знакомымъ». Еще по Рижскому фронту во время керенщины, онъ былъ ярымъ противникомъ совѣтской власти. Скрывать отъ меня свое контръ-революціонное настроеніе онъ не могъ, ибо я вспомнилъ фактъ, который меня столкнулъ съ нимъ на Рижскомъ фронтѣ. Это было во время керенщины, когда велась чрезвычайная острая борьба по вопросу о наступленіи. Я тогда работалъ какъ членъ и представитель ЦКъ Латышской эс.-д. партіи въ латышскихъ стрѣлковыхъ полкахъ. Эти полки были всецѣло большевицкими. Разъ, когда 2 стрѣлковымъ полкомъ

хотѣли смѣнить казацкія части и послали его на фронтъ, онъ не дошелъ даже до первой позиціи, отказался идти дальше и заявилъ, что казацкія части смѣнять не будетъ. Произошелъ конфликтъ съ офицерами. Стрѣлки остановились на опушкѣ лѣса, а офицеры — съ полверсты отъ нихъ въ оврагѣ, и такъ они стояли другъ противъ друга. Насъ вытребовали изъ Риги. Для улаживанія этого конфликта собралось специальное совѣщаніе, при тогдашнемъ рижскомъ губернаторѣ Предкальнѣ, и на этомъ совѣщаніи, какъ представители офицеровъ были Пинкусъ и Рубисъ. Оба они попались какъ разъ въ этой организаціи.

Повторяю, Пинкусъ не имѣлъ возможности скрыть отъ меня свои контръ-революціонныя убѣжденія. Сначала онъ вообще отказывался давать показанія, но съ перваго же разговора я видѣлъ, что Пинкусъ чрезвычайный трусъ, что арестъ и грозящее наказаніе его очень пугали. Поэтому, поговоривъ съ нимъ нѣсколько часовъ, я убѣдилъ его сознаться и рассказать все. Иначе наше положеніе было бы тяжелымъ. Нашимъ основнымъ затрудненіемъ была невозможность дойти до главнаго Штаба и узнать явку, въ какомъ она городѣ, ибо на явкѣ были только имя, отчество и фамилія, но въ какомъ городѣ это было — не было сказано. Потомъ пасъ чрезвычайн озадачила еще визитная карточка, которая какъ-то странно была перерѣзана зигзагами на половину. Мы не могли понять, что это значить. Пинкусъ и это расшифровалъ. Онъ указалъ, что Главный Штабъ находится въ Молочномъ пер., подъ видомъ какой-то лечебницы. Адресъ же явки былъ въ Казани и тамъ собралась большая часть организаціи. По поводу самой организаціи онъ далъ слѣдующее объясненіе: во главѣ организаціи стоятъ извѣстный Савинковъ и его Начальникъ Штаба полковникъ Пенхуровъ, что эта организація снабжается деньгами французами и англичанами и ставитъ задачей уничтоженіе Совѣтской власти и войну съ нѣмцами, что она тѣсно связана съ Чехо-словацкими баталіонами, которые на дняхъ должны выступить. Дальше онъ показалъ, что организація послѣднее время перебрасываетъ свои силы изъ Москвы въ Казань.

Казанскія явки были у насъ въ рукахъ, нужно было использовать ихъ такъ, чтобы войти въ Казанскую организацію. Это была трудная задача. Правда, нѣсколько дней или недѣль работы, по раскрытію упомянутой организаціи дали намъ колоссальный опытъ и раскрыли карты враговъ, тѣмъ не менѣе, подготовить людей, которые поѣхали бы въ Казань и сошли бы тамъ за своихъ бѣлогвардейскихъ офицеровъ было трудно. Мы намѣтили двухъ товарищей: тов. Заковского и еще одного, дали карточки имъ явки, при чемъ оказалось, что визитная карточка есть условный знакъ, что одна половина этой карточки посылалась лицу, къ которому должно было явиться лицо, посылаемое отъ организаціи а другую половину дали тому человѣку, который долженъ былъ туда ѣхать. Въ данное время мы имѣли въ рукахъ вторую половину карточки, имѣли адресъ и явку и, давъ все это тов. Заковскому, направили его въ Казань. Надо сказать, что тов. Заковского никакъ нельзя было сдѣлать похожимъ на бѣлаго офицера. Самъ онъ толстый, здоровый паренъ, рабочій развитой и, повторяю, не похожъ на бѣлаго офицера (такихъ у насъ не было), но несмотря на это тов. Заковский исполнилъ свою роль блестяще. Они съ товарищемъ пріѣхали въ Казань, явились къ лицу, адресъ котораго былъ указанъ на явкѣ, далъ карточку и пароль. Послѣ долгихъ мытарствъ ихъ направили въ Главный Штабъ казанской организаціи.

Тов. Заковский рассказываетъ, какъ они явились въ Штабъ: они вошли вдвоемъ въ комнату, гдѣ засѣдало около 20 человѣкъ, предъявили явки. Ихъ приняли очень любезно, предложили чай и булки, они попили чаю, но сѣли поближе къ дверямъ. Сначала ихъ видъ не вызвалъ подозрѣнія, къ нимъ отнеслись съ полнымъ довѣріемъ, но скоро начали шептаться, и наши товарищи почувствовали, что къ нимъ со стороны бѣлогвардейцевъ растетъ недовѣріе. Видя, что другого выхода нѣтъ, они выхватили маузеры, скомандовали руки вверхъ, и кое-какъ позвали милицію и арестовали организацію. Бѣлые упрекали ихъ, что вотъ молъ васъ приняли какъ гостей, кормили своимъ чаемъ, хлѣбомъ и булками, а вы оказались провокаторами.

Раскрывъ эту организацію тов. Заковский попалъ въ Казани на слѣдъ еще чисто монархицкой Алексѣевской

организации, во главѣ которой стоялъ генераль Поповъ. При раскрытіи этой организации было найдено около 500 винтовокъ и масса другого оружія.

Эти аресты можетъ быть спасли Казань отъ участи Ярославля. Дальнѣйшее раскрытіе организации Савинкова пошло очень быстро. Пинкусъ сталъ говорить все, что только зналъ. Сталъ водить нашихъ сотрудниковъ, указывалъ имъ участниковъ организации и, наконецъ, попросилъ, чтобы его освободили, и онъ найдетъ Савинкова. Его освободили, обязавъ ежедневно являться ко мнѣ на квартиру, и онъ регулярно являлся. Одно утро онъ мнѣ сообщилъ, что онъ встрѣтится съ Савинковымъ у Большого театра, и они пойдутъ вмѣстѣ на собраніе. Мы мобилизовали всѣ силы для того, чтобы, во-первыхъ, выслѣдить, гдѣ будетъ собраніе, а во-вторыхъ — чтобы взять собраніе. Но подошелъ назначенный часъ, Пинкусъ не явился, прошло часа два — Пинкусъ все не являлся, и съ тѣхъ поръ мы Пинкуса не видѣли. Только послѣ Ярославскаго возстанія намъ стало извѣстно, что онъ принималъ въ немъ участіе, а сейчасъ занимаетъ какую-то военную должность въ Латвіи. Эта первая контрреволюціонная организація дала для ВЧК очень много и въ смыслѣ опыта и смыслѣ борьбы съ контрреволюціей. Она дала все новыя и новыя нити и показала, что Главный Штабъ всѣхъ контрреволюціонныхъ силъ находится въ иностранныхъ миссіяхъ. Но въ это время начинаются въ ВЧК внутреннія осложненія — разногласія съ лѣвыми эсъ-эрами.

3. Лѣво-эсъ-эровское возстаніе.

Лѣво-эсъ-эровское возстаніе совершалось аппаратомъ ВЧК: сотрудникомъ ВЧК былъ убитъ графъ Мирбахъ, замѣстителемъ предсѣдателя ВЧК Александровичемъ былъ поддѣланъ документъ, отъ имени Дзержинскаго и отрядъ ВЧК выступилъ противъ совѣтской власти. Казалось бы, что это возстаніе должно было наложить чрезвычайно некрасивый оттѣнокъ на исторію ВЧК, исторію органа, который доказалъ такую стойкость, выдержанность и рѣшительность въ борьбѣ съ врагами пролетарской власти, но на самомъ дѣлѣ этого нельзя отнести къ вингѣ.

ВЧК, а нужно отнести къ политикѣ совѣтской власти вообще. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, когда, послѣ Брестскаго мира, лѣвые эсѣ-эры уходили изъ всѣхъ наркоматовъ и остались исключительно въ ВЧК, то совѣтская власть на это согласилась и допустила, что въ моментъ возстанія половина коллегіи ВЧК была изъ лѣвыхъ эсѣ-эровъ — развѣ это вина только ВЧК. Хотя, можетъ быть, сейчасъ, при теперешнемъ опытѣ и прозорливости ГПУ давно раскрыло бы ту фальшивую роль лѣвыхъ эсѣ-эровъ, которую они играли послѣ Брестскаго мира, съ одной стороны заявляя, что они уходятъ изъ правительства и идутъ въ народъ, чтобы возстановить крестьянскія массы противъ Брестскаго мира, а съ другой стороны — остались въ ВЧК и старались завоевать при помощи ряда «истерикъ» руководящіе посты. Александровичъ, какъ зампредъ ВЧК, руководилъ всей практической работой ВЧК, подъ его непосредственнымъ руководствомъ находился отрядъ, онъ его формировалъ, онъ его снабжалъ.

Разногласія съ лѣвыми эсѣ-эрами углубились у насъ какъ разъ по вопросу о расправѣ съ бѣлыми офицерами изъ «Союза защиты Родины и Свободы». Въ то время какъ наши требовали, чтобы съ этими офицерами, которые, состоя на службѣ у Совѣтской власти, были вооружены оружіемъ пролетарской власти и получая отъ нея паекъ, расправились какъ съ измѣнниками, отношеніе лѣвыхъ эсѣ-эровъ къ нимъ было совершенно не понятно. Можетъ быть оно понятно сейчасъ, послѣ объясненія Савинкова, что лѣвые эсѣ-эры тоже получали деньги отъ французовъ, что при составленіи плана объ Ярославскомъ возстаніи, со стороны генерала Лаверня, въ этотъ планъ возстанія не была включена Москва. Можетъ быть, тогда уже французы намѣтили, что въ общемъ планъ возстанія въ Москвѣ падеть на долю лѣвыхъ эсѣ-эровъ. Но какъ бы то ни было, и отношеніе эсѣ-эровъ къ арестованнымъ бѣлогвардейцамъ было не какъ къ явнымъ врагамъ. Мнѣ помнится, что когда разбирали ихъ дѣла, то мы никакъ не могли съ эсѣ-эрами договориться, рѣшали и перерѣшали вопросы, и возникали серьезные разногласія. Мнѣ помнится серьезный фактъ, которому въ то время не придали того значенія, какое слѣдовало бы. Это бѣгство отряда ВЧК съ восточнаго фронта. Послѣ выступленія чехословаковъ, когда противъ нихъ посы-

лались всѣ лучшія силы, туда направился и отрядъ ВЧК, во главѣ съ Поповымъ. Но, послѣ небольшого боя, этотъ отрядъ очутился въ Москвѣ. Дѣло объ этомъ бѣгствѣ разбиралось въ Коллегіи, и я помню, какъ Поповъ плакалъ, доказывалъ, что съ ними, какъ съ чекистами, скверно обращались, съ ними не считались, и оправдывалъ себя. Только сейчасъ становится понятнымъ это нежеланіе бороться съ чехословаками и желаніе, во что бы то ни стало, находиться въ Москвѣ во время V съѣзда Совѣтовъ, когда долженъ былъ рѣшиться вопросъ: съ кѣмъ большинство трудового населенія — съ большевиками и Брестскимъ миромъ, или съ лѣвыми эсэрами противъ Брестскаго мира и за новую войну. Коллегія, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, оставила отрядъ въ Москвѣ.

Какъ произошло само возстаніе. 6 іюля я, ничего не зная, ни о покушеніи на Мирбаха, ни о томъ, что творится въ отрядѣ ВЧК, направился въ большой театръ, гдѣ происходило засѣданіе пятаго съѣзда Совѣтовъ. На этомъ засѣданіи я встрѣтилъ Александровича, мы вошли въ буфетъ, выпили лимонаду, и онъ сталъ меня уговаривать поѣхать съ нимъ сейчасъ же въ отрядъ. Онъ говорилъ, что тамъ есть что-то интересное, и необходимо туда сейчасъ же поѣхать. Я категорически отказывался, повторяя, не зная совершенно, что происходитъ въ отрядѣ и не зная объ убійствѣ Мирбаха. Когда, послѣ этого я вышелъ на сцену, мнѣ передали, что Троцкій ищетъ по телефону меня или Ладиса. Когда я подошелъ къ телефону, мнѣ передали, что арестованъ Дзержинскій, что отрядъ ВЧК возсталъ противъ Совѣтской власти, и что Блюмкинымъ, по постановленію ЦК лѣвыхъ эсэровъ, убитъ Мирбахъ.

Тутъ же, взявъ инициативу на себя, я пригласилъ всѣхъ коммунистовъ, членовъ коллегіи ВЧК, немедленно войти въ ВЧК и устроить совѣщаніе фракціи коллегіи ВЧК. Мы всѣ: я, тов. Ладисъ, Фоминъ, Урицкій, Поликарповъ и еще кто-то, кажется, Черновъ, направились въ ВЧК. Придя въ комнату призидіума, я сейчасъ же позвонилъ въ штабъ нашихъ войскъ и просилъ позвать къ телефону тов. Дзержинскаго. Сперва отвѣтилъ кто-то изъ сотрудниковъ, а потомъ къ телефону подошелъ Але-

Александровичъ, съ которымъ я нѣсколько минутъ тому назадъ говорилъ въ Большомъ театрѣ. Я ему предложилъ немедленно позвать къ телефону Дзержинскаго, онъ заявилъ, что Дзержинскій на засѣданіи и подойти къ телефону не можетъ. Тогда я ему заявилъ, что онъ вретъ, что Дзержинскій не въ засѣданіи, и чтобы онъ ему передалъ немедленно, что коллегія хочетъ съ нимъ разговаривать. Александровичъ заявилъ, что Дзержинскій арестованъ, что онъ его къ телефону не пуститъ. Я тогда заявилъ Александровичу, что онъ ставитъ себя внѣ закона, что мы примемъ мѣры, и положилъ трубку.

Мы начали обсуждать, что дѣлать. Положеніе было чрезвычайно трудное: весь караулъ, который находился въ ВЧК, былъ изъ лѣвыхъ эсъ-эровъ и финновъ изъ отряда Попова, которые ничего не понимали по-русски и шли всецѣло за своими командирами — лѣвыми эсъ-эрами. Тутъ какъ разъ позвонилъ Троцкій или Владиміръ Ильичъ — не помню — и сказалъ чтобы Лацисъ остался въ ВЧК, а я вмѣстѣ съ другими пошелъ въ Большой театръ и арестовалъ фракцію лѣвыхъ эсъ-эровъ. Мы пошли въ театръ, но только что явились туда, мнѣ позвонилъ секретарь ВЧК, тов. Левитанъ, что какъ только мы ушли изъ ВЧК, пришелъ отрядъ Попова, арестовалъ Лациса и увезъ его съ собою. Мы стали совѣщаться съ Аванасовымъ, Зиновьевымъ и др., какъ провести арестъ фракціи лѣвыхъ эсъ-эровъ. Дѣло тоже было не изъ легкихъ, потому что Большой театръ былъ переполненъ народомъ, въ немъ въ ожиданіи засѣданій находились и большевицкая фракція, и безпартійные, и гости. Наконецъ, мы рѣшили пойти на хитрость. Кто-то изъ насъ вышелъ на сцену, объявилъ, что собирается фракція большевиковъ, и чтобы всѣ большевики выходили изъ театра. При выходахъ же мы установили провѣрку документовъ и выпускали сначала только коммунистовъ. Но, понятно, очень скоро эта хитрость была обнаружена эсъ-эрами и др., но они ничѣмъ на это не реагировали. Съ выходомъ коммунистовъ театръ значительно опустѣлъ. Потомъ стали выпускать по рекомендаціямъ, по документамъ. Въ концѣ концовъ, въ театрѣ остались лѣвые эсъ-эры, интернаціоналисты и безпартійные. Помню, что нѣкоторые изъ нихъ очень волновались, задавали вопросъ: что это значитъ, такъ какъ положеніе имъ было неизвѣстно.

Помню, какъ тов. Камаровъ прочелъ, не то пытался читать, лекцію о второмъ интернаціоналѣ.

Въ это время мнѣ передали, чтобы я явился въ ВЧК. Не помню, кому пришла въ голову эта мысль, мнѣ самому или, вѣрнѣе, она принадлежала покойному Я. М. Свердлову, чтобы выманить отрядъ Попова изъ зданія ВЧК, я позвонилъ Левитану. Предложилъ ему нагрузить два грузовика красноармейцами изъ караула Попова и отправить его въ Сокольничій паркъ, чтобы тамъ они искали зарытое оружіе. Это было сдѣлано. Послѣ этого я передалъ Левитану, чтобы онъ сообщилъ по телефону въ общешитіе сотрудниковъ ВЧК, чтобы они немедленно, по одиночкѣ являлись въ помѣщеніе ВЧК, и чтобы имъ тутъ же выдавали оружіе.

Когда я явился въ ВЧК, всѣ коридоры были наполнены сотрудниками, вооруженными винтовками, и мы приступили къ разоруженію караула человекъ въ 20 — 30, которые остались еще въ ВЧК изъ отряда финновъ. Въ то же время мы стали подготовляться къ сбору силъ. Положеніе въ Москвѣ было не изъ отрадныхъ. Войсковыхъ частей вообще было мало, все лучшее было брошено противъ чехо-словаковъ, ибо мы не ожидали удара въ спину со стороны лѣвыхъ эсъ-эровъ. Кромѣ того, тѣ небольшія силы, которыя остались въ московскомъ гарнизонѣ, почти всѣ находились въ лагеряхъ. Между тѣмъ наступила ночь. Лѣвые эсъ-эры стали распространять свои щупальцы дальше, стали захватывать машины съ ответственными работниками, оставлять ихъ у себя въ качествѣ заложниковъ. Кромѣ того, ночью захватили главный телефонъ и скоро были выбиты оттуда, успѣвъ все-таки разослать по всей странѣ извѣщеніе о лѣво-эсъ-эровскомъ возстаніи и о призывѣ присоединиться къ этому возстанію. Утромъ, къ Москвѣ были уже подтянуты военныя силы. Мы собрали отдѣльныя части, которыя находились внѣ отряда Попова — отряда Полякова, свеаборжцевъ, сотрудниковъ, и началось наступленіе на Чистые пруды, гдѣ сконцентрировались силы лѣвыхъ эсъ-эровъ. Видя безнадежность своего положенія, эсъ-эры стали стрѣлять изъ орудія по Кремлю, по зданію Совнаркома, но скоро это было прекращено наступающими нашими силами. Мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ.

по самому штабу эсь-эры были выгнаны и стали отступать, сперва организованно, потомъ какъ попало.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, былъ захваченъ Александровичъ не то на Курскомъ, не то на другомъ вокзалѣ, когда онъ пытался сѣсть на товарный поѣздъ и уѣхать изъ Москвы. Хотя Александровичъ сбрилъ волосы, усы и брови, все-таки наши развѣдчики моментально его узнали и привели въ ВЧК. Александровичъ былъ сильно взволнованъ. Я долго говорилъ съ нимъ наединѣ, и онъ не находилъ словъ для оправданія своего поведенія, что онъ, какъ замѣститель председателя ВЧК, обманулъ довѣріе тов. Дзержинскаго, пошелъ на заговоръ и организовалъ возстаніе. Его оправданія сводились къ тому, что онъ безпрекословно только подчинялся партійной дисциплинѣ: ЦК партіи лѣвыхъ эсь-эровъ постановилъ спровоцировать войну съ Германіей, убить Мирбаха, а онъ долженъ былъ провести это постановленіе въ жизнь, не имѣя права, какъ членъ партіи, не подчиняться этому постановленію. Я не знаю, какъ Александровичъ держалъ себя въ ЦК эсь-эровъ, когда обсуждался вопросъ объ возстаніи, но у меня создалось впечатлѣніе, что онъ говорилъ искренно, что онъ былъ образцовымъ по дисциплинѣ членомъ партіи эсь-эровъ, и что его ошибка была въ томъ, что онъ подчинился дисциплинѣ этой партіи тогда, когда она сдѣлала самый глупый, предательскій шагъ. Онъ плакалъ, долго плакалъ, и мнѣ стало тяжело, быть можетъ, потому, что онъ изъ всѣхъ лѣвыхъ эсь-эровъ оставилъ наилучшее впечатлѣніе. Я отъ него ушелъ. Такъ кончилось лѣво-эсь-эровское возстаніе. Остальные вожди удрали, и вмѣстѣ съ этимъ почти окончилась партія лѣвыхъ эсь-эровъ. Не нашлось у нихъ защитниковъ ни въ рабочемъ классѣ, ни въ крестьянствѣ, ни даже въ той части интеллигенціи, которая шла за ними. Послѣ этой явной авантюры, лѣво-эсь-эровская партія раздробилась по отдѣльнымъ группамъ, а потомъ распалась вообще.

Это возстаніе пошло на оздоровленіе ВЧК, какъ боевого органа. Въ виду того, что убійство Мирбаха было совершено съ подложными бумагами отъ имени Дзержинскаго, онъ офиціально былъ временно отстраненъ, какъ председатель ВЧК. Чтобы устранить изъ ВЧК лѣ-

выхъ эсъ-эровъ, Совнаркомъ постановилъ распустить коллегію ВЧК, назначить меня временно предсѣдателемъ, поручивъ сформировать коллегію въ теченіе 7 дней. Коллегія была составлена, но уже исключительно изъ коммунистовъ. Хотя Дзержинскій формально былъ устраненъ, какъ предсѣдатель ВЧК, фактически онъ оставался руководителемъ ВЧК, и коллегія была сформирована при его непосредственномъ участіи. Потомъ германская революція и крахъ монархіи въ Германіи ликвидировали Брестскій договоръ, а вмѣстѣ съ нимъ и обстоятельства по отношенію къ Германіи и дѣло Мирбаха.

4. Дѣло Локарта.

Дѣло Локарта совпадаетъ съ пятымъ моментомъ одновременно, т. е. раненіемъ Владиміра Ильича и убійствомъ тов. Урицкаго. Я еще, какъ сегодня, помню испуганное лицо Локарта, когда его привели въ ВЧК. При арестѣ Локартъ настолько испугался, что не предъявилъ даже дипломатическихъ документовъ. Навѣрное, бѣдный англійскій дипломатическій представитель думалъ, что его обвиняютъ въ убійствѣ Владиміра Ильича, и, вѣрно, его совѣсть въ этомъ была неспокойна, онъ чувствовалъ частицу участія въ покушеніи. Растерянность Локарта продолжалась во время моего съ нимъ разговора; не задавая ему прямого вопроса, кто онъ, не требуя отъ него документовъ, я успѣлъ задать ему рядъ вопросовъ по дѣлу и получить на нихъ отвѣтъ, послѣ чего онъ былъ освобожденъ.

Такъ началось дѣло Локарта. Я уже говорилъ раньше, что съ ликвидаціей «Союза защиты родины и свободы» ЧК стало извѣстно, что главный штабъ контръ-революціи находится въ иностранныхъ миссіяхъ. Это мнѣніе ВЧК подтвердилось дальше рядомъ фактовъ. Намъ стало извѣстно, что агенты иностранной миссіи особенно интересуются войсковыми частями, строятъ планы разложенія нашихъ частей и уменьшенія боеспособности силъ Совѣтской Россіи, не останавливаются передъ поджогами и взрывами складовъ оружія. Мнѣ помнится, что послѣ

грандіознаго пожара на одномъ изъ вокзаловъ, когда сгорѣла масса продовольственныхъ грузовъ, къ намъ стали поступать свѣдѣнія, что это — дѣло агентовъ французской миссіи.

И въ этотъ періодъ — въ срединѣ августа — появился сотрудникъ англійской миссіи, который ищетъ связи съ командирами латвійскихъ стрѣлковъ. Латышскіе стрѣлковые полки въ первый моментъ революціи были почти единственными частями старой арміи, которые въ началѣ революціи сохранились неразложившимися. Это объясняется рядомъ причинъ, а, по-моему, главнымъ образомъ, тѣмъ, что латышскимъ стрѣлковымъ полкамъ некуда было дѣваться (Латвія была занята нѣмцами), въ то время, какъ русскія части стремились домой, въ деревню. Но, какъ бы то ни было, эти войсковыя части представляли собой боеспособную силу, и этой силой серьезно заинтересовался Локартъ, заинтересовался для того, чтобы ихъ разложить. Послѣ совѣщанія съ тов. Дзержинскимъ и тов. Скрыпникомъ, который уже въ то время работалъ въ ВЧК, мы рѣшили, что я буду заниматься этимъ дѣломъ и направлять работу. Для этой цѣли мы связались съ тов. Берзинымъ, къ которому обращался агентъ Локартъ. Тов. Берзинъ стоялъ во главѣ не то артиллерійскаго дивизиона, не то батареи. Тов. Берзинъ связался съ самимъ Локартомъ. Локартъ назначилъ Берзину свиданіе 14 августа на частной квартирѣ Локарта, въ д. № 19 по Хлѣбному пер. Во время этого совѣщанія Локартъ освѣдомился у Берзина о настроеніи латышскихъ частей и о томъ, можно ли рассчитывать на нихъ при переворотѣ. Затѣмъ онъ указалъ, что надо работать въ такомъ направленіи, чтобы латышскіе стрѣлковые полки возстали противъ Совѣтской власти и низвергли ее. Локартъ неоднократно подтверждалъ, что за деньгами дѣло не станетъ. Въ числѣ мѣръ воздѣйствія на латышскіе стрѣлковые полки, съ цѣлью восстановленія ихъ противъ Совѣтской власти, Локартъ рекомендовалъ Берзину задержать выдачу продуктовъ, въ которыхъ въ то время была сильная нужда. При прощаніи Локартъ просилъ Берзина зайти къ нему на слѣдующій день вечеромъ для того, чтобы Локартъ могъ его познакомиться со своими французскими коллегами и агентами.

15 августа вечеромъ Берзинъ вновь явился къ Ло-

карту. Въ это посѣщаніе Локартъ познакомилъ Берзина съ французскимъ генераломъ-консуломъ въ Москвѣ Гренаромъ и своимъ агентомъ Константиномъ, впоследствии оказавшимся лейтенантомъ англійской службы Сиднеемъ Георгіевичемъ Рейли. Французскій консулъ обратился къ Берзину черезъ Локарта со слѣдующими словами: «Судя по вашему вчерашнему разговору съ господиномъ посломъ, васъ очень интересуесть судьба Латвіи послѣ войны и сверженія большевиковъ. Я директивъ отъ своего правительства не имѣю, но увѣренъ, что Латвія получитъ самоопредѣленіе за ваше содѣйствіе въ полномъ смыслѣ этого слова».

Въ вопросѣ о деньгахъ Гренаръ спросилъ, сколько надо для подкупа командировъ латышскихъ частей. Берзинъ отвѣтилъ, что денежный вопросъ его мало интересуесть, и что въ ближайшемъ будущемъ можетъ понадобиться 4—5 милліоновъ. Гренаръ и Локартъ приняли эту сумму безъ возраженій и тутъ же сообщили, что Рейли принесетъ Берзину скоро 2 милліона, недѣльки черезъ 2—3 будутъ выданы остальные, а если понадобится, они дадутъ еще. На этомъ свиданіе закончилось, и въ дальнѣйшемъ всѣ переговоры тов. Берзинъ велъ черезъ Рейли.

Потомъ Локартъ предложилъ Берзину найти своего человѣка, который долженъ былъ доставить въ Мурманъ врученный Локартомъ черезъ Рейли шифръ, напечатанный на бѣломъ каленкорѣ. вмѣстѣ съ шифромъ Рейли принесъ удостовѣреніе для своего человѣка, подписанное Локартомъ для поѣздки въ Мурманъ. Удовостѣреніе, подписанное отъ имени англійскаго посла №, было слѣдующаго содержанія:

Копія въ переводѣ.

«Британская миссія въ Москвѣ, 17 августа 1918 г.

Всѣмъ британскимъ военнымъ властямъ въ Россіи.

Предъявитель сего капитанъ латышскихъ стрѣлковъ Крышъ Кранколъ имѣетъ отвѣтственное порученіе въ Британскомъ Военномъ Штабѣ Россіи. Прошу дать ему свободный проѣздъ и помощь во всѣхъ отношеніяхъ.

Локартъ».

Съ этимъ удостовѣреніемъ «свой человѣкъ», котораго долженъ былъ найти Берзинъ, долженъ былъ поѣхать въ Мурманъ въ главную квартиру британскаго командованія съ зашифрованнымъ письмомъ отъ Локарта.

17 августа вечеромъ Берзинъ имѣлъ свиданіе съ Константиномъ, которое происходило въ кафе «Трамбле» на Цвѣтномъ бульварѣ. На этомъ свиданіи Константинъ (Рейли) посвятилъ Берзина въ разработанный, по его словамъ, французскимъ генераломъ планъ уничтоженія рабоче-крестьянской власти. Согласно этому плану, два латышскихъ полка должны были быть направлены въ Вологду, гдѣ они перейдутъ на сторону союзниковъ. Въ Москвѣ латышскія части должны арестовать Исполнительный Комитетъ вмѣстѣ съ председателемъ Совнаркома Ленинымъ и тов. Троцкимъ (въ то время латышскіе стрѣлки охраняли Кремль). Одновременно съ этимъ они должны были захватить Государственный Банкъ, Центральный телеграфъ и т. д. Послѣ этого созывались всѣ бывшіе офицеры, изъ которыхъ составлялся отрядъ для водворенія и поддержанія порядка въ Москвѣ, а равно для конвоированія и арестовъ большевиковъ. Потомъ Рейли сообщилъ Берзину подъ большимъ секретомъ, что союзники вошли въ контактъ съ патріархомъ Тихономъ, который обѣщалъ на другой день послѣ переворота во всѣхъ церквяхъ устроить богослуженіе, гдѣ духовенство будетъ объяснять народу назначеніе переворота и оправдывать дѣйствія союзниковъ и бѣлוגвардейцевъ. Въ концѣ разговора Рейли отъ имени Локарта предложилъ Берзину снять конспиративную квартиру и передалъ пакетъ, въ которомъ находились 700.000 руб.

Слѣдующее свиданіе Рейли съ Берзинымъ состоялось уже на конспиративной квартирѣ 19 августа въ домѣ № 4 по Грибоѣдовскому пер. Рейли далъ Берзину нѣсколько порученій чисто шпіонскаго характера. Ему поручили узнать, правильно ли, что около ст. Рогожской стоятъ 9 батарей пятидюймовыхъ орудій и 2 батареи восьмидюймовыхъ орудій англійской конструкціи; узнать, дѣйствительно ли на ст. Митьюково К. ж. д. находится нѣсколько вагоновъ золота и кредитныхъ билетовъ, охраняемыхъ 700 латышами; на случай переворота

принять мѣры, чтобы это золото не увезли; связаться съ Ленинградской (тогда еще Петроградской) колоніей латышей; найти латышей, которые взяли бы на себя составленіе, напечатаніе и распространеніе среди латышскихъ частей прокламацій.

21 августа Рейли снова пришелъ къ Берзину на конспиративную квартиру и сталъ спрашивать, какъ идетъ работа. Берзинъ отвѣтилъ, что работа идетъ успѣшно, что онъ видѣлъ командира II Латышскаго стрѣлковаго полка и передалъ ему 400.000 руб. для веденія агитаціи въ этомъ полку, и что на дняхъ пріѣзжаетъ командиръ 5 стрѣлковаго полка, которому онъ, Берзинъ, хочетъ передать крупную сумму денегъ. Рейли обѣщалъ прислать Берзину на слѣдующій день 400.000 руб. и сообщилъ ему, что англійскіе агенты берутъ средства у богатыхъ русскихъ людей взамѣнъ на чеки. Рейли принесъ Берзину изъ 400.000 только 200.000, обѣщавъ черезъ нѣсколько дней доставить еще 1.000.000 руб. 27 августа онъ принесъ 300.000 и настойчиво просилъ, чтобы Берзинъ направился въ Ленинградъ. Берзину былъ данъ Ленинградскій адресъ: Торговая ул. д. 10, 2-й подъездъ, кв. 10, спросить Елену Михайловну отъ господина Массино (подъ такой фамиліей его, Рейли, знаютъ).

Пріѣхавъ въ Ленинградъ, Берзинъ отправился по этому адресу. Елены Михайловны не оказалось дома, и Берзинъ былъ допущенъ въ квартиру. Въ тотъ же день Берзинъ встрѣтилъ въ Ленинградѣ Рейли и просилъ его, чтобы Рейли познакомилъ его съ Ленинградской организаціей. Но Рейли этого не сдѣлалъ. Одновременно съ этими поступившими отъ Берзина свѣдѣніями, ВЧК узнала, что у американскаго генеральнаго консула 25 августа состоялось совѣщаніе, на которомъ присутствовали французскій генераль-консулъ Гренаръ, представитель англійскаго посольства Локартъ, американскій генераль-консулъ и нѣсколько др. англійскихъ, французскихъ и американскихъ офицеровъ, и что на этомъ совѣщаніи обсуждался вопросъ о томъ, чтобы послѣ отъѣзда представителей Антанты изъ Россіи оставить трехъ агентовъ для руководства шпіонской контръ-революціонной организаціей. Далѣе ВЧК узнала, что на этомъ совѣщаніи

былъ представленъ планъ моста черезъ Волховъ, и что готовятся взорвать этотъ мостъ. На этомъ же совѣщаніи французскіе офицеры говорили о взрывѣ моста черезъ Званку.

Эти оба моста имѣли чрезвычайно серьезное значеніе, ибо взрывъ этихъ мостовъ, отрѣзавъ Ленинградъ отъ снабженія продовольствіемъ, обрекалъ бы его на голодную смерть или капитуляцію передъ союзниками. Но дѣло развѣдки еще далеко не было доведено до конца. Отъ агентовъ Локарта поступали все новыя свѣдѣнія. Предстояла еще работа по раскрытію шпионской огранизации, пустившей глубокіе корни какъ среди настроеннаго противъ совѣтской власти офицерства, такъ и среди совѣтскихъ служащихъ. Этой работѣ помѣшалъ бѣлый терроръ. 30 августа въ Ленинградѣ былъ убитъ тов. Урицкій, вечеромъ того же дня было покушеніе на Ленина. Въ Ленинградѣ начались широкіе массовые аресты, начался красный терроръ, во время котораго были арестованы бѣлогвардейцы изъ агентовъ Локарта. Нужно было приступить къ ликвидаціи этого заговора въ Москвѣ. Повторяю, предварительная работа по раскрытію этого заговора еще далеко не была доведена до конца. При продолженіи работъ въ начатомъ направленіи открылись бы все новыя и новыя данныя, пролетаріатъ увидѣлъ бы, какъ Локартъ, пользуясь правомъ экстерриториальности, организовывалъ поджоги, возстанія, готовилъ взрывы мостовъ, что обрекало бы на голодную смерть миллионное населеніе Ленинграда, бросалъ деньги направо и налево, чтобы дезорганизовать Совѣтское строительство, и не стѣснялся никакими средствами: ни подкупамъ, ни клеветой, ни интригами. Но послѣ ленинградскихъ событій, повторяю, необходимо было проинформировать немедленно аресты.

Прежде всего былъ произведенъ обыскъ по адресу Рейли (Шереметьевскій пер., 3, кв. 85), обнаруженному Берзинымъ въ квартирѣ Бозожевской въ Ленинградѣ. Въ этой квартирѣ были арестованы артистки Художественнаго театра Ошенъ и Марія Фриде, послѣдняя пришла въ засаду, и у нея находились сводки шпионскаго характера: донесенія о поѣздкахъ шпиона въ Тулу, Орелъ, Воронежъ и т. д.

Въ сводкахъ подробно было изложено расположеніе и настроеніе войсковыхъ частей, настроеніе населенія упомянутыхъ городовъ, движеніе грузовъ и т. д. Въ этихъ сводкахъ была масса клеветы. Напримѣръ, были свѣдѣнія, что германскія войска свободно прогуливаются въ формахъ и погонахъ въ вышеупомянутыхъ городахъ. Дальше, когда былъ произведенъ обыскъ на квартирѣ у Фриде, то какъ только появился комиссаръ ВЧК, мать Фриде выбѣжала съ какимъ-то сверткомъ въ уборную. Свертокъ этотъ у нея взяли, и въ немъ оказался матеріалъ явно шпіонскаго характера. Оказывается, что эти матеріалы принадлежали брату арестованной Фриде. Въ связи съ этими арестами и обысками была обнаружена масса матеріаловъ шпіонскаго характера, которые показали, что американскія, англійскія и французскія посольства развили въ Россіи широкую шпіонскую сѣть. Было арестовано около 30 человекъ, но, за исключеніемъ брата и сестры Фриде и еще нѣсколькихъ лицъ, противъ которыхъ были всѣ данныя, обвиняющія въ шпіонажѣ, противъ остальныхъ арестованныхъ прямыхъ уликъ не было. Трехъ главныхъ виновниковъ, которыхъ иностранныя посольства намѣтили оставить въ Россіи и руководить шпіонской работой послѣ своего отъѣзда за границу: Рейли, Вертомона и Кальматъяно — поймать не удалось. Такъ что нить оборвалась, главнымъ образомъ благодаря арестамъ, происходившимъ въ Ленинградѣ и не давшимъ возможность раскрыть организацію полностью. Но въ это время наши международныя взаимоотношенія осложнились: мы снова арестовали Локарта, ибо англичане арестовали тов. Литвинова и рядъ нашихъ товарищей за границей. Мы также собирались арестовать Пуля, Гренара и Лазерна и др. Но эти господа поспѣшили удрать въ Норвежское посольство, мы не могли перейти порога экстерриториальности Норвежскаго посольства и забрать засѣвшихъ тамъ заговорщиковъ. Однако, мы окружили посольство своими агентами и окружили его такъ, что въ теченіе недѣли или полуторы заговорщики-послы и другіе не могли выйти оттуда. Они сидѣли въ «бестѣ», а Наркоминдѣлъ велъ переговоры объ обмѣнѣ этихъ господъ на нашихъ товарищей коммунистовъ, которые находились въ то время въ тюрьмахъ союзниковъ. Какъ разъ въ то время въ Норвежское консульство соби-

рался пройти Сергѣй Николаевичъ Серпуховскій. Мы знали, что настоящая фамилія Серпуховскаго — Кальматьяно, что подъ фамиліей Серпуховскаго Кальматьяно уѣхалъ на восточный фронтъ для того, чтобы пробраться къ чехословакамъ, и что документы на это фальшивое имя ему выданы Фриде, который работалъ въ Главномъ Управленіи военныхъ сообщеній. У Кальматьяна ничего не нашли. Ни личный обыскъ, ни обыскъ въ его квартирѣ не дали абсолютно никакихъ матеріаловъ, которые помогли бы раскрыть заговоръ. Но помню, какъ-то поздно ночью мнѣ позвонилъ на квартиру нынѣ убитый эстонскимъ правительствомъ тов. Кингисеппъ и просилъ, чтобы я немедленно приѣхалъ въ ВЧК. Я засталъ тамъ тов. Кингисеппа и Кальматьяно въ бесѣдѣ. Тов. Кингисеппъ уговаривалъ Кальматьяно сознаться. Тотъ не хотѣлъ. Мы съ Кингисеппомъ обратили вниманіе на палку Кальматьяно (это была толстая палка), начали ее осматривать и, въ концѣ концовъ открыли эту палку и нашли ее въ серединѣ пустой и въ ней массу всякихъ записокъ, шифровокъ и расписокъ о полученіи денегъ.

Тутъ Кальматьяно увидѣлъ, что онъ провалился и провалился окончательно. Стоялъ только вопросъ, какія фамиліи скрываются подъ номерами, которые находились на распискахъ о полученіи денегъ. Такихъ номеровъ было до 30. Денегъ эти «номера» получали отъ 600 до 1.000 руб. Между прочимъ, 1.000 руб. получилъ одинъ лишь Фриде, который и являлся какъ бы организаторомъ этого дѣла; у него же находится фондъ въ 50.000 руб. Но Кальматьяно, въ концѣ концовъ, сталъ самъ расшифровывать эти фамиліи и оказалось, они почти всѣ сидѣли у насъ, за исключеніемъ немногихъ, которые находились въ другихъ городахъ, куда немедленно было дано распоряженіе объ ихъ арестѣ. Кромѣ этихъ расшифровокъ документовъ и фамилій шпионовъ, которые скрывались подъ номерами, понемногу Кальматьяно расшифровалъ также и условныя слова, служившія для передачи шпионскихъ телеграммъ, какъ напримѣръ, австрійскіе мадьяры — металлургическая промышленность, австрійскіе славяне — продовольственное положеніе, германцы — сахарная промышленность, германскія войска — сахарные заводы, нѣмецкія войска — количество пудовъ сахара, патоки, конфетъ, цѣна ихъ и т. д.

Найденные документы Кальматьяно и его показанія дали возможность арестовать еще массу лицъ новыхъ, раскрыть эту организацію почти полностью, предать ихъ суду Революціоннаго Трибунала, а также выяснить задачи этой организаціи. Изъ найденныхъ документовъ было ясно, что представители имперіалистическихъ государствъ дѣйствовали, какъ заговорщики-бандиты, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Изъ документовъ выяснилось, какъ иностранные представители организовали поджоги продовольственныхъ складовъ, порчу желѣзныхъ дорогъ — словомъ, все, чѣмъ только можно было вредить Совѣтской власти, было пущено въ ходъ. Съ одной стороны, наступленіе десантовъ иностранныхъ войскъ, съ другой — разложеніе, взрывы, поджоги и убійства должны были свергнуть совѣтскую власть. Эта работа была до того возмутительна, что ее не выдержалъ бывший редакторъ «Фигаро» — Ренэ Маршанъ, который написалъ длинное письмо на имя Пуанкаре и въ этомъ письмѣ указывалъ на всю предательскую работу представителей иностранныхъ миссій въ Россіи. Этотъ наивный человѣкъ думалъ, что Пуанкаре не знаетъ, что дѣлаютъ его представители въ Россіи, въ своей наивности онъ не понималъ того, что всѣ поджоги, взрывы, — все это дѣлается подъ непосредственнымъ руководствомъ Пуанкаре и Ллойдъ-Джорджа. Его письмо было найдено случайно при обыскѣ и было приобщено къ дѣлу, оно послужило чрезвычайно интереснымъ матеріаломъ для раскрытія всей подлости работы иностранныхъ бандитовъ въ Россіи.

Дѣло Локарта чрезвычайно интересно. О немъ имѣется богатѣйшій матеріалъ, но въ мою задачу не входитъ широкое описаніе заговора со всѣми документами. По каждому заговору надо написать отдѣльную книжку, ибо эти дѣла со всѣми документами являются для исторіи революціи чрезвычайно цѣнными. Я остановлюсь только на личности самого Локарта. Я уже говорилъ, что Локартъ послѣ своего перваго ареста былъ немедленно освобожденъ, но вмѣстѣ съ нимъ была арестована баронесса Генкендорфъ, его любовница. И вотъ, черезъ нѣсколько дней послѣ освобожденія Локарта онъ явился къ замѣстителю народнаго комиссара иностранныхъ дѣлъ тов.

Карахану и сообщилъ ему, что онъ хочетъ поговорить со мной не какъ съ официальнымъ лицомъ, а какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Я изъяснилъ согласіе, и Локартъ пріѣхалъ ко мнѣ въ ВЧК. Войдя ко мнѣ въ кабинетъ, онъ былъ очень смущенъ, потомъ сообщилъ, что находится съ баронессой Бенкендорфъ въ интимныхъ отношеніяхъ и просить ее освободить. Я объ этой исторіи не рассказывалъ на судѣ, ибо это для карьеры Локарта могло бы явиться чрезвычайнымъ опаснымъ фактомъ, — баронесса Бенкендорфъ, по заявленію другого арестованнаго и по документамъ, найденнымъ у каязя П., во время империалистической войны являлась нѣмецкой шпионкой. Я объ этой исторіи не написалъ бы и сейчасъ, если бы Локартъ, по пріѣздѣ въ Англію, не велъ самой бѣшенной кампаніи противъ Совѣтской Россіи и не наговорилъ бы столько лжи и столько клеветы о томъ, какъ его содержали и какъ съ нимъ обходились. Локартъ сидѣлъ въ Кремлѣ въ 3 комнатахъ съ хорошей обстановкой, кормили его очень хорошо. У меня сохранились его письма, гдѣ онъ съ благодарностью пишетъ о своемъ содержаніи, о томъ, что ему не на что жаловаться, въ то время, какъ наши товарищи, которые сидѣли въ англійскихъ тюрьмахъ (тов. Литвиновъ, Чичеринъ и др.) въ подобныхъ условіяхъ не сидѣли и не могли о нихъ мечтать. Баронесса Бенкендорфъ, по просьбѣ Локарта, была освобождена.

Дѣло Локарта особенно интересно сейчасъ, когда намъ предъявляютъ счета за «убытки», понесенные англійскими гражданами во время революціи.

5. Раненіе Владиміра Ильича и убійство тов. Урицкаго.

5-й моментъ совпалъ съ дѣломъ Локарта и, по правдѣ, повредилъ ликвидаціи дѣла Локарта: не будь убійства Урицкаго — не поѣхалъ бы тов. Дзержинскій въ Ленинградъ, не будь арестовъ въ Ленинградѣ — намъ удалось бы дѣло Локарта разобрать до конца и раскрыть его въ полномъ объемѣ. Но 30 августа утромъ тов. Ле-

нинъ позвонилъ по телефону въ президіумъ ВЧК, сообщилъ, что убить тов. Урицкій и предложилъ тов. Дзержинскому немедленно ѣхать въ Ленинградъ для принятія мѣръ противъ бѣлаго террора. Въ этотъ день Московскій Комитетъ организовалъ широкіе митинги по всей Москвѣ. Такіе митинги происходили въ 1918 году каждую недѣлю. Обыкновенно, при опубликованіи списка этихъ митинговъ, публиковали фамиліи товарищей, которые будутъ выступать. Фамиліи Ильича не опубликовывались, но Владиміръ Ильичъ почти всегда выступалъ въ эти дни то на одномъ, то на другомъ митингѣ, неся обязанность члена партіи, какъ любой отвѣтственный работникъ.

Мы знали, что на Владиміра Ильича готовится покушеніе. Эти свѣдѣнія попадали въ ВЧК и неоднократно подтверждались. Были приняты всѣ мѣры для охраны Владиміра Ильича, но его было чрезвычайно трудно охранять, во-первыхъ, потому, что онъ никакъ не допускалъ себя изолировать. Онъ не только ѣздилъ на фабрики и заводы на митинги, но въ 1918 году посѣщалъ товарищей на квартирѣ, въ совѣтскихъ домахъ. Хотя было ясно, что его караулятъ изъ за каждого угла, что ни Савинковъ, ни правые эсъ-эры, ни представители иностранныхъ державъ и никто изъ контръ-революціонныхъ бандитовъ его не пощадить, если только будетъ возможность его убить, тѣмъ не менѣе нельзя было добиться, чтобы онъ отнесся болѣе осторожно и болѣе внимательно къ своимъ выѣздамъ. Съ другой стороны, онъ никакъ не соглашался ѣздить съ охраной. Охрана его была составлена тов. Бѣлецкимъ изъ ВЧК. Сдѣлали все, чтобы его охранять, но онъ вѣчно удиралъ отъ этой охраны. Онъ умѣлъ выйти незамѣченнымъ, сѣсть и уѣхать.

Уже долго спустя послѣ того, какъ онъ былъ раненъ и выздоровѣлъ, зная, что его готовы убить, что врагъ оцѣнилъ его значеніе для революціи, онъ сѣлъ въ автомобиль, — не то съ Надеждой Константиновной, не то съ Марьей Ильиничной, — и поѣхалъ въ городъ безъ всякой охраны. Это было уже зимой въ 1918 г. И помню его звонокъ по телефону (я долго не могъ понять, кто звонитъ, ибо звонили по городскому телефону): онъ сообщилъ, что находится въ одномъ районномъ совѣтѣ, что его только что высадили бандиты изъ автомобиля, и про-

силъ, чтобы ему выслали машину. Бандитовъ потомъ поймали. Это были самые отъявленные бандиты во главѣ съ Кошельковымъ, давно уже извѣстные ЧК. Имъ предъявили прямой вопросъ: «Вы не узнали Ленина?» Они отвѣтили: «Да, мы не узнали, мы взяли его документы и вмѣсто «Ленинъ» прочли Ильинъ».

Почему Владиміръ Ильичъ рисковалъ? По-моему потому, что онъ не могъ жить безъ общенія съ широкими массами, безъ того, чтобы не видѣть и не слышать, что происходитъ среди широкихъ массъ, чѣмъ онѣ дышатъ, чѣмъ живутъ, — и только это обстоятельство заставляло его разрывать всякія ограды охраны.

Въ тотъ же вечеръ, 30 августа, мнѣ позвонили въ президіумъ ВЧК изъ районнаго Совета и сообщили, что Владиміръ Ильичъ тяжело раненъ, и что задержана какая-то женщина, стрѣлявшая въ Владиміра Ильича. Я тутъ же направилъ группу товарищей изъ ВЧК, во главѣ съ тов. Бѣленькимъ. Черезъ нѣкоторое время они привезли въ ВЧК женщину, лѣтъ 30, которая оказалась Капланъ, стрѣлявшую во Владиміра Ильича. Въ это время въ ВЧК пріѣхали товарищи — Курскій, Свердловъ и Аванесовъ и началось выясненіе. Кругомъ было страшное возмущеніе, — я помню, пріѣзжали товарищи, чрезвычайно возмущенные этимъ событіемъ. Тов. Курскій началъ допрашивать Капланъ, но она въ своемъ первомъ показаніи дала чрезвычайно мало. Потомъ, когда тов. Курскій ушелъ, уже поздно ночью, я снова началъ допрашивать Капланъ, и тутъ она стала давать кое-какія свѣдѣнія о себѣ, откуда она пріѣхала. Было установлено, что фамилія, которую она дала, является не правильной, но она отказалась назвать свою настоящую фамилію. Только на второй или на третій день удалось установить, что она бывшая анархистка, арестованная молодой дѣвушкой послѣ взрыва въ Кіевѣ, потомъ попала на каторгу и сидѣла вмѣстѣ со Спиридоновой и тамъ на каторгѣ превратилась въ эсъ-эровку, что ея настоящее имя Фанни Капланъ. Ночью, когда я ее допрашивалъ, она стала говорить больше. Я долго ей доказывалъ, что преступленіе, которое она совершила передъ рабочими, передъ трудящимися вообще, передъ революціей чрезвычайно тяжелое, и мы съ ней долго спорили по этому вопросу. Въ концѣ концовъ, она запла-

кала и я до сихъ поръ не могу понять, что означали эти слезы: или она дѣйствительно поняла, что она совершила самое тяжелое преступленіе противъ революціи, какое только можно было совершить, или это были утомленные нервы. Дальше Капланъ ничего не говорила о своихъ соучастникахъ въ покушеніи.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о красномъ террорѣ, который начался сейчасъ же послѣ покушенія на Владиміра Ильича и убійства Урицкаго. Буржуазная печать всего міра была страшно возмущена этимъ терроромъ, раздувала цифры, писала будто послѣ раненія Ильича разстрѣляно нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Но я долженъ категорически заявить, что этотъ терроръ былъ самымъ глубокимъ возмущеніемъ, не столько руководящей верхушки, стоявшей во главѣ Совѣтскихъ органовъ, сколько возмущеніемъ широкихъ, трудящихся массъ. Я помню характерную телеграмму о томъ, что собраніе столькохъ то тысячъ рабочихъ, обсудивъ вопросъ о покушеніи на Владиміра Ильича, постановило разстрѣлять десять буржуевъ. Это массовое возмущеніе дѣйствовало на органъ ЧК, на мѣстные исполкомы, на весь руководящій мѣстный аппаратъ, и красный терроръ начался, безъ директивъ центра, безъ всякихъ указаній изъ Москвы. Масса сама оцѣнила контрреволюцію, оцѣнила своего любимаго вождя и мстила за покушеніе на его жизнь. Необходимо еще отмѣтить, что этотъ красный терроръ, не расправлялся съ кѣмъ попало: разстрѣлянные были — явными бѣлогвардѣйцами, царскими палачами, которые сидѣли въ тюрьмахъ. Я помню разстрѣлянныхъ въ Москвѣ въ дни красного террора, послѣ покушенія на Владиміра Ильича: въ числѣ разстрѣлянныхъ былъ Бѣлецкій, многіе изъ царскихъ министровъ и цѣлый рядъ другихъ высокихъ сановниковъ, которые спокойно бы сидѣли въ тюрьмѣ и, можетъ быть, просидѣли бы еще очень долго, если бы не бѣлый терроръ, если бы не десанты Антанты, если бы не работы Локартовъ, Гренаровъ и др. то же самое касается и количества. Количество разстрѣлянныхъ чрезвычайно преувеличено. Наибольшая цифра падаетъ на Ленинградъ.

Въ общемъ и цѣломъ же цифра разстрѣлянныхъ ни въ коемъ случаѣ не превышаетъ 600 человѣкъ.

* * *

Вотъ основные моменты, характеризующіе работу ВЧКъ въ 1917—1918 гг. Въ одинъ годъ — два крупнѣйшихъ заговора и возстаніе лѣвыхъ эсъ-эровъ, при общемъ количествѣ сотрудниковъ ВЧКъ, не доходившемъ до 500 человѣкъ. Работа чрезвычайно напряженная, интенсивная, когда сотрудники не знали ни часовъ работы, ни отдыха. Но осенью 1918 года, послѣ расправы по дѣлу Локарта, послѣ расправы за покушеніе на Владиміра Ильича, внутри страны наступило относителнѣе спокойствіе. Все вниманіе контрѣ-революціонныхъ силъ опять было обращено на открытые фронты, гдѣ, при помощи десантовъ, выступали Колчакъ, Деникинъ, Юденичъ и др. бѣлогвардейскіе генералы. Повторяю, внутри страны наступило какъ будто бы успокоеніе и начались нападки нѣкоторыхъ товарищей, доказывавшихъ ненужность ВЧКъ, какъ органа расправы, настаивавшихъ на судебной, гласной расправѣ и т. д. ВЧКъ пришлось вынести не мало нападковъ и въ печати, и на партійныхъ собраніяхъ, и въ рядѣ совѣщаній. Мнѣ не хочется затрагивать весь этотъ вопросъ, цитировать выдержки изъ статей тов. Крыленко и ряда другихъ товарищей по этому вопросу, но жизнь показала, что правы были ВЧКъ и ЦКъ нашей партіи, который въ этой борьбѣ занялъ твердую линію сохраненіе ВЧКъ, какъ органа расправы. Дальнѣйшая борьба показала, что враги еще разъ и еще разъ организовались для нанесенія удара изнутри, что приходилось расправляться гораздо болѣе свирѣпо, чѣмъ въ 1918 году.

Петерсб.

СОДЕРЖАНІЕ.

БУРЦЕВЪ, В. Л. Мой прїѣздъ въ Россію въ 1914 г. (Изъ воспоминаній)	5
БУРЦЕВЪ, В. Л. Печальный конецъ Б. В. Савин- кова	40
Письмо Б. В. Савинкова къ В. Л. Бурцеву . . .	56
Отвѣтъ В. Л. Бурцева — Б. В. Савинкову . . .	59
КРЕСТИНСКИЙ, П. Н. Пораженческая компанія большевиковъ во время войны	69
БАДАЕВЪ, А. Е. Пораженческая компанія большевицкихъ членовъ Государственной Думы	81
Какъ Департаментъ Полиціи отпустилъ Ленина за- границу для большевицкой пропаганды . .	85
ПЕТЕРСЪ. Воспоминанія о работѣ въ ВЧКъ въ пер- вый годъ революціи	93
